This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

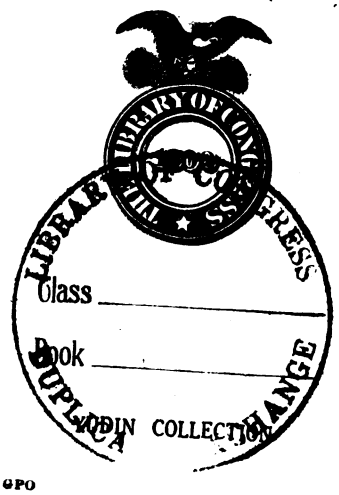
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

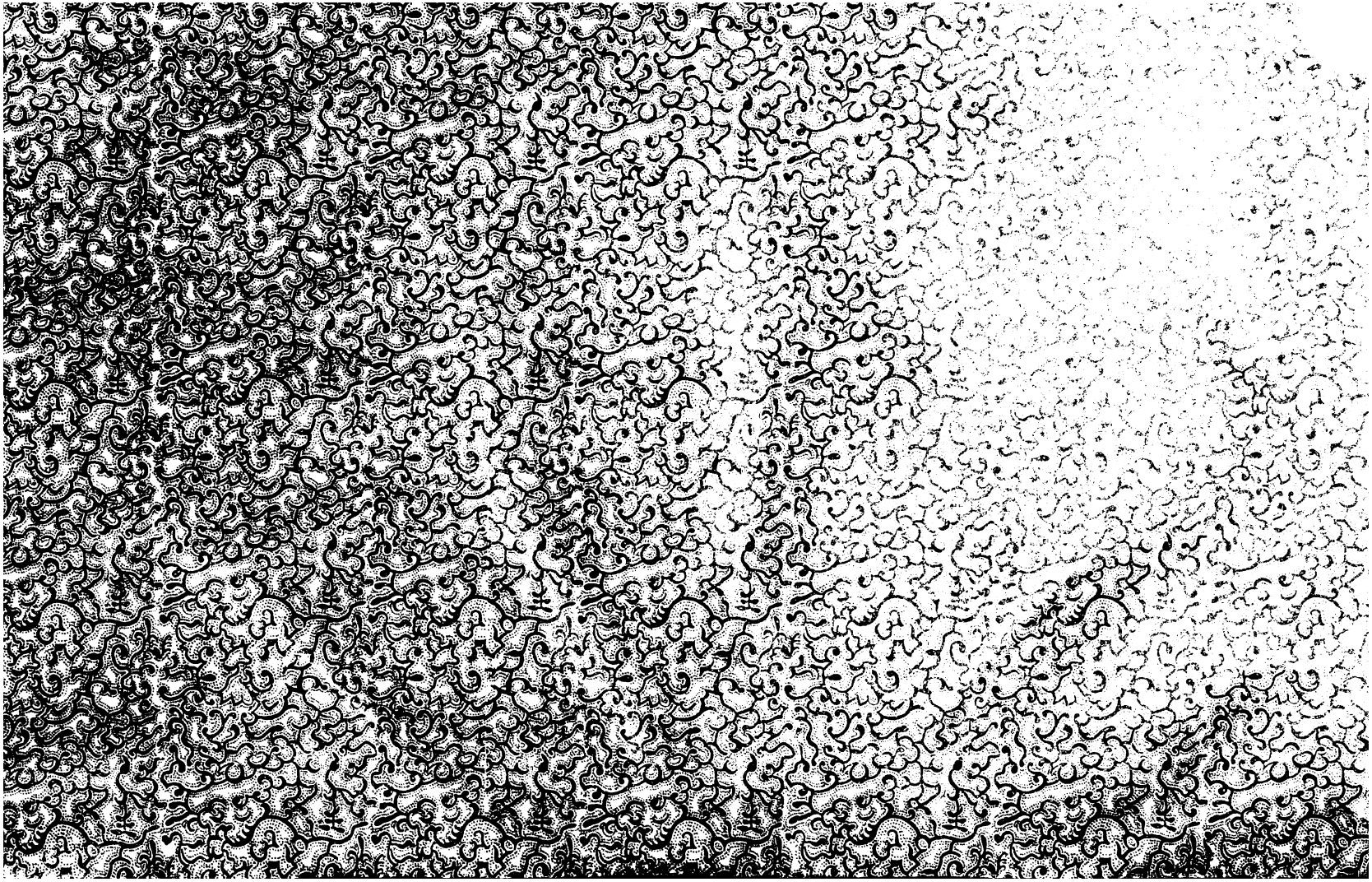
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

KPF1174

A.D.
1904
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА


LIBRARY OF CONGRESS
Class
Book
SUPPLEMENTARY EXCHANGE
YUDIN COLLECTION

GPO



Burnashev, Vladimir Petrovich

НАШИ ЧУДОДѢИ.

ЛѢТОПИСЬ ЧУДАЧЕСТВЪ

и

ЭКСЦЕНТРИЧНОСТЕЙ ВСЯКАГО РОДА.

СОСТАВИЛЪ
Burnashev
КАСЬЯНЪ КАСЬЯНОВЪ.

I. Графъ Хвостовъ. — II. Ганинъ. — III. Брызгаловъ. — IV. Боярскій пиръ. — V. Савва Яковлевъ. — VI. Добавленіе къ монографіи «Графъ Хвостовъ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Тушнова, на углу Надежд. ул. и Манежн. пер., д. № 39—5.
1875.

KPF 1174

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 22 1956

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ 1
II. Егоръ Федоровичъ Ганинъ. 73
III. Бригадиръ Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ. 134
IV. Боярскій пиръ въ началѣ XIX столѣтія 162
V. Савва Яковлевъ. 216
VI. Добавленіе къ монографіи „Графъ Хвостовъ“. . . . 270

I.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ Хвостовъ.

(ИЗВѢСТНЫЙ ЧУДАКЪ СТИХОТВОРЕЦЪ.)

Имя *графа Хвостова*, получило неотъемлемыя права гражданства въ числѣ русскихъ пословицъ или, скорѣе, поговорокъ; этими двумя словами *„Графъ Хвостовъ“* выражается понятіе о страстномъ, неумѣломъ и злополучномъ въ исполненіи кропателѣ стиховъ или, скорѣе, рифмованныхъ строчекъ, не рѣдко безъ всякой основной мысли, безъ надлежащаго содержанія, безъ значенія, безъ понятнаго опредѣленія предмета. О такихъ стихоплетахъ, въ добавокъ обыкновенно еще страстно влюбленныхъ въ свои уморительныя произведенія, къ которымъ они относятся всегда до комичности важно и серьезно, обыкновенно говорятъ: „сущій графъ Хвостовъ“; „новый графъ Хвостовъ“; „вылитый графъ Хвостовъ“; „графъ Хвостовъ нашихъ дней“ и пр., и пр. Впрочемъ, если хотятъ, не касаясь личности стихотворца, опредѣ-

лить качество рода его произведеній, то употребляютъ только всеобъясняющее слово: „Хвостовщина“. Еще при жизни графа Хвостова, этого прирожденнаго, чистокровнаго „петербургскаго стихо или метро-мана“, родившагося (въ 1757), жившаго почти безвыѣздно и умершаго (въ 1835 г.) въ Петербургѣ, его именемъ называли московскаго, столько-же знаменитаго и столько-же забавнаго стихотворца грузинскаго князя Петра Ивановича Шаликова. Московскій „графъ Хвостовъ“ издалъ безчисленное множество книгъ и брошюръ, преимущественно въ стихахъ на всевозможные случаи; кромѣ того онъ издавалъ нѣсколько журналовъ, большею частью не долговѣчныхъ; въ томъ числѣ „Дамскій журналъ“, напротивъ, очень долговѣчный выходившій, кажется, втеченіи 20 лѣтъ. Князь Шаликовъ, наконецъ, былъ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“, издававшихся тогда собственно отъ Правленія Университета. Князь Шаликовъ, какъ я слышалъ отъ москвичей, имѣлъ слабость тщеславиться тѣмъ, что бывавшіе въ Петербургѣ его сограждане, москвичи, увѣряли его постоянно, что петербургскій графъ Хвостовъ совершенно выцвѣлъ и поблекъ (это говорилось въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ) и въ подметки не годится московскому; что петербургскій за счастіе считаетъ, когда при немъ наѣзжіе въ Питеръ чистокровные жители Неглинной или Тверской, говоря о немъ, графѣ Хвостовѣ, лестно называютъ его Петербургскимъ княземъ Шаликовымъ.

Итакъ, оба они, оба сіятельныхъ чудака, соединенные узами дружбы и писавшіе одинъ другому нѣжныя посланія, пользовались знаменитостью и славою, конечно, отрицательною, напримѣръ, въ родѣ славы Герострата или Омара, хотя вовсе безъ разрушительныхъ аксесуаровъ той нелѣпой славы, которая и сохранила эти нелѣпыя имена въ исторіи. Но какъ-бы тамъ ни было,—наши графъ

Хвостовъ и князь Шаликовъ, одинъ графъ сардинскій, другой князь грузинскій, не только оба вмѣстѣ, но даже взятые по одиночкѣ, своею метроманіею, своею назойливостью и, главное, своею наивною и комическою самовлюбленностью въ свои виршеизверженія, положительно за поясъ заткнутъ такихъ стихоплетовъ, какіе были у французовъ, напримѣръ, Фрерона, безчисленныя жизнеописанія котораго можно найти во всѣхъ dictionaires biographiques. Въ нашихъ-же „Справочныхъ“ и „Настольныхъ“ словаряхъ, какъ о Хвостовѣ подъ буквою *Х*, такъ о Шаликовѣ подъ буквою *Ш*, вы встрѣтите только самыя ограниченныя свѣденія о томъ, когда родился, умеръ и когда издалъ свои сочиненія, вотъ и все; характеристики-же этихъ чудаковъ, оцѣнки ихъ оригинальной дѣятельности вовсе не имѣется. Такъ что по этимъ словарямъ на повѣрку выходитъ, что и графъ Хвостовъ и князь Шаликовъ были такіе-же русскіе писатели, какъ Державинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и пр.

А между тѣмъ французы носятся съ своимъ Фрерономъ, le grand fabriquant de vers, съ своимъ д'Арленкуромъ, скупавшимъ свои собственные романы, подобно графу Хвостову, дѣлавшему то-же много лѣтъ до него: нѣмцы и англичане имѣютъ, конечно, своихъ Фреронов и своихъ д'Арленкуровъ, характеристики которыхъ изобразила германская и англійская неутомимая пресса. А мы, имѣя такія драгоцѣнности, оставляемъ ихъ безъ вниманія. Ну, право, такимъ невниманіемъ оскорбляется патріотическое чувство! Желая пополнить важный пробѣлъ въ нашей литературѣ, я рѣшился написать и издать „Монографію графа Д. И. Хвостова“. А за нею уповаю, со временемъ, пустить въ печать еще болѣе интересную, если только это возможно, „Монографію князя П. И. Шаликова“, журналъ котораго *(Дамскій журналъ)* мною

проштудированъ *досконально*. Я убѣжденъ, что эти двѣ біографіи *русскихъ Фреронов*ъ (Фреронъ послужилъ оригиналомъ Мольеру для его Триссотана и Вадіуса) непремѣнно будутъ переведены французами, нѣмцами и англичанами, которые, я въ томъ увѣренъ, не назовутъ ни графа, ни князя глупцами, а только *великолѣпными чудодѣями и оригиналами*, т. е. тѣмъ, что французы выражаютъ словомъ, farceur!..

„На родинѣ своей никто пророкомъ не бывалъ“. Истина эта, между прочимъ, примѣняется къ графу Д. И. Хвостову, котораго имя и дѣла такъ не отчетливо и такъ неопредѣленно переданы редакціями нашихъ русскихъ „Конверсасіонъ лексиконовъ“; при жизни-же его, человѣкъ много ему обязанный, даже, какъ было слышно, облагодѣтельствованный имъ, знаменитый своею желчностью, злобою, сплетнями, клеветами и грязными доносами А. Ф. Воейковъ, характеризовалъ графа въ своемъ рукописномъ въ то время стихотвореніи *“Домъ сумасшедшихъ“* слѣдующимъ образомъ:

Ты, Хвостовъ, къ нему дошедши,
Вскрикнулъ я,—тебѣ ль здѣсь быть?
Ты дуракъ, не сумасшедшій,
Не съ чего тебѣ сходить.
„Въ Буало я мысль добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина обезславилъ“,
Быстро онъ проговорилъ,
И читать мнѣ началъ оду.

Воейковъ принадлежалъ къ числу людей, у которыхъ ложь и обманъ были какъ-бы прирожденными качествами. Онъ много клеветалъ на графа Дмитрія Ивановича Хвостова, чудака изъ чудаковъ и оригинала изъ оригиналовъ, одержимаго неизлечимою страстью къ стихоплет-

ству и до безумія, до мономаніи влюбленнаго въ свои стихотворенія; къ числу клеветъ слѣдуетъ отнести и обозваніе графа дуракомъ. Всякій, кто зналъ графа Хвостова—а его знали очень многіе—можетъ подтвердить, что графъ былъ человѣкъ весьма не глупый. При всей своей забавной эксцентричности, онъ отличался кротостью, благодушіемъ, никогда никого не обижалъ и въ бесѣдѣ своей, если и выказывалъ ту же упрямую ретроградность понятій и убѣжденій, какою полны всѣ его сочиненія, и какою нынче, напримѣръ, отличаются братья Бланки и пр., не проявлялъ никогда глупости или невѣжества, и въ особенности невѣжливости.

Хвостовъ, какъ это было тогда въ обыкновеніи, еще младенцемъ былъ зачисленъ въ гвардію, а въ 1788 году находился при Суворовѣ въ чинѣ подполковника. Ему тогда было уже съ небольшимъ тридцать лѣтъ. Въ тѣ времена можно было, нося военный чинъ, исполнять обязанности камеръ-юнкера или камергера. Хвостовъ былъ камеръ-юнкеромъ, а въ 1789 назначенъ прокуроромъ въ сенатъ, и потомъ въ Синодъ. Въ 1799 году 15 октября, повидимому, по ходатайству Суворова, какъ замѣтно даже изъ нѣкоторыхъ стихотвореній Хвостова, на что далѣе есть у насъ указанія, выражавшаго въ нихъ благодарность свою Суворову за титулъ графа,—сардинскій король Карлъ-Эммануилъ пожаловалъ тайнаго совѣтника Дмитрія Ивановича Хвостова, со всѣми потомками *), графомъ сардинскаго королевства, но только

*) Потомство это было не велико: у графа Дмитрія Ивановича и графини Татьяны Ивановны былъ, кажется, одинъ сынъ, графъ Александръ Дмитріевичъ, получившій великолѣпное иноземное образованіе и не переживший своихъ родителей. Онъ умеръ, кажется, въ началѣ 30 годовъ отъ какой-то худосочной болѣзни. Въ Петербургѣ этотъ русскій иностранецъ живалъ мало, числясь при посольствѣ сначала, а потомъ будучи туристомъ.

28 января 1802 года императоръ Александръ I дозволилъ ему пользоваться этимъ титуломъ. Хвостовъ въ 1783 году, будучи 26 лѣтъ отъ роду, женился на княгинѣ Татьянѣ Ивановнѣ Горчаковой, родной племянницѣ генералисимуса Суворова, оказывавшаго постоянно свое расположеніе къ графу Дмитрію Ивановичу, какъ къ доброму, честному человѣку и родственнику. Суворовъ притомъ постоянно выражалъ свое сожалѣніе, что его родственникъ одержимъ болѣзненной страстью къ виршеплетству. Эта страсть дѣлала графа сначала забавнымъ, наконецъ, довела его до того состоянія шутовства и карикатурности, какое положило въ общественномъ быту свою неотразимую и убійственную, въ нравственно-бытовомъ смыслѣ, печать на всю его дѣятельность. Графъ Хвостовъ вѣчно былъ занятъ сочиненіемъ, большею частью, невозможныхъ стиховъ, которые онъ писалъ на всевозможные случаи семейной, общественной и политической жизни; потомъ печатаніемъ этихъ стиховъ; затѣмъ хлопотами объ ихъ распродажѣ, и, наконецъ, постояннымъ чтеніемъ этихъ стиховъ всѣмъ и каждому, знакомому и незнакомому, что не рѣдко давало поводъ къ презабавнымъ quiproquo и престраннымъ случайностямъ. Страсть эта у графа на старости лѣтъ (молодымъ его никто изъ нынѣшнихъ петербургскихъ стариковъ не помнитъ) дошла до состоянія совершенной болѣзненности, заставлявшей, какъ разсказываютъ люди тридцатыхъ годовъ, когда графу-метроману было около 80 лѣтъ, при встрѣчахъ съ нимъ спасаться отъ него бѣгствомъ. Въ 1804 году, находясь на службѣ въ Москвѣ, гдѣ прожилъ весьма не долго, графъ Дмитрій Ивановичъ Хво-

---

Въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ его видали въ Петербургѣ. Онъ тогда уже былъ совершенно сѣдой,—хотя во все не старъ. Родъ *графовъ* Хвостовыхъ не существуетъ нынѣ. *Кас. Кас.*

стовъ, владѣвшій довольно значительнымъ родовымъ состояніемъ, слитымъ еще съ весьма небѣдною собственностью его супруги, сталъ издавать вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ и графомъ Сергѣемъ Салтыковымъ литературный журналъ подъ заглавіемъ „Другъ Просвѣщенія“; этотъ журналъ прекратился въ 1806 году и состоялъ изъ 12 частей. Эту библіографическую диковинку можно отыскать только въ публичной библіотекѣ.

Начавъ писать стихи около 1776 года, девятнадцати лѣтъ отъ роду, графъ Дмитрій Ивановичъ, отличался во всѣхъ родахъ поэзіи, преимущественно-же въ лирическомъ и дидактическомъ. Между прочимъ, онъ писалъ и басни, имѣя страшную слабость считать себя русскимъ Лафонтеномъ, и, повидимому, нисколько не опасаясь блестящаго таланта Крылова, которому въ своихъ къ нему посланіяхъ даже давалъ дружескіе совѣты. Такъ, между прочимъ, въ 1809 году, графъ Хвостовъ предлагалъ Крылову „заниматься поприлежнѣе сатирической комедіей, почерпая для нея сюжеты изъ общественнаго быта и руководясь—Державинымъ“. Въ 1808 году графъ издалъ свой переводъ, далеко не правильный, извѣстнаго произведенія Буало-Депрео “Art poétique“; а за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1794 году, онъ перевелъ также стихами и, для того времени, вовсе неуродливыми, *) трагедію Расина *Андромаха*, которая выдержала четыре изданія и игралась довольно часто на сценѣ петербургскаго и московскаго театровъ до того вре-

*) Достойно вниманія и замѣчанія, что все написанное Хвостовымъ въ юныхъ лѣтахъ до 1800 года, было несравненно лучше позднѣйшихъ его произведеній, изъ числа которыхъ чуть-ли не самое позднее, *Холера-Морбусъ*, по мнѣнію многихъ, было хуже той заразительной болѣзни, названіе которой носило. *Кас. Кас.*

мени, пока на нихъ давались трагическія произведенія Расина, Корнеля, Кребильона и Вольтера, послѣднею замѣчательною исполнительницею которыхъ не у насъ, а во Франціи, до смерти своей, въ шестидесятыхъ годахъ, была знаменитая французская актриса Рашель. Затѣмъ почти всѣ прочія стихотворенія графа собраны въ шести томахъ, изданныхъ въ 1821, 1822, 1827 и 1830 годахъ подъ общимъ названіемъ „Полнаго Собранія стихотвореній графа Хвостова"; въ нихъ не вошли только тѣ произведенія, которыя были напечатаны въ различныхъ снисходительныхъ и любезныхъ къ графу журналахъ и газетахъ уже послѣ появленія въ свѣтъ изданія 1830 года. Стихотворенія эти графъ печаталъ, какъ и свои стихи на первую *Холеру* (до второй онъ не дожилъ, а то бы непремѣнно воспѣлъ ее своими страшными виршами) — отдѣльными брошюрами, большею частью, довольно крупнаго и виднаго формата въ большую четвертку и дарилъ ихъ, прикладывая иногда и деньги, прикащикамъ книжныхъ магазиновъ, упрашивая ихъ выставлять эти изданія въ витринахъ, какъ можно виднѣе.—Все это было, конечно, чрезвычайно странно, даже смѣшно; манія графа очень граничила съ умопомѣшательствомъ; но при всемъ томъ, эти странности не носили на себѣ печати дѣйствій пошлаго глупца, какимъ Воейковъ, впрочемъ, всегда бывшій очень щедрымъ на бранчивые и грубые эпитеты, заклеймилъ благодушнаго, честнаго и вовсе не глупаго отъ природы, но отличающагося извѣстнымъ самодурствомъ, привитымъ ему обстоятельствами жизни, графа Дмитрія Ивановича Хвостова. Графъ представлялъ собою экземпляръ, по истинѣ, удивительной своеобразной личности, страдающей болѣзненной страстью къ стихотворству, которая дѣлала его смѣшнымъ, а впослѣдствіи, въ прек-

лонной старости, даже жалкимъ и, во многихъ отношеніяхъ, неприличнымъ и несноснымъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ все за урядъ ругать и поносить. Методѣ этой слѣдуютъ нѣкоторые quasi-критики, считающіе, что они имѣютъ какое-то привилегированное право относиться объ авторѣ, не пользующемся особымъ расположеніемъ публики, какъ о совершенно жалкой, несчастной, какъ-бы отпѣтой личности. Такъ, между прочимъ, вошло въ обычай считать нелѣпостью рѣшительно все, что когда нибудь сошло съ плодовитаго, незнавшаго усталости, пера графа Хвостова. Нельзя не сознаться, что большая часть его стихотворныхъ произведеній до того плоха, что даетъ право считать его только виршеплетомъ и ничѣмъ болѣе. Но при всемъ томъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячь стиховъ, заключающихся въ сотнѣ или болѣе печатныхъ листовъ его произведеній,—можно встрѣтить нѣсколько такихъ, подъ которыми, право, могла-бы быть смѣло поставлена подпись любого изъ среднихъ по таланту нашихъ дѣлателей стиховъ въ различныхъ родахъ, а въ особенности въ родѣ легкомъ, болѣе или менѣе шутливомъ, въ какомъ графу Хвостову удалось написать нѣсколько далеко не дурныхъ вещей. Нѣкоторыя изъ этихъ диковинныхъ проявленій поэтической дѣятельности графа приведены въ этой монографіи, которая снабжена и другими образчиками, которые взяты безъ всякаго выбора, на удачу изъ массы его разнообразныхъ и разновидныхъ сочиненій. Достойно вниманія то обстоятельство, что болѣе удачныя изъ произведеній графа Хвостова не пользовались его авторской любовью; онъ питалъ ее къ тѣмъ изъ своихъ стихотвореній, которыя кто-то очень удачно называлъ „высокою галиматьею“ (sublime du galimatias). Къ числу этого рода виршеизверженій графа Дмитрія Ивановича принадлежатъ въ особенности, изданныя имъ

въ 1830 году стихи: *Холера-Морбусъ*. Они напечатаны были въ большую четвертку in quarto и заключали въ себѣ рядъ ужасающихъ стихотворныхъ невозможностей. Они были изданы въ пользу пострадавшихъ отъ холеры. Тогдашнія газеты, въ особенности „Сѣверная Пчела“ Греча и Булгарина, подтруниали надъ этимъ великодушнымъ даромъ его сіятельства и давали довольно прозрачно чувствовать и понимать, что если графъ самъ не скупитъ всѣхъ экземпляровъ, продававшихся по рублю за экземпляръ, то пострадавшіе отъ холеры не увидятъ этихъ денегъ, какъ своихъ ушей. Однакожь, на этотъ разъ вышло иначе, чѣмъ обыкновенно случалось съ изданіями графа, т. е., что изъ публики ихъ никто не покупалъ и они оставались-бы навсегда въ книжныхъ лавкахъ, если-бы ихъ не скупали секретные агенты графа, секретъ которыхъ, впрочемъ, былъ шитъ бѣлыми нитками, почему всѣхъ этихъ агентовъ графа книгопродавцы знали въ лицо, какъ свои пять пальцевъ. Напротивъ, къ великому удивленію автора, книгопродавцевъ и публики, посвященной въ тайну чудака графа, его стихотвореніе „*Холера - Морбусъ*“, отпечатанное въ количествѣ 2,400 экземпляровъ, дало въ пользу благотворенія болѣе 2,000 р., разумѣется, какъ тогда считали, ассигнаціонныхъ, что, при тогдашней цѣнности денегъ, составляло порядочную сумму. Эти деньги поступили въ попечительный холерный комитетъ, находившійся подъ предсѣдательствомъ тогдашняго генералъ - губернатора (тогда еще не графа) Петра Кириловича Эссена (о которомъ русскіе солдаты говорили: „Эссенъ умомъ тѣсенъ“). Графъ Хвостовъ, восхищенный этимъ успѣхомъ, поспѣшилъ препроводить къ графу Эссену въ дополненіе еще тысячу рублей, при письмѣ, въ которомъ упоминалось, что „Богъ любитъ Троицу, эта третья тысяча препровождается къ господину главноначальствующему

въ столицѣ". Но на бѣду старикъ-графъ Дмитрій Ивановичъ не вытерпѣлъ, и нафаршировалъ письмо своими стихами. Такой офиціально-поэтическій документъ поставилъ Петра Кириловича Эссена въ тупикъ, въ какой, впрочемъ, его высокопревосходительство сплошь да рядомъ становился. Говорили, что генералъ губернаторъ, возмущаемый тѣмъ, что офиціальное отношеніе написано въ стихахъ, хотѣлъ было отослать обратно и деньги, съ просьбою прислать его при отношеніи по формѣ. Но его правитель канцеляріи, петербургская знаменитость того времени, дѣйствительный статскій совѣтникъ Оводовъ, которому Петръ Кириловичъ, хоть и православный нѣмецъ, плохо произносившій по-русски всегда рекомендовалъ „зудить" (вмѣсто судить) по законамъ",— далъ своему принципалу благой совѣтъ принять деньги, хотя онѣ и присланы при стихотворномъ письмѣ, которое, однакожь, не смотря на массу разныхъ рифмъ, представляетъ чистѣйшую прозу. Письмо графа было тотчасъ занесено во входящій рѣестръ и, какъ слѣдуетъ, занумеровано журналистомъ генералъ-губернаторской канцеляріи.

Успѣхомъ своимъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Холера-Морбусъ" обязано тогдашнему настроенію общественнаго мнѣнія. Въ то время весь Петербургъ находился подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ холернаго погрома. Съ высоты Царскаго трона и съ кафедръ церковныхъ проповѣдниковъ русскіе люди приглашались къ пожертвованіямъ въ пользу вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ безчисленныхъ жертвъ свирѣпой холеры. Въ такое время естественно, что книжка, изданная съ цѣлью употребить доходъ съ нея въ пользу тѣхъ, о комъ толковали въ цѣлой Россіи,—такая книжка должна была продаваться, хотя и была написана графомъ Хвостовымъ, произведенія котораго никѣмъ не читались, кромѣ тѣхъ несчастныхъ, кому читалъ ихъ самъ авторъ. Графъ Хво-

стовъ къ тому-же ревностно пропагандировалъ ее, останавливая своихъ знакомыхъ и даже не знакомыхъ на улицахъ, въ публичныхъ мѣстахъ и спрашивая: „Читали-ли вы мою „Холеру-Морбусъ“? Такимъ образомъ, изданіе книги графа Хвостова стало дѣломъ общественнымъ, особенно, когда въ публикѣ узнали, что великій князь Михаилъ Павловичъ, главный начальникъ военно учебныхъ заведеній и IV отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, завѣдующее женскими учебными заведеніями, пріобрѣли изъ книжныхъ магазиновъ до 300 экземпляровъ ея, для раздачи кадетамъ и институткамъ.

На вопросъ графа: „читали-ли вы мое стихотвореніе „Холера-Морбусъ“, каждый спѣшилъ отвѣчать: „какъ-же читалъ“, зная, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, графъ тотчасъ-же сталъ-бы читать тѣ мѣста, какія самъ считалъ превосходнѣйшими, заставивъ своего спутника-секретаря взять отъ одного изъ слѣдовавшихъ за ними по пятамъ лакеевъ-гайдуковъ экземпляръ этого творенія, вездѣ носимаго за графомъ, и держать передъ нимъ, пока онъ читаетъ. Такой отвѣтъ вмѣстѣ и радовалъ и огорчалъ графа: радовалъ потому, что такая извѣстность его произведенія льстила его самолюбію; огорчалъ оттого, что не находилъ слушателя въ то время, какъ его сильно подмывало читать свои стихи и упиваться звучностью рифмъ—онъ всегда утверждалъ, что рифмы его звучны. Нашелся однакожь одинъ юноша, извѣстный теперь подъ именемъ старосвѣтскаго петербуржца и подписывающій свои *„Петербургскія Воспоминанія“* буквами В. Б., который поступилъ иначе. Этому юношѣ въ то время было всего семнадцать лѣтъ; по тогдашнимъ понятіямъ онъ былъ мальчикъ, находившійся однакожь на дѣйствительной службѣ, хотя ему гораздо естественнѣе было-бы слушать лекціи университетскихъ профессоровъ. Этотъ-то свѣженькій бѣлокурый мальчикъ

попался въ старческіе когти графа метромана, и попался потому, что на стереотипный вопросъ графа, читалъ-ли его новое твореніе, не нашелся сказать рѣшительно, что читалъ уже знаменитые стихи на холеру, а съ проста брякнулъ, что еще не читалъ; этотъ отвѣтъ ввелъ его въ большую бѣду. Надо еще сказать, что этотъ юноша въ ту пору, кромѣ канцелярской службы, былъ сотрудникомъ, разумѣется, con amore, такъ какъ тогда объ иномъ сотрудничествѣ никто и не помышлялъ, — маленькой воскресной французской бомондной газетки „Furet“ (*Хорекъ*), издававшейся молодымъ еще человѣкомъ французомъ Сен-Жюльеномъ. Въ этой газеткѣ этотъ-то нашъ В. Б., между прочимъ, печаталъ свои comptes rendus о тогдашней текущей литературѣ и журналистикѣ. Дѣло въ томъ, что въ тѣ крайне патріархальныя и наивныя времена эти ребяческіе comptes rendus de la litterature russe привлекали къ ихъ полудитятѣ-автору вниманіе и расположеніе такихъ литераторовъ, какъ Гречъ, Полевой, Калашниковъ, князь Одоевскій и нѣкоторые другіе. „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, говоритъ гдѣ-то въ печати въ 1871 году означенный старосвѣтскій петербуржецъ,—что за 40 лѣтъ предъ симъ (теперь уже за 45) семнадцатилѣтній мальчикъ, знавшій только порядочно французскій языкъ, могъ такъ куралесить въ русской литературѣ, посредствомъ своего сотрудничества въ маленькомъ салонномъ французскомъ листкѣ, являвшемся каждое воскресенье вмѣстѣ съ чашкой утренняго кофе на столикахъ всѣхъ кабинетовъ и будуаровъ великосвѣтскаго Петербурга“.—Какъ-бы то ни было, извѣстность этихъ литературныхъ на французскомъ діалектѣ отчетовъ дошла, къ бѣдѣ В. Б., и до извѣстнаго, плодовитѣйшаго стихокропателя, маститаго графа Дмитрія Ивановича Хвостова, печатными виршами котораго всегда биткомъ набиты были какъ карманы его свѣтло-

сѣраго съ анненскою звѣздой фрака, испачканнаго на воротникѣ сзади пудрой, а спереди табакомъ, такъ и карманы двухъ сопровождавшихъ его сіятельство гайдуковъ въ синихъ ливреяхъ съ малиновыми воротниками и обшлагами, покрытыхъ золотыми широкими галунами. Изъ этихъ-то резервуаровъ, маленькій, сгорбленный, сухощавый старичокъ, сморщенный, какъ печоное яблоко, потрясавшій своею густо напудренною головой, постоянно извлекалъ массы своихъ стихотворныхъ брошюръ и листковъ, издававшихся имъ на всевозможные и почти невозможные случаи. Въ Лѣтнемъ саду, обычномъ мѣстѣ своей прогулки, графъ обыкновенно подсаживался къ знакомымъ и не знакомымъ, и всѣхъ мучалъ чтеніемъ этихъ стиховъ до того, что постоянные посѣтители сада всѣми силами старались улизнуть отъ его сіятельства. Достовѣрно извѣстно, что графъ Хвостовъ нанималъ за довольно порядочное жалованье въ годъ, на полномъ своемъ иждивеніи и содержаніи, какого-нибудь или отставного, или выгнаннаго изъ службы чиновника, всѣ обязанности котораго ограничивались слушаніемъ или чтеніемъ въ слухъ стиховъ графа. Въ двадцатыхъ годахъ такимъ секретаремъ, чтецомъ и слушателемъ у графа, какъ извѣстно изъ „Благонамѣреннаго“ и изъ писемъ А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву, напечатаннымъ въ 1871 году въ „Русскомъ Архивѣ“ и послужившимъ отчасти матеріяломъ г. Эртаулову для статьи его объ Измайловѣ въ 4 № журнала „Дѣло“ 1874 года, — былъ нѣкто отставной ветеринаръ, бывшій семинаристъ Ив. Ив. Георгіевскій. Онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ у графа, благодаря только своей необыкновенно сильной, топорной комплексіи; другіе-же секретари-чтецы графа, несмотря на хорошее жалованье и содержаніе, болѣе года не выдерживали пытки слушанія стиховъ; обыкновенно кончалось тѣмъ, что эти бѣдняки заболѣвали ка-

кою-то особенною болѣзнью, которую Н. И. Гречъ, а за нимъ и другіе петербургскіе шутники называли „метрофобіей“ или „стихофобіей“. Въ Лѣтнемъ саду и по кондитерскимъ, въ то время уже многочисленнымъ въ Петербургѣ, графъ старался ловить пріѣзжихъ провинціяловъ, восхищавшихся (въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ такое восхищеніе было à l'ordre du jour) высокою честью бесѣдовать съ сенаторомъ-звѣздоносцемъ, и эти господа всласть выслушивали изъ устъ его сіятельства или его секретаря, или сами вслухъ съ уваженіемъ читали его стихи. За такія любезности и за такую „свѣтскость“, графъ приглашалъ внимательныхъ слушателей и льстецовъ къ себѣ въ домъ на обѣдъ, на который эти господа являлись какъ на нѣкое торжество, входили въ домъ къ графу съ благоговѣніемъ, точно въ святилище. Такихъ господъ въ Россіи тогда было не мало; существуютъ они и теперь; конечно, ихъ меньше и являются они въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, по крайней мѣрѣ, по формѣ, если не по сущности, но что они существуютъ, это особенно удобно замѣтить во время зимняго сезона, въ театрахъ, лучше сказать, въ итальянской оперѣ, куда они попадаютъ, вымаливая у театральныхъ барышниковъ билетъ за непомѣрную сумму; типъ въ нихъ сохранился еще въ такой степени, что ихъ легко узнать съ перваго взгляда. Но возвратимся къ злосчастному В. Б., попавшемуся въ Лѣтнемъ саду графу. Какъ ни лавировалъ онъ, но отдѣлаться отъ стихомана не могъ; старецъ замучалъ юношу своими стихами, отзываясь при этомъ съ восторгомъ (разумѣется, поддѣльнымъ) объ его статьяхъ во французскомъ листкѣ le Furet, и приглашая къ себѣ въ гости. Графъ жилъ тогда въ Сергіевской улицѣ, въ своемъ длинномъ, желтомъ, неуклюжемъ, двухъэтажномъ домѣ, который давнымъ-давно не существуетъ и замѣненъ какими-то изящными чертогами. В. Б. одна-

кожь успѣлъ на этотъ разъ отдѣлаться отъ посѣщенія графскаго дома и въ добавокъ имѣлъ школьничество (простительное въ 17 лѣтъ) дать старику фальшивый адресъ, гдѣ-то у Бердова моста на Козьемъ Болотѣ, тогда какъ онъ проживалъ тогда въ Басковомъ переулкѣ, въ мезонинѣ деревяннаго дома противъ артиллерійскихъ конюшенъ, который тогда принадлежалъ киверному фабриканту отставному гвардейскому унтеръ-офицеру Глотову; теперь, черезъ 45 лѣтъ, этотъ домъ остается рѣшительно въ томъ-же видѣ, какъ былъ тогда, не имѣя только на дворѣ своемъ киверной фабрики и принадлежа, кажется, уже десятому послѣ Глотова хозяину. Однакожь, фальшивый адресъ не спасъ юношу: въ одно утро, въ воскресенье послѣ обѣдни, передъ зеленовато-табачнаго цвѣта (какъ и теперь) домикомъ съ мезониномъ Глотова остановилась свѣтлоголубая карета, запряженная гнѣдопѣгой четверкой цугомъ съ форейтеромъ на передней правой уносной лошади. Два ливрейныхъ лакея въ синихъ сюртукахъ съ малиновыми воротниками и обшлагами, съ золотыми галунами на треугольныхъ шляпахъ и на капишонахъ, соскочили съ запятокъ. Одинъ сталъ у дверецъ лазоревой кареты, другой вошелъ во дворъ и направился по деревянной лѣстницѣ въ мезонинъ. Онъ подалъ В. Б. визитную карточку графа съ словами, написанными на ней красными чернилами: „Не откажите, молодой писатель (хорошъ писатель,—17 лѣтъ!), потѣшьте старика, поѣзжайте съ нимъ къ нему на домъ теперь-же. Графъ Дм. Хвостовъ“. Отнѣкиваться было уже невозможно, и злосчастный В. Б., накинувъ шинель и взявъ шляпу, поѣхалъ въ графской каретѣ вмѣстѣ съ его сіятельствомъ. Во время дороги графъ ни полсловомъ не намекнулъ своему юному спутнику о его дерзкой мистификаціи съ адресомъ, а это доказываетъ, что графъ вовсе не былъ дуракъ, какимъ его величалъ

Воейковъ. Дома графъ угостилъ юношу шоколадомъ съ бисквитами, послѣ чего не могъ утерпѣть, чтобы не прочесть ему стихотвореній, только что написанныхъ имъ, въ чемъ удостовѣряла свѣжесть чернилъ. Передъ окончательнымъ распрощаніемъ добрый старичокъ взялъ съ своего юнаго слушателя слово, что онъ будетъ у него скоро и при этомъ, спросивъ: „А вы, мой юный другъ, имѣете мою „Холеру Морбусъ“? и получивъ отрицательный отвѣтъ, — тотчасъ присѣлъ къ столу и что-то собственноручно настрочилъ своими крайне не каллиграфическими каракулями. Затѣмъ, вставъ отъ стола, графъ снабдилъ своего гостя экземпляромъ своей „Холера-Морбусъ“, изданной въ видѣ тетради in quarto, на заглавномъ листѣ котораго было нѣсколько стиховъ, сейчасъ собственноручно написанныхъ и посвященныхъ „юному критику французской газеты Furet отъ удивляющагося его талантамъ и вѣрности сужденія старика-поэта, до гроба поклонника Музъ и Грацій“. Таково было черезъчуръ лестное содержаніе этихъ шести стиховъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ именами Аполона и почти всѣхъ жителей Парнаса, красовались имена и фамиліи, какъ стихотворца-графа, такъ молодого рецензента французскаго листка.

При выходѣ на улицу, В. Б., въ тѣ годы плативший дань свѣтскимъ веселостямъ, вспомнивъ, что ему въ этотъ вечеръ предстоялъ баликъ, на который не мыслимо было явиться въ цвѣтныхъ перчаткахъ, зашелъ за палевыми перчатками въ знакомый ему модный магазинчикъ г-жи Дюливье на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, въ д. Рогова. Взявъ перчатки и не зная куда дѣваться съ хвостовскимъ свертокомъ, отправляясь обѣдать въ гости, В. Б. оставилъ въ магазинѣ этотъ свертокъ съ печатными стихами о холерѣ и рукописнымъ посвященіемъ, сказавъ, что если завтра онъ не

зайдетъ мимоходомъ, возвращаясь изъ своего департамента за этою огромною, напечатанною на веленевой бумагѣ, тетрадищею, то хозяева магазина вправѣ en faire de choux et des raves, т. е. сдѣлать все, что имъ заблагоразсудится.

Черезъ пять или шесть дней послѣ этого случая, В. Б. получилъ отъ графа Дмитрія Ивановича записку съ приглашеніемъ его на слѣдующій вечеръ чаю откушать. Забывъ совершенно о существованіи стихотворной печатной тетрадищи съ лестнымъ на ней сіятельнымъ посвященіемъ, онъ отправился въ Сергіевскую, гдѣ былъ принятъ, надо правду сказать, съ распростертыми объятіями и за серебряннымъ самоваромъ угощенъ нѣсколькими чашками (въ это время въ стаканахъ пили чай только караульные офицеры на гауптвахтахъ) хорошаго чая со сливками и вдобавокъ еще съ отличными домашними печеньями. Сидѣли въ малой гостиной, свѣтло-голубой съ серебрянными звѣздочками комнатѣ, освѣщенной многими канделябрами съ восковыми свѣчами, такъ какъ тогда о калетовскихъ стеариновыхъ свѣчахъ только что еще начинали поговаривать и употребляли ихъ въ видѣ опыта. Графъ, какъ это было у него неизбѣжнымъ зломъ, конечно, читалъ свои стихи и, когда утомлялся, заставлялъ читать ихъ своего секретаря-чтеца. Графиня, сѣдая старушка въ блондовомъ чепцѣ и напудренныхъ букляхъ, окруженная тремя или четырьмя старообразными и весьма не взрачными компаньонками, одѣтыми, однакожь, очень модно и вычурно, да еще пятью или шестью болонками и мопсами, съ ошейниками и побрякушками, присутствовала тутъ-же, дѣлая видъ, что слушаетъ стихи своего мужа, лаская собаченокъ, или играя въ дурачки съ которою нибудь изъ своихъ наперстницъ. Графиня Хвостова во всемъ Петербургѣ славилась своимъ спеціальнымъ французскимъ языкомъ, кото-

рый она умѣла такъ удивительно уродовать, что въ большомъ свѣтѣ, гдѣ тогда незнаніе французскаго языка считалось чѣмъ-то въ родѣ уголовщины, разсказывалось безчисленное множество примѣровъ ея ужаснѣйшихъ руссицизмовъ. Разсказывали, между прочимъ, что, когда ея братъ, князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, кажется, въ 1812 году былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, за какой-то военный подвигъ, имъ совершенный, она сказала: „Mon frére a reçu *la cavalerie á travers l'epaule* (кавалерскую ленту черезъ плечо) pour avoir été blessé au *caviar* gauche“ (лѣвую икру). А когда ее спрашивали о гувернерѣ ея сына, кто это? она отвѣчала: „C'est le monsieur, qui marche derriere mon fils (ходитъ за моимъ сыномъ) et lui montre la langue française“ (преподаетъ ему правила французскаго языка).

Графъ сталъ очень любезно говорить своему молодому гостю о стихахъ, какіе онъ ему подарилъ въ воскресенье на той недѣлѣ со своимъ посвященіемъ. Платя дань вѣжливости, но не правдѣ, В. Б. отвѣчалъ, что это сочиненіе занимаетъ первое мѣсто въ его библіотекѣ, а посвященіе, начертанное рукой автора, приводитъ въ восхищеніе его родныхъ. Но тутъ юноша былъ жестоко наказанъ за свою безстыдную ложь, потому что графъ Дмитрій Ивановичъ, хотя и несносный маньякъ съ своимъ несноснымъ стихотворствомъ, былъ вполнѣ свѣтскимъ и порядочнымъ человѣкомъ; съ любезной усмѣшкой онъ сказалъ юному В. Б: „Видно у насъ, въ Петербургѣ, возобновились чудеса Каліостро. Вы, молодой человѣкъ, говорите, что тетрадь эта у васъ на квартирѣ, а между тѣмъ, она очутилась у меня здѣсь“.—И онъ подалъ гостю эту злополучную тетрадь, вынувъ ее изъ выдвижного ящика стариннаго переддиваннаго стола. В. Б. готовъ былъ провалиться сквозь землю и покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Дѣло объяснилось тѣмъ, что гра-

финя Татьяна Ивановна купила какую-то матерію въ магазинѣ Дюливье, и товаръ этотъ, разумѣется, совершенно безнамѣренно завернули въ знаменитую тетрадь. Графъ поручилъ переплетчику разгладить эту тетрадь, но не отдалъ ее виновному В. Б. обратно, говоря, что отдастъ ее только послѣ того, какъ В. Б. подаритъ его не однимъ, а многими своими посѣщеніями. — Случай этотъ, при всей своей комичности, однакожь, показываетъ, что графъ вовсе не былъ дуракомъ, какимъ его выставлялъ Воейковъ, впрочемъ, никогда не стѣснявшійся ругать всѣхъ и каждаго. Такъ онъ ни съ того, ни съ сего облаялъ замѣчательнаго въ свое время человѣка, основателя харьковскаго университета, Василія Назарьевича Каразина, который въ началѣ нашего столѣтія ратовалъ за великую идею освобожденія крестьянъ, которой суждено было осуществиться только въ нынѣшнее царствованіе 19 февраля 1861 года.

Этотъ-же самый Воейковъ, льстившій въ глаза графу Хвостову *за его къ нему щедроты*, какъ онъ самъ выражался, написалъ слѣдующее четверостишіе:

Хвосты есть у синицъ,
Хвосты есть у лисицъ,
Хвосты есть у кнутовъ,
Такъ бойся-жъ, графъ Хвостовъ!

Г. Колбасинъ, въ извѣстной своей монографіи Воейкова, правда, далеко не вѣрной, объясняетъ эти стихи въ пользу автора, читая, должно быть, между строками, но, я полагаю, что это стихотвореніе слѣдуетъ истолковывать въ его прямомъ, неказистомъ смыслѣ; всякія другія толкованія будутъ произвольны и по тому самому не вѣрны.

Что графъ Хвостовъ не былъ глупцемъ, то, кажется, ясно доказывается не многими приведенными здѣсь при-

мѣрами, а что онъ при всѣхъ своихъ странностяхъ, былъ очень добръ, легко заключить по нѣкоторымъ извѣстнымъ фактамъ изъ его жизни. Ни для кого не было тайной, что талантливый Иванъ Андреевичъ Крыловъ не разъ занималъ деньги у графа Дмитрія Ивановича, ссужавшаго его ими всегда съ величайшей готовностью, о чемъ постоянно разсказывалъ всѣмъ самъ Крыловъ. Состояніе графа Хвостова было довольно значительное и онъ почти никогда не проживалъ свои годовые доходы, хотя много денегъ жегъ на частыя изданія своихъ произведеній. Однакожь, каждый разъ объявлялось, что издавалъ ихъ на свой счетъ книгопродавецъ Ив. Вас. Сленинъ, благодаря этому набивавшій свой карманъ и тѣмъ затыкавшій прорѣхи въ своихъ книгопродавческихъ дѣлахъ, которыя случались нерѣдко. Графиня Татьяна Ивановна, съ своей стороны, тоже не давала деньгамъ залеживаться, имѣя также свою страсть: она любила устраивать свадьбы; въ ея домѣ, почти сплошь въ весь зимній сезонъ, по воскресеньямъ бывали балы и вечера, которые нерѣдко представляли собою свадебныя пиршества, на которыхъ богатая, щедрая и благодушная графиня въ пудрѣ, кружевахъ, блондахъ, атласѣ и бархатѣ была, какъ она выражалась по своему, „mére assée“ вмѣсто mére d'honneur т. е. посаженною матерью, и восклицала, какъ всегда, на всю залу или на всю улицу, напримѣръ, такъ: Vous savez, Grégoire se marie *sur* Annette (слѣдовала фамилія) и потомъ вмѣсто: grace à mes soirées de dimanche, говорилось: „remerciant (то есть благодаря) mes soirées de dimanche“.—Но щедрость обоихъ, и мужа, и жены, ни сколько не умаляла состоянія этой четы добрыхъ, хотя и карикатурныхъ, Филемона и Бавкиды Сергіевской улицы. Однакожь, иногда, они нуждались въ деньгахъ, когда управители замедляли высылку доходовъ, послѣ какихъ нибудь особенно сильныхъ затратъ, въ родѣ на-

биванія Сленинскихъ кармановъ, съ одной стороны, или слишкомъ роскошнаго одѣленія графинею какой-нибудь дальней бѣдной родственницы, выданной замужъ, вслѣдъ за котильономъ въ домѣ графини, за какого-нибудь прелестнаго, но тоже бѣднаго гвардейца, когда квартира, посуда, мебель и экипажъ были куплены или наняты на счетъ добрѣйшей „графинюшки," какъ ее называли кумушки и приживалки, наполнявшія ея старинный гостепріимный домъ. И у богачей такія случайности бываютъ; графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ, тогдашній баснословный русскій крезъ, принужденъ былъ иногда занимать деньги, такъ графу Дмитрію Ивановичу и графинѣ Татьянѣ Ивановнѣ Хвостовымъ тѣмъ болѣе естественно было подчасъ нуждаться въ деньгахъ. Такую невзгоду старосвѣтскіе старички переносили шутя; огорчало ихъ только то, что въ такой моментъ имъ приходилось нѣсколько затягивать шнурки кошелька (тогда о порт-моне еще понятія не имѣли) и отказывать себѣ въ удовольствіи помогать бѣднякамъ и оказывать дружескія услуги пріятелямъ, къ числу которыхъ, предпочтительно передъ многими, принадлежалъ Ив. Анд. Крыловъ. Онъ разъ обратился къ графу именно въ минуту „затяжки шнурковъ".

Страдая безденежьемъ, графъ Дмитрій Ивановичъ предложилъ Ивану Андреевичу вмѣсто денегъ, на лицо не имѣвшихся, только что изготовленные для продажи 500 полныхъ экземпляровъ своего „собранія стихотвореній" въ пяти томахъ, 1830 года.

— Возьмите, Иванъ Андреевичъ, все это добро на ломового извощика, говорилъ Хвостовъ,—и отвезите Смирдину, съ которымъ вы находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ. Я продаю экземпляръ по 20 р. асс.; но, куда ни шло, для милаго дружка—сережка изъ ушка, отдайте все это Александру Филипову сыну (т. е. Смирдину, кото-

раго такъ иногда въ шутку называли), для скорости, по 5 р., даже по 4 р. за экземпляръ и вы будете имѣть отъ 2 до 2.500 рублей, т. е. болѣе, чѣмъ сколько вамъ нужно.

Крыловъ, думая, что за эту массу книгъ, роскошно изданныхъ, дадутъ если не по 4, то, по крайней мѣрѣ, по 2 р., соображая притомъ, что даже разсчитывая на вѣсъ, наберется почти сотня пудовъ, не принимая, конечно, въ соображеніе водянисности и тяжеловѣсности стиховъ—поблагодарилъ графа, добылъ, чрезъ графскую прислугу, ломового извощика, и, несмотря на свою обычную лѣнь, препроводилъ весь этотъ транспортъ на ломовикѣ къ Смирдину, конвоируя самъ этотъ литературный обозъ отъ Сергіевской до дома Петропавловской церкви, на углу Невскаго проспекта и Большой Конюшенной улицы. Но каково было удивленіе и разочарованіе Крылова, когда Смирдинъ на отрѣзъ отказалъ ему въ принятіи этого, какъ онъ нецеремонно и вульгарно выражался,—хлама, которымъ, по словамъ русскаго Ладвока, безъ того уже завалены всѣ кладовыя у Сленина. Въ задумчивости, но не разставаясь со своею флегмой, вышелъ изъ магазина Иванъ Андреевичъ на Невскій проспектъ, гдѣ ломовой извощикъ присталъ къ нему съ вопросомъ: „Куда прикажетъ его милость таскать всѣ эти книги?“

— Никуда не таскай, другъ любезный, сказалъ Крыловъ, никуда, а свали-ка здѣсь на улицу около тротуара, кто нибудь да подберетъ.

И всѣ эти 500 книгъ творенія Хвостова, были громадною массой свалены у тротуара противъ подъѣзда въ книжный магазинъ. Имъ бы, этимъ экземплярамъ книгъ съ „*Хвостовщиной*“, пришлось лежать тутъ долго, еслибъ вскорѣ не проскакалъ по Невскому проспекту, на своей лихой парѣ рыженькихъ вятокъ съ пристяжной на от-

летѣ, оберъ-полиціймейстеръ Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ. Подлетѣвъ къ грудѣ книгъ, онъ подозвалъ вертѣвшагося тутъ квартальнаго, удостовѣрился, что все это творенія знаменитаго пѣвца Кубры и велѣлъ разузнать отъ Смирдина, въ чемъ вся суть? Когда Кокошкинъ проѣзжалъ обратно, книгъ графа Хвостова тутъ уже не было: всѣ онѣ, по распоряженію частнаго пристава, отвезены были, по принадлежности, обратно къ графу Хвостову, о чемъ съ пальцами у кокарды треуголки, частный отрапортовалъ генералу, пояснивъ съ полицейскимъ юморомъ происхожденіе этой исторіи, авторомъ которой былъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, жительство имѣющій въ императорской публичной библіотекѣ, гдѣ состоитъ библіотекаремъ.

Въ знаменитой *Хвостовіадѣ*, Александра Ефимовича Измайлова, т. е. собраніи въ красномъ портфелѣ всего, что сколько нибудь относилось къ Хвостову, есть нѣсколько разсказовъ о графѣ Хвостовѣ; здѣсь они будутъ какъ нельзя больше у мѣста. Извѣстно, что Измайловъ, издатель „Благонамѣреннаго“, хотя и любилъ, по складу своего насмѣшливаго, но добраго характера, подтрунивать надъ многими забавными выходками графа,—постоянно громогласно выражалъ свою признательность ему.

— Своими деньгами онъ (гр. Хвостовъ), говаривалъ не обинуясь и чистосердечно Измайловъ, — оказываетъ мнѣ нешуточную помощь потому, что хотя знаменитая Ольхинская бумажная фабрика моей роденьки, Лизаветы Николаевны Кайдановой ко мнѣ до ребячества снисходительна, въ силу того принципа, что, если не noblesse (какая наша noblesse?), то parentè oblige, т. е. свой своему по неволѣ братъ, все-таки графская помощь далеко нелишняя.

При этомъ Измайловъ не ругалъ, à la Воейковъ Хвостова „дуракомъ“, а только при случаѣ, пускалъ на него эпиграму, какъ, напримѣръ, вотъ эту, написанную въ

началѣ 1825 года, по случаю *оды* графа на наводненіе 7 ноября 1824 года:

Господь послалъ на Питеръ воду,
А графъ сейчасъ скропалъ и оду.
Пословица не даромъ говоритъ:
ѣда бѣду родитъ".

Или вотъ сестрица этой эпиграмы:

Въ Хвостова причтахъ мы читаемъ,
что пѣтухъ,
Въ навозѣ роясь, нашелъ большой жемчугъ.
Но клада не найдешь такова,
Всѣ притчи перерывъ Хвостова.

Однажды, имѣя въ виду графа Хвостова и его страсть мучить себя писаніемъ своихъ виршей, а другихъ чтеніемъ и выслушиваніемъ ихъ, для чего нанималъ секретаря-чтеца, Измайловъ въ своемъ журналѣ тиснулъ слѣдующее комическое объявленіе передъ отъѣздомъ графа въ имѣніе:

„Потребенъ для отъѣзда въ деревню съ однимъ изъ плодовитѣйшихъ здѣшнихъ стихотворцевъ слушатель лимфатическаго темперамента, терпѣливаго нрава и самаго крѣпкаго геркулеснаго сложенія. Явиться въ которую либо изъ книжныхъ лавокъ, гдѣ можно узнать мѣсто жительства стихотворца, дающаго на комисію во всѣ книжныя лавки свои, никѣмъ не покупаемыя, снотворныя стихотворенія, которыя потомъ онъ самъ, чрезъ агентовъ своихъ, скупаетъ повсемѣстно и предаетъ огню руками своего мнимаго издателя и секретнаго комиссіонера, чтобы имѣть право начинать новое изданіе".

Съ этою шуткою вышла комично-трагическая исторія. Меньшой изъ братьевъ-книгопродавцевъ Заикиныхъ, именно Михаилъ Ивановичъ, прозванный *Красноносъ*, парень

неглупый, затѣйливый и подъ часъ остроумный, придерживался чарочки, почему почти постоянно былъ на какомъ нибудь, какъ говорится, взводѣ. Пришло ему въ голову, разгоряченную пуншикомъ, съ этимъ объявленіемъ, вырѣзаннымъ изъ „Благонамѣреннаго“, послать какого-то приказнаго прощалыгу, выгнаннаго изъ канцеляріи надворнаго суда, къ Хвостову. Эксъ-приказный затесался какъ-то прямо къ графу въ пріемную залу и предложилъ свои услуги для слушанія и чтенія стиховъ его сіятельства, не вѣдая, что уже по этой части на всемъ готовомъ содержаніи и хорошемъ жалованьи давно состоитъ бывшій нѣкогда семинаристъ, отставленный ветеринаръ, Иванъ Ивановичъ Георгіевскій, человѣкъ, одаренный отъ природы такою силою, что можетъ не хуже вола, выдерживать оды графа стиховъ такъ въ полтысячи и болѣе. Разумѣется, Георгіевскій не потерпѣлъ конкуренціи и поспѣшилъ устранить этого искателя. Но приказный не отставалъ и кончилось тѣмъ, что графъ принялъ его къ себѣ, какъ-бы въ помощь Георгіевскому. Однако, несчастный не долго, не болѣе недѣли, поблаженствовалъ въ домѣ графа: онъ забрался, по оплошности мундшенка, въ графскій винный погребъ и упился тамъ изъ боченка, имъ просверленнаго, данцигской водкою до того, что мундшенкъ, къ ужасу своему, нашелъ его тамъ мертвымъ. Когда происшествіе это было доведено до свѣденія графа, онъ выдалъ деньги на приличное для провинціальнаго секретаря погребеніе и, сказавъ, „De mortuis aut bene, aut nihil“, взялся за перо и написалъ что то въ родѣ элегіи или идилліи на сюжетъ: *„Послѣдствія невоздержанія“*.

Измайловъ любилъ разсказывать объ этомъ случаѣ, и его разсказъ заставлялъ всегда все общество заливаться гомерическимъ самымъ искреннимъ хохотомъ (какъ видно тогдашнее общество было очень смѣшливо). Но еще ча-

ще Измайловъ передавалъ факты, доказывающіе благодушіе графа. Такъ, напримѣръ, Измайловъ прожужжалъ всѣмъ уши слѣдующимъ разсказомъ. Съ 1817 года нѣкто Маздорфъ, жившій и служившій въ Симбирскѣ, постоянно присылалъ Измайлову для напечатанія кучу прозы и стиховъ. Вдругъ, въ 1819 году этотъ Маздорфъ прислалъ Измайлову письмо съ увѣдомленіемъ, что онъ, Маздорфъ, лишился служебнаго мѣста, дававшаго ему кусокъ хлѣба, боленъ, имѣетъ жену и малютку дочь, едва не умирающихъ съ голоду, да еще погорѣлъ при этомъ. Этотъ бѣднякъ, зная, что въ „Благонамѣренномъ“ есть особая рубрика „Благотворительность“, просилъ, чтобы Измайловъ оповѣстилъ въ своемъ журналѣ объ его положеніи, скрывъ его имя. Прежде печатанія воззванія въ журналѣ, Измайловъ о положеніи Маздорфа извѣстилъ графа Дмитрія Ивановича; въ это время старикъ самъ былъ не при деньгахъ, т. е. какъ онъ выражался, „затягивалъ шнурки кошелька“. Не долго думая, графъ тотчасъ же поѣхалъ въ сенатъ, взялъ въ счетъ своего сенаторскаго жалованья, которое все шло на дѣла благотворенія, 100 рублей и прислалъ ихъ Измайлову съ надписью: „Брату по Христѣ и по Аполону“. Маздорфа графъ въ глаза не видалъ. Пожертвованіе его по тогдашней цѣнности денегъ было не маловажное.

Разскажу теперь объ одной довольно забавной, хотя и довольно нелѣпой, при содѣйствіи А. Е. Измайлова, мистификаціи добродушнаго графа Д. И. Хвостова. Въ 1822 году *первое апрѣля* было въ субботу на страстной недѣлѣ. Въ пятницу, т. е. 31 марта, зашелъ къ Измайлову пріятель его, одинъ изъ братьевъ Княжевичей, Владиславъ Максимовичъ, его сослуживецъ, превеселый малый, заставшій его за чтеніемъ новыхъ стиховъ графа Хвостова, заставлявшихъ его помирать со смѣха отъ сочетанія невозможныхъ рифмъ.

— Вы можете умереть отъ такого истерическаго смѣха, и на душѣ графа будетъ ваша смерть, сказалъ Княжевичъ 3-ій *).

Слова эти, сказанныя въ шутку, дали имъ обоимъ идею устроить *первое апрѣля* графу Хвостову. Долго не думая, люди веселые и довольно молодые, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, они тотчасъ достали въ бумажной лавочкѣ траурный бланкъ похороннаго билета съ непремѣнными, по тогдашней модѣ, эмблемами смерти и погребенья и при помощи маленькой ручной типографіи, бывшей въ распоряженіи Княжевича, мастерски напечатали билетъ надлежащаго похороннаго содержанія отъ имени жены Измайлова Катерины Ивановны, приглашавшей *перваго апрѣля* его сіятельство графа Дмитрія Ивановича на выносъ тѣла и погребеніе супруга ея Александра Ефимовича Измайлова. Билетъ этотъ, въ конвертѣ, за черною печатью, былъ отвезенъ на домъ къ графу въ 6 часовъ утра въ субботу. Извѣстіе это чрезвычайно огорчило графа. Онъ тотчасъ отправилъ на Пески въ домъ купца Моденова, гдѣ тогда жилъ Измайловъ,—нарочнаго, чтобъ узнать поподробнѣе, въ которомъ часу выносъ, такъ какъ въ билетѣ упущенъ былъ часъ. Разумѣется, посланный вернулся къ графу съ веселымъ лицомъ, на которомъ будто выражались слова: *первое апрѣля*, и съ извѣстіемъ, что Александръ Ефимовичъ живъ и самъ велѣлъ доложить графу, что „выноса“ его не будетъ сегодня, потому что онъ самъ совершаетъ „выходъ“ въ Гостиный Дворъ, для покупки различныхъ красныхъ яичекъ своимъ дѣтямъ. Часа черезъ два или три тотъ-же нарочный, ѣздившій съ порученіями графа въ какой-то шведской одноколкѣ-двухко-

*) Княжевичей было четыре брата: Дмитрій, Александръ, Владиславъ и Николай и всѣ были превосходные люди.

лескѣ, привезъ Измайлову отъ графа вышеупомянутый похоронный билетъ, названный графомъ *пасквильнымъ*, и письмо, изъ котораго не было замѣтно, чтобы графъ имѣлъ хотя малѣйшее подозрѣніе, что этотъ билетъ былъ отчасти изобрѣтеніемъ Измайлова. За первоапрѣльскія шутки никто не сердится; но графъ, какъ видно было изъ его письма, остался недоволенъ. Вотъ это письмо:

„1-е апрѣля 1822 г. Возвращая у сего пасквильный билетъ, будто-бы изъ дому вашего мнѣ доставленный, прошу покорно, батюшка Александръ Ефимычь, приказать прекратить, сколько вамъ возможно, дерзновенную и непростительную шутку о кончинѣ вашей. Дай вамъ Богъ, сударь, долго жить, и притомъ-же вы безсмертны по трудамъ вашимъ въ словесности россійской, слѣдственно выдумка шутки очень, очень глупа и невѣжественна. Смерть ваша, какъ и всякаго достойнаго писателя, меня всенепремѣнно огорчитъ, равномѣрно какъ, вѣроятно, и моя васъ, *есть-ли*-бы кому случилось подшутить надо мною и надъ вами такимъ пасквильнымъ образомъ.

„*Есть-ли* супругу вашу зовутъ доподлинно *Катерина Ивановна*, посудите сами каково-бы было Катеринѣ Ивановнѣ и всѣмъ ближнимъ вашимъ услышать такую вѣсть, основанную хотя на наружномъ, но на достовѣрномъ свидѣтельствѣ. Шутить возможно; но шутить надобно умно! Пожалуйста, прикажите, когда вамъ удастся отыскать глупѣйшаго этого шута, растолковать ему, что въ такой глупый обманъ нынѣ никто не попадается, по той причинѣ, что и Сумароковъ сказалъ:

Апрѣля первое число
Обманомъ заросло.

„Кончая статью о мнимой смерти вашей, обращаюся къ воскресенію и поздравляю васъ съ свѣтлымъ празд-

никомъ завтрашняго (2-го апрѣля) всерадостнаго дня, а, между тѣмъ, не въ видѣ краснаго яичка, посылаю нарядное изданіе стиховъ моихъ на праздникъ 4-го февраля сего 1822 года, то есть выпускъ воспитанницъ изъ екатерининскаго института.

„*А впротчемъ* есмь и пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью и пр.“

Вскорѣ за этою первоапрѣльскою шуткою, на фоминой недѣлѣ графъ Дмитрій Ивановичъ, уже вспоминая объ этой шуткѣ съ усмѣшкою, пользуясь „сею вѣрною оказіею“ настрочить стишки, дѣйствительно написалъ слѣдующее шуточное надгробіе. Вотъ оно:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Измайловъ
журналистъ
И фабулистъ!
Писалъ стишки онъ въ часъ досуга;
Оставилъ басенокъ довольно, эпиграммъ,
Но музою себѣ найти не могъ онъ друга
И былъ *писатель не для дамъ*“.

Эти послѣднія слова были объ Измайловѣ упомянуты также въ „*Домѣ сумасшедшихъ*“ Воейкова.

Въ томъ же 1822 году Хвостовъ далъ въ „Благонамѣренный“ нѣсколько „Надписей къ портретамъ“, объяснивъ въ письмѣ, тутъ же Измайловымъ напечатанномъ, что онъ намѣренъ издать еще томъ своихъ сочиненій, составивъ его изъ всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя, какъ онъ забавно выразился, „и нынѣче кажутся нѣсколько *затѣйливыми*“. Александръ Ефимовичъ не замедлилъ воспользоваться этою откровенностью графа и тутъ же заявилъ, конечно, съ тою ироніею, которая не была понятна одному лишь графу, что съ этихъ поръ онъ (Измайловъ) станетъ помѣщать въ своемъ журналѣ эти стихотворенія извѣстнаго стихотворца, который самъ на-

ходитъ ихъ *затѣйливыми*, чѣмъ, конечно, надѣется привлечь особенное вниманіе публики къ своему журналу, что, въ свою очередь, сильно разовьетъ подписку на него, деньги къ издателю страшно посыпятся и онъ купитъ тотъ каменный домъ купца Моденова, въ которомъ жительствовалъ въ то время. Графъ, хотя вовсе не дуракъ, но слишкомъ влюбленный въ свои творенія, какъ они ни были карикатурны, всѣ эти шутки принимаетъ за чистую монету, не замѣчая бѣлыхъ нитокъ, какими все это шито, и, при встрѣчѣ съ Дмитріемъ Максимовичемъ Княжевичемъ гдѣ-то въ обществѣ, говоритъ очень серьезно, что будетъ очень счастливъ, если Александръ Ефимовичъ сдѣлается богачемъ и домовладѣльцемъ съ легкой руки его стихотвореній.

— А если онъ и точно купитъ домъ Моденова, прибавилъ графъ, — ужь какіе стишки я ему поднесу. Я ихъ теперь подготовилъ и на дняхъ у себя буду читать друзьямъ.

Когда около того-же времени графъ Хвостовъ издалъ отдѣльною книжкою свои *Басни и Сказки*, вошедшія потомъ въ его изданіе 1822 года,—Измайловъ въ „Благонамѣренномъ“ напечаталъ свою замѣчательную на эти басни критику, въ которой, подъ видомъ высокихъ совершенствъ басенъ, выписалъ изъ нихъ самыя нелѣпыя мѣста; онъ съ восторгомъ говорилъ о басняхъ Хвостова, какъ о замѣчательныхъ произведеніяхъ, разумѣется, съ цѣлью посмѣшить читателя и порадовать автора. Ловкій критикъ попалъ въ обѣ цѣли: этотъ нумеръ журнала читался на расхватъ, а графъ прислалъ Измайлову „на память за превосходную критику“ его одинъ изъ своихъ серебряныхъ подносовъ, на которомъ у Измайлова, конечно, чая неподавали.

Графъ Хвостовъ, хотя и признававшій за своими стихотвореніями всевозможныя достоинства, однакожь, иног-

да дѣлалъ въ нихъ перемѣны, по указаніямъ людей, которыхъ уважалъ. Такъ, напримѣръ, въ первоначальной редакціи его стиховъ, по случаю наводненія 7-го ноября 1824 года, отпечатанныхъ, на особенныхъ листочкахъ, — было, между прочимъ, сказано такъ:

. . . „по стогнамъ валялось много кравъ,
Кои лежали тамъ ноги кверху вздравъ".

Президентъ Россійской Академіи А. С. Шишковъ, знаменитый „корнеѣдъ," въ разговорѣ съ Хвостовымъ объяснилъ ему всю уродливость и тривіальность этихъ стиховъ; Хвостовъ поспѣшилъ сжечь всѣ, имѣвшіеся у него экземпляры этого *Потопа* и, отпечатывая его въ изданіи 1827 года, напечаталъ стихотвореніе безъ этой чудовищности.

Графъ Дмитрій Ивановичъ любилъ жертвовать экземпляры своихъ стихотвореній многими сотнями экземпляровъ, воображая, что пожертвованія эти принесутъ пользу нравственную. Но выходило часто, что эти экземпляры получали назначеніе, далеко не способствовавшее дѣлу просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, графъ пожертвовалъ нѣсколько сотъ экземпляровъ своей поэмы на наводненіе 1824 года, подъ названіемъ: *„Потопъ Петрополя 7-го ноября 1824 года"* въ пользу Россійской Американской Компаніи. Всѣ эти экземпляры были правленіемъ компаніи отосланы на островъ Ситху „для дѣланія патроновъ". Забавно разсказывалъ Воейковъ съ своимъ злымъ юморомъ всякому встрѣчному и поперечному о томъ, какъ издавались и продавались стихотворенія графа. Мы отчасти уже знакомы съ методомъ Сленинскихъ изданій твореній графа Хвостова и съ способами ихъ распродажи. Но не лишнее послушать разсказъ объ этомъ Воейкова, который на чье-то замѣчаніе о томъ: неужели Сленинъ, объявляющій себя изда-

телемъ этихъ стихотвореній, не на свои деньги ихъ издаетъ!—воскликнулъ съ обычнымъ своимъ завываньемъ.

— Помилосердствуйте! Какой оселъ, кромѣ самого автора, рѣшится тратить свои деньги на изданіе всей этой белиберды? Само собою разумѣется, что Сленинъ только комисіонеръ-факторъ, наживающій себѣ порядочный кушъ на этомъ дѣльцѣ, потому что старый стихоплетъ понятія не имѣетъ о цѣнахъ бумаги, типографіи, художниковъ, граверовъ, переплетчиковъ, комисіонерскихъ и пр. А вы развѣ не знаете, когда вся эта, въ пяти шести томахъ, дребедень бываетъ издана въ свѣтъ, то Хвостовъ раздаетъ экземпляры на комисію уступая книгопродавцамъ за эту комисію 50 и даже 60 процентовъ. Затѣмъ онъ начетвернѣ своихъ тощихъ пегасовъ разъѣзжаетъ по книжнымъ лавкамъ и справляется тамъ о продажѣ своихъ твореній. Оказывается, разумѣется, что творенія его застряли и сидятъ на мели, хотя Сленинъ, разумѣется, на счетъ автора, да еще на аптекарскій счетъ, безпрестанно объявляетъ объ ихъ выходѣ во всѣхъ газетахъ широковѣщательно, по редакціи самого графа. По истеченіи извѣстнаго времени графъ снабжаетъ деньгами, довольно крупными, своихъ агентовъ, которымъ предписываетъ отправляться по книжнымъ лавкамъ и покупать его сочиненія, разумѣется, не упоминая о томъ, что они этимъ исполняютъ его порученія; впрочемъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь; книгопродавцы очень хорошо понимаютъ, кто эти покупатели и откуда у нихъ деньги; подсмѣиваясь въ бороду, они высчитываютъ свои огромные проценты, которые имъ слѣдуетъ получить за комисію.

Измайловъ, какъ болѣе благодушный, нѣсколько иначе повѣствовалъ объ этомъ-же предметѣ.

— Процесъ курьезнаго и безцеремоннаго карманонабиванія Сленинымъ очень простъ: во-первыхъ, онъ поч-

ти сколько хочетъ черпаетъ изъ графской конторы денегъ на потребности изданія въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ сколько дѣйствительно тратится на изданіе, а во-вторыхъ, ему же, Сленину, поручается скупать на счетъ графа всѣ оставшіеся въ книжныхъ лавкахъ экземпляры, при чемъ за трудъ ему отходитъ отъ щедротъ графа препорядочный кушикъ. Сленинъ, понятное дѣло, не сжигаетъ эти книги, что было-бы ужь совсѣмъ не покомерчески, а по весьма недорогой цѣнѣ съ пуда продаетъ на оклейку стѣнъ обоями малярныхъ дѣлъ мастерамъ. Ей Богу, я вижу въ недалекомъ будущемъ тотъ день, когда ловкій и сладкорѣчивый Иванъ Васильевичъ Сленинъ купитъ на графскія деньги домъ аптекаря Имзена, гдѣ онъ теперь имѣетъ свой книжный магазинъ, посѣщаемый всею нашею литературною братіею.

— Если, объяснялъ еще Воейковъ,—графъ часто издаетъ свои стихотворенія, то онъ это объясняетъ по своему. Въ предисловіи къ послѣднему изданію этого собранія ерунды въ стихахъ, графъ говоритъ: „Многіе можетъ быть, порицали меня за часто повторяемыя мною изданія“.—Съ чего это онъ беретъ и кому какая нужда до его нелѣпыхъ изданій. Издавай хоть ежедневно, себѣ на потѣху, людямъ на посмѣяніе.—„Я дѣлалъ оныя (т. е. изданія) и дѣлать буду, продолжаетъ графъ свое курьезное поясненіе на счетъ авторскаго славолюбія (и въ начетъ своего кармана!), единственно для удобнѣйшаго *исправленія погрѣшности* (да, каждый томъ огромная погрѣшность!), которое (??!) необходимо нужно, если авторъ желаетъ, чтобы его стихи,

. . . когда покажутся въ столицу,
Не первые пошли обертывать корицу“

Графъ Дмитрій Ивановичъ, всегда съ благоговѣйнымъ

восторгомъ отзывавшійся о знаменитомъ родственникѣ своемъ, по женѣ, свѣтлѣйшемъ князѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ, какъ извѣстно, серьезно порицавшемъ его за его стихоманію, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, напечатанномъ, конечно, послѣ смерти Суворова, даетъ чувствовать, что будто-бы герой не безъ удовольствія слушалъ стихи, почему и разразился такимъ восторженнымъ обращеніямъ къ музѣ:

Гордись, о Муза, восхищенна,
Своимъ безсмертнымъ торжествомъ!
Герой, котораго вселенна
Считаетъ въ браняхъ божествомъ,
Съ кѣмъ Россъ противъ стихій сражался,
Подъ кѣмъ верхъ Альповъ унижался,
Полвѣка славой кто блисталъ,
Кто образецъ мужей великихъ—
Суворовъ средь побѣдъ толикихъ,
Какъ другъ, твой мирный гласъ внималъ.

А между тѣмъ, всѣмъ знакомымъ графа было хорошо извѣстно, что свѣтлѣйшій князь Суворовъ очень часто въ своемъ интимномъ кругу жаловался на мономанію мужа своей племянницы и говаривалъ ей: „Танюша, ты бы силою любви убѣдила твоего мужа отказаться отъ его несноснаго стихоплетства, изъ за котораго онъ уже заслужилъ отъ весьма многихъ въ столицѣ прозвище Митюхи Стихоплетова!“ И самъ Суворовъ не разъ обращался къ Хвостову съ увѣщаніями; обратился онъ къ мономану стихотворцу съ предсмертнымъ увѣщаніемъ, когда въ маѣ мѣсяцѣ 1800 года по возвращеніи изъ Италіи, умиралъ въ Петербургѣ, въ Коломнѣ, въ домѣ Фоминой, въ квартирѣ графа и графини Хвостовыхъ. Лежа на смертномъ одрѣ, Суворовъ давалъ предсмертныя наставленія и совѣты близкимъ себѣ людямъ, которые входили къ нему въ спальню по одиночкѣ на

цыпочкахъ и оставались нѣсколько минутъ въ присутствіи духовника и исторически знаменитаго камердинера Прошки. Когда вошелъ къ умиравшему дядѣ Хвостовъ, въ ту пору еще сорока-двухлѣтній свѣжій мужчина, но, кажется, уже сенаторъ, и сталъ на колѣни, цѣлуя почти холодную руку умиравшаго, Суворовъ сказалъ ему:

— Любезный Митя, ты добрый и честный человѣкъ! Заклинаю тебя всѣмъ, что для тебя есть святого, брось твое виршеслагательство, пиши, уже если не можешь превозмочь этой глупой страстишки, стишонки для себя и для своихъ близкихъ; а только отнюдь не печатайся, не печатайся. Помилуй Богъ! Это къ добру не поведетъ: ты сдѣлаешься посмѣшищемъ всѣхъ порядочныхъ людей.

Графъ Дмитрій Ивановичъ плакалъ, и вышелъ, поцѣловавъ руку умиравшаго, который велѣлъ ему позвать его жену, т. е. свою племянницу Татьяну Ивановну. Когда Хвостовъ возвратился въ залу, гдѣ ожидали много мужчинъ и женщинъ, интересовавшихся состояніемъ здоровья князя Италійскаго, которому оставалось только нѣсколько часовъ жизни, знакомые и родные подошли къ Хвостову съ разспросами.

— Увы! отвѣчалъ Хвостовъ, отирая платкомъ слезы,— хотя еще и говоритъ, но безъ сознанія, *бредитъ*!

Бредъ этотъ былъ объясненъ графинею уже послѣ смерти ея дядя, высказавшейся нѣкоторымъ изъ ближайшихъ родственниковъ на своемъ ужасномъ французскомъ діалектѣ, что дядя, среди предсмертной агоніи, уговаривалъ ее склонить мужа ея бросить занятія стихотворствомъ.

— Mais Dmitry ne peut pas vivre sans faire des rimes! Il pourra mourir sans „filature“ de vers! (то есть „filature de vers“ стихоплетство).

Можетъ быть, умиравшій князь Италійскій и своей племянницѣ Танюшѣ давалъ совѣтъ: или выучиться говорить правильно по-французски, или никогда не употреблять этого иностраннаго языка на которомъ она дѣлаетъ такіе удивительные промахи, которые невольно заставляютъ хохотать весь городъ.

Главнымъ мѣстомъ, которое избралъ графъ Хвостовъ для нападеній на неопытныхъ людей, былъ, какъ извѣстно, Лѣтній садъ, гдѣ въ Петровскомъ дворцѣ живалъ лѣтомъ тогдашній министръ финансовъ, графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. Надоѣдалъ и ему Хвостовъ своими стихотвореніями, такъ что графъ Канкринъ, съ своимъ откровеннымъ простодушіемъ, не лишеннымъ, однако, насмѣшливости, рѣшился разъ навсегда отдѣлаться отъ поэтическихъ атакъ графа Дмитрія Ивановича. Однажды въ Лѣтнемъ саду, при нѣсколькихъ лицахъ, именно, при Я. А. Дружининѣ, Ф. П. Вронченко и Н. И. Сѣровѣ, графъ Канкринъ своимъ зычнымъ голосомъ сказалъ Хвостову:

— Фаши стихи, фаше сіятельство, графъ Тмитріи Ифанычь, такъ префосходны, што састафляютъ меня самаго пропофать писать такіе же стихи, и это беретъ отъ меня фремя косутарственной службы, шресъ што я софершаю косударственное преступленіе, уклоняясь отъ моихъ опязанностей престолу и отешеству. А потому я финущденъ пуду котатайствовать фисочайшее повелѣніе сапретить фамъ, крафъ, шитать мнѣ фаши плѣнительные стихи!

Графъ Дмитрій Ивановичъ былъ далеко не глупъ; но страсть къ своимъ виршамъ въ немъ была до того сильна, что онъ не понялъ насмѣшливой шутки Канкрина и всѣмъ ее разсказывалъ, давъ, однако, себѣ слово не отвлекать государственнаго человѣка отъ его занятій, которыми онъ обязанъ по присягѣ престолу и отечеству.

Такимъ образомъ, Канкринъ былъ застрахованъ отъ чтенія стиховъ Хвостова или „Хвостовщины“.

Графъ Дмитрій Ивановичъ, при всей своей добротѣ и честности, любилъ иногда выдавать хорошее чужое за свое. Въ 1824 году Измайловъ написалъ слѣдующую бойкую эпиграмму на тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, построившаго театръ, который сгорѣлъ и устроившаго Екатерингофскій садъ съ паркомъ, разрушенные наводненіемъ 7 ноября 1824 года. Вотъ эта эпиграмма:

Строителя забавъ не любятъ, видно, музы;
Его несчастливы съ Харитами союзы:
Что онъ ни затѣвалъ,
То все вода снесла или огонь пожралъ.

Измайловъ старался всѣмъ выдавать эту эпиграмму, за произведеніе графа Хвостова, такъ какъ, не желалъ имѣть своимъ врагомъ генералъ-губернатора, который между тѣмъ для такого барина, какъ Хвостовъ, не могъ быть опаснымъ. Однакожъ, графъ, не желая, чтобы Милорадовичъ, бывшій подчиненный Суворова и когда-то сослуживецъ самого Дмитрія Ивановича, могъ думать, что дѣйствительно эта эпиграмма сочинена имъ, Хвостовымъ, въ свою очередь, старался всѣхъ увѣрить, что она принадлежитъ не ему и умасливалъ Милорадовича, иногда, по старому знакомству и по воспоминанію о Суворовѣ, обѣдавшаго у него, слѣдующими стихами, написанными по случаю открытія Екатерингофа въ реставрированномъ видѣ:

Герой въ чертогахъ Мнемозины,
Носитель мирнаго вѣнца
Петровой у подножья славы,
Онъ здѣсь устроилъ намъ забавы
И всѣхъ обрадовалъ сердца.

Графъ Михаилъ Андреевичъ, не смыслившій ничего въ литературномъ дѣлѣ, хотя имѣлъ при себѣ, втеченіи многихъ лѣтъ, адъютантомъ неутомимаго тогдашняго поэта-борзописца извѣстнаго Ф. Н. Глинку, оставался доволенъ этими виршами собственно потому, что отъ нихъ несло фиміамомъ самой грубой лести. Даже дошло до того, что кто-то изъ театральныхъ льстецовъ графа Милорадовича, управлявшаго тогда и театрами, нашелъ нужнымъ (конечно, всего болѣе для себя) положить эту рифмованную чепуху на ноты, и бѣдныя воспитанницы театральной школы должны были распѣвать ее на сценѣ учебнаго театра въ присутствіи своего сіятельнаго попечителя.

При всемъ томъ, Измайловская эпиграмма очень нравилась графу Дмитрію Ивановичу, и по смерти Милорадовича, онъ всѣмъ и каждому читалъ эту эпиграмму за свою.

Графъ Хвостовъ не упускалъ ни малѣйшаго случая навязывать свои стихи журналистамъ, старавшимся всѣми силами отдѣлываться отъ него. Мы знаемъ, что Воейкову и Измайлову онъ давалъ, какъ это было извѣстно и тогда, субсидіи за печатаніе его стихотвореній. Гречъ и Булгаринъ успѣвали отбиваться отъ атакъ графскихъ, находясь въ положеніи болѣе или менѣе независимомъ. Издатели-же альманаховъ: Аладьинъ и баронъ Дельвигъ, постоянно нуждавшіеся въ презрѣнномъ металѣ, мѣняли стихи графа на экземпляры „Невскаго Альманаха и Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. Графъ Хвостовъ бралъ по 20—40—50 или болѣе экземпляровъ этихъ пухленькихъ кирпичеобразныхъ книжекъ, продававшихся по 10 р. штука, платя по нарицательной цѣнѣ. Такимъ образомъ, за 50 своихъ виршей, т. е. рифмованныхъ строчекъ, напечатанныхъ издателями альманаховъ, графъ Хвостовъ платилъ 500 р. асс. и получалъ 50 экземпляровъ книжекъ

въ ярко-свѣтлыхъ оберткахъ, и эти книжки дарилъ своимъ друзьямъ, знакомымъ и даже такимъ полузнакомымъ, которыхъ онъ затаскивалъ къ себѣ изъ Лѣтняго сада, изъ Гостиннаго двора (галлерея пассажа тогда еще не существовала), или изъ кандитерскихъ Амбіеля (въ домѣ Армянской церкви), Акколы (гдѣ она и теперь у Аничкова моста) и Беранже у Синяго моста противъ юнкерской школы, находившейся въ то время на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Графъ, даря эти экземпляры на право и на лѣво, говаривалъ:

— Хоть въ Сенатѣ я взятокъ не беру, но взяточничаю на Парнасѣ: издатели альманаховъ просятъ у меня стиховъ и, не зная чѣмъ за нихъ мнѣ заплатить, присылаютъ цѣлые вороха экземпляровъ своихъ розовыхъ, лазоревыхъ, сиреневыхъ и бланжевыхъ книжечекъ.

Провинціалы наивно вѣрили этимъ словамъ, но чистокровные петербуржцы знали въ чемъ было дѣло.

Графъ Хвостовъ чрезвычайно любилъ панегирики своимъ произведеніямъ. Въ 1822 году Булгаринъ, издававшій тогда „Сѣверный Архивъ“ и въ это самое время, познакомившійся съ графомъ Хвостовымъ, имѣлъ одно процесное дѣло, какихъ у него было не мало, производившееся въ сенатѣ. Онъ попросилъ графа замолвить слово, съ передачею записки, какому-то вліятельному сенатору. Графъ, по добротѣ своей, исполнилъ желаніе Булгарина, сказавъ, что онъ радъ все для него сдѣлать.

— Пожалуйста, прибавилъ графъ,—вы по этому поводу не стѣсняйтесь и не церемоньтесь со мною. Если пришлютъ къ вамъ какія-нибудь на меня критики, печатайте смѣло; я не буду въ претензіи.

— А похвалы, ваши сіятельство, дозволите также печатать? спросилъ вкрадчиво Булгаринъ.

— Лишь бы справедливыя, замѣтилъ графъ.

Булгаринъ въ этотъ день обѣдалъ въ гостяхъ и провелъ вечеръ въ театрѣ, откуда съ компаніей кутилъ поѣхалъ ужинать къ Дюме или къ Андріе, замѣнявшихъ нынѣшнихъ Дюссо, Бореля, Палкина и другихъ. Было часовъ шесть утра, когда дворникъ дома, въ которомъ онъ жилъ, вручилъ толстый на его имя пакетъ, сейчасъ только что привезенный сенатскимъ курьеромъ. Булгаринъ, воображая, что въ этомъ пакетѣ заключается какія нибудь важныя сообщенія по поводу его процесса, въ волненіи распечатываетъ конвертъ и находитъ панегирикъ произведеніямъ графа Хвостова въ самой бурсацкой прозѣ Ивана Ивановича Георгіевскаго съ собственноручными поправками его сіятельства.

Извѣстный стихотворецъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ, экс-министръ и дѣйствительный тайный совѣтникъ, умершій въ 1816 году,—за годъ до смерти сдѣлался чрезвычайно брюзгливъ, а иногда даже свирѣпъ, какъ свидѣтельствуютъ мемуары одного изъ его поклонниковъ, извѣстнаго идилиста Владиміра Ивановича Панаева. Графъ Хвостовъ посѣщалъ его нерѣдко. Во время одного изъ припадковъ своей брюзгливости, Державинъ рѣзко высказалъ графу Дмитрію Ивановичу свое мнѣніе на счетъ того сонма льстецовъ-прихлебателей, которые отчасти жили подъ его гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ кровомъ, отчасти ежедневно сидѣли за его скатертью, не снимавшеюся съ утра до поздней ночи: чайный и кофейный завтракъ, мясной, рыбный и шоколадный фриштикъ, затѣмъ полдникъ съ бульономъ и разными легкими кушаньями, далѣе въ четвертомъ часу обѣдъ не иначе какъ въ 8 блюдъ, правда, не всегда вполнѣ удачныхъ, въ семь часовъ вечера чайный столъ съ всевозможными тортами, бисквитами, пряженцами, кренделями, сушками и пр., а въ 11 часовъ ужинъ не менѣе какъ въ 4 блюда съ горячимъ мяснымъ или рыбнымъ.

— Непремѣнно, басилъ дряхлый пѣвецъ Фелицы, потрясая своею тростью въ видѣ знаменитаго историческаго посоха Грознаго Ивана,—пріѣду къ тебѣ, графъ, и вотъ этою суковаткою разгоню, словно саранчу, всю эту сволочь безпардонную, какою ты окружаешься. Возьми примѣръ съ меня: я довольствуюсь однимъ Борькой, который мнѣ за обѣдомъ такъ мастерски навострился ершей чистить.

Иногда графъ любилъ выказывать особенную скромность, устраняя публичныя похвалы своимъ произведеніямъ. Этого рода маневръ, иногда ему удававшійся, однажды имѣлъ весьма плачевныя для графа послѣдствія. Въ 1820 году зимою проживалъ въ Петербургѣ вологодскій помѣщикъ и поэтъ тогдашняго закала съ обращеніями къ лунѣ, къ лазоревымъ очамъ, къ утраченнымъ наслажденіямъ, къ утѣшительнымъ надеждамъ и пр. Павелъ Александровичъ Межаковъ, человѣкъ очень богатый, любившій розыгрывать роль друга Музъ и покровителя талантовъ, почти Мецената. Онъ давалъ обѣды, вечера и ужины всѣмъ тогдашнимъ литературнымъ корифеямъ столицы, которые у него ѣли, пили и читали свои произведенія. На эти „*Межаковскіе*“ литературные вечера, въ числѣ прочихъ, являлся и графъ Хвостовъ, (въ „Полномъ Собраніи Стихотвореній“ котораго не мало стиховъ, посвященныхъ авторомъ Межакову)—съ пукомъ стиховъ и обыкновенно съ двумя или тремя своими чтецами, премьеромъ которыхъ, конечно, былъ неразлучавшійся съ графомъ Георгіевскій. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ то время, когда все общество шло къ ужину, явился славившійся въ то время, а теперь почти совершенно забытый стихотворецъ Милоновъ, отличавшійся крайнею невоздержностью къ спиртнымъ напиткамъ. Къ горю чопорнаго хозяина-амфитріона, этотъ піитъ явился въ опьяненномъ и сильно экзальтирован-

номъ состояніи. Онъ требуетъ себѣ стаканъ воды, но вмѣсто воды, выпиваетъ залпомъ водку, дѣлая видъ, что принялъ хмѣльной напитокъ за невскую воду. Милоновъ за столомъ помѣщается противъ графа Хвостова и начинаетъ, при постоянной икотѣ, неумѣренно выхвалять добродѣтели сіятельнаго стихотворца, сравнивая его, по сердечнымъ его свойствамъ, съ добродѣтельнѣйшими людьми древняго міра, каковы: Антонинъ и Маркъ-Аврелій. При этомъ Милоновъ, страшно поводя глазами, заявляетъ, что онъ готовъ стрѣляться съ каждымъ, кто дерзнулъ-бы не раздѣлить его мнѣнія. Тогда графъ съ сконфуженнымъ видомъ говоритъ черезъ столъ Милонову, что онъ заставляетъ его краснѣть и что вообще онъ не любитъ похвалъ себѣ.

— Ну, такъ я удовлетворю скромности вашего сіятельства, восклицаетъ пьяный стихотворецъ,—и заставлю васъ поблѣднѣть!

И въ самомъ дѣлѣ, графъ вскорѣ сдѣлался ни живъ, ни мертвъ, страшно поблѣднѣлъ, чуть не упавъ въ обморокъ, потому что Милоновъ принялся на чемъ свѣтъ стоитъ поносить всѣ его стихотворенія, изъ которыхъ, владѣя необыкновенною памятью, наизустъ приводилъ цитаты и ѣдко ихъ осмѣивалъ съ прибавкою множества совершенно непечатныхъ выраженій. Хозяинъ не зналъ, куда ему дѣться, былъ въ отчаяніи и остался очень доволенъ, что графъ, ссылаясь на позднюю пору и головную боль, уѣхалъ до окончанія ужина, не дождавшись знаменитаго, составлявшаго въ то время принадлежность всѣхъ пиршествъ, пирожнаго, которое сверху пылало синимъ пламенемъ, содержа въ себѣ ванильное мороженое бѣлаго цвѣта, и называлось „Везувій на Монбланѣ“. Милоновъ однакожь дождался „Везувія“; не коснувшись „Монблана“, онъ захватилъ ложкою пылавшаго арака и затѣмъ свалился подъ столъ. Этотъ случай заставилъ П.

А. Межакова прекратить свои „Парнасскія вечеринки„ въ столицѣ и оставить берега Невы.

Сообщу теперь забавный случай, бывшій съ Хвостовымъ въ домѣ Крылова въ 1822 году, о которомъ А. Е. Измайловъ тогда-же писалъ къ И. И. Дмитріеву въ Москву. (См. „Русск. Архивъ“ 1871 г. „Переписка А. Е. Измайлова съ И. И. Дмитріевымъ“.)—Лѣтомъ этого года И. А. Крыловъ съ тогдашнимъ закадычнымъ пріятелемъ своимъ М. С. Щулепниковымъ (печатавшимъ бездну стиховъ, довольно остроумныхъ и ловкихъ, подъ псевдонимомъ „Усольца“ въ разныхъ тогдашнихъ журналахъ) нанималъ дачу на Нарвской или Петергофской дорогѣ, очень не далеко отъ городской черты. Къ нимъ почти каждый вечеръ собирались литераторы, большею частью масоны разныхъ ложъ, кажется, въ то время еще существовавшихъ открыто. Распорядителемъ этихъ собраній, гдѣ угощеніе совершалось въ складчину всѣми гостями-братьями „каменьщиками“ былъ И. А. Крыловъ, прозванный друзьями „Соловьемъ“. Графъ Дмитрій Ивановичъ, узнавъ объ этихъ сборищахъ, члены которыхъ читали свои произведенія, настрочилъ огромную оду подъ заглавіемъ „Пѣвцу-соловью“ (она находится въ его изданіи 1827 года) и поѣхалъ на дачу Крылова и Щулепникова. Въ этотъ день тамъ былъ между прочими гостями и В. А. Жуковскій. Графъ былъ впущенъ въ залу собранія послѣ того, какъ онъ формально объявилъ о своемъ желаніи быть членомъ общества и внесъ, въ качествѣ члена, на общественныя издержки 25 руб. За тѣмъ графъ просилъ позволенія прочесть оду свою „Пѣвцу-соловью“.

— Сколько строфъ или куплетовъ? спросили его.

— Двадцать, отвѣчалъ онъ и сталъ читать.

Только-что окончилъ онъ первую строфу, раздались рукоплесканія. Онъ хотѣлъ начать вторую, но ему не

дали читать и продолжали аплодировать. Графъ сконфузился. Одинъ изъ членовъ объяснилъ ему, что если при чтеніи аплодируютъ, то читающій долженъ, по уставу, купить бутылку шампанскаго (которое продавалось тогда не дешевле 10 р. асс. за бутылку). Такимъ образомъ, эта „Поэтическая экскурсія“ обошлась графу въ какихъ-нибудь 200 р. асс., и онъ заказался ѣздить на дачу петергофской дороги, гдѣ хозяйничалъ „Пѣвецъ соловей“ разбойникъ“, какъ тихомолкомъ впослѣдствіи онъ называлъ этого хозяина, такъ негостепріимно поступившаго съ своимъ воспѣвателемъ.

По поводу стихотворенія Хвостова „По случаю петербургскаго наводненія 7-го ноября 1824 года“ случилось одно курьезное обстоятельство. Когда вскорѣ послѣ наводненія 7-го ноября, въ Петербургѣ стало ходить по рукамъ уморительное виршеизверженіе графа Д. И. Хвостова,—извѣстный въ то время, какъ чудакъ-эксцентрикъ и стихотворецъ Вильгельмъ, Кюхельбекеръ,—о которомъ, какъ извѣстно, Пушкинъ, товарищъ его по лицею, говаривалъ, когда чувствовалъ себя нездоровымъ, „мнѣ что-то кюхельбекерится“,—при встрѣчѣ съ всегда готовымъ посплетничать Ф. В. Булгаринымъ, ни съ того, ни съ сего, какъ съ нимъ это сплошь да рядомъ бывало, ляпнулъ, что эта рукописная чушь въ рифмахъ сочинена Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ, издателемъ вліятельнаго журнала „Московскій Телеграфъ“. Кюхельбекеръ увѣрялъ, что онъ поговоритъ объ этомъ въ своей „*Мнемозинѣ*“, московскомъ журналѣ, издаваемомъ имъ вмѣстѣ съ княземъ В. Ф. Одоевскимъ; но князь остановилъ своего, какъ онъ называлъ Кюхельбекера, enfant terrible, отъ такой эксцентричности, почему выдумка эта не была напечатана въ Москвѣ. Въ Петербургѣ-же она тоже едва не явилась на страницахъ тогдашняго юмористическаго журнальца *Волшебный Фонарь*, издававшагося Булгари-

нымъ, при тщательномъ исправленіи русско-польскаго или польско-русскаго изложенія этого изданія Гречемъ. Гречъ узнавъ о намѣреніи Булгарина напечатать эту статью, рѣшительно объявилъ ему, что если онъ напечатаетъ въ *своемъ* „Фонарѣ“ нелѣпую выдумку Кюхельбекера, то онъ откажется отъ исправленія „Фонаря“, труда равносильнаго геркулесовской работѣ по предмету очистки имъ авгіевыхъ конюшенъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ напечатаетъ опроверженіе самое рѣзкое въ *ихъ*, тогда только что возродившейся „Пчелѣ“.

— Я Полевого терпѣть не могу, говорилъ Гречъ, жестоко въ эту пору враждовавшій съ Полевымъ, — и готовъ утопить его въ моей чернильницѣ; но все-таки надо быть набитымъ дуракомъ или идіотомъ, чтобы осмѣливаться приписывать такому умному и такому талантливому человѣку, какъ Полевой, вирши графа Д. И. Хвостова.

За тѣмъ Гречъ, встрѣтясь съ графомъ Хвостовымъ въ книжномъ магазинѣ Сленина, сказалъ ему:

— Знаете-ли, графъ, вѣдь стихи, написанные вашимъ сіятельствомъ по случаю нашего ужаснаго наводненія прошлаго мѣсяца (этотъ разговоръ былъ въ концѣ декабря),—повидимому, такъ хороши, что правомъ ихъ авторства, говорятъ, хочетъ воспользоваться извѣстный бумагоистребитель Николай Полевой. Такъ не худо-бы вамъ, графъ, поспѣшить напечатать опроверженіе по этому предмету и защитить отъ репейниковъ и чертополоха вашъ лаврово-миртовый вѣнокъ.

Графъ Дмитрій Ивановичъ тотчасъ внялъ словамъ Н. И. Греча и написалъ нѣсколько строкъ въ рифмахъ противъ Полевого; но напечаталъ стихотворное посланіе свое не въ оригиналѣ, а къ общему удивленію, пустилъ эту новую свою „жертву русской поэзіи“ въ нѣмецкомъ, кѣмъ-то, конечно, за деньги состряпанномъ, довольно

даже чистомъ переводѣ, явившемся на столбцахъ, редактированной тогда Ольдекопомъ газеты: „Нѣмецкія С.-Петербургскія Академическія Вѣдомости.“

Потомъ въ началѣ января 1825 года этотъ нѣмецкій стихотворный переводъ уже вмѣстѣ съ русскимъ подлинникомъ изданъ былъ особою брошюрою въ 4-ю долю (10 стр. текста и 7 стр. перевода) съ различными примѣчаніями, такъ хорошо характеризовавшими графа Хвостова. Въ числѣ этихъ примѣчаній замѣчательны слѣдующія:

а) Сочинитель (т. е. онъ, графъ Д. И. Хвостовъ) сдѣлалъ нѣсколько перемѣнъ въ семъ „Посланіи“ въ самую ту минуту, когда отдавалъ оное въ печать. Эти перемѣны источникомъ имѣли слухъ, впрочемъ, не правдоподобный, что сіе стихотвореніе сочинено не сочинителемъ, а господиномъ Полевымъ, и потому въ нѣмецкомъ онаго переводѣ, у сего прилагаемомъ, на мѣсто первыхъ стиховъ, относящихся къ издателю „Телеграфа“, находятся другіе три стиха къ Н*** Н***.

в) Стихъ: „Коль злополучіе Петрополя извѣстно“ и послѣдующее за нимъ перемѣнены, по той причинѣ, что посланіе о наводненіи не приписывается уже публикою отечественною издателю „Телеграфа“, и также вмѣщаются еще новые стихи предъ самымъ печатаніемъ „Посланія“ прибавленные, а именно: 1) О заборахъ, на Васильевскомъ острову и въ другихъ мѣстахъ, поставленныхъ большею частью по волѣ Императора, иждивеніемъ казны; 2) О ремесленныхъ орудіяхъ, которыми снабжены художники (???); 3) О щедротахъ, распространенныхъ по случаю наводненія на иностранныхъ купцовъ или торгующихъ здѣсь *гостей*.

Всѣ эти наивно забавныя замѣтки графа Хвостова подали поводъ, хохотавшему надъ ними Полевому, напечатать на страницахъ „Московскаго Телеграфа“ 1825 года

презабавную статью, въ которой онъ, ловко лавируя между желаніемъ посмѣшить читателя на счетъ графа Хвостова и убѣжденіемъ въ опасности говорить колкія шутки тайному совѣтнику и сенатору съ громкимъ титуломъ и съ вереницею блестящаго родства,—съумѣлъ написать одну изъ своихъ наиболѣе остроумныхъ статей; въ ней онъ приносилъ графу извиненія въ томъ, что люди, повидимому, ничего не смыслящіе могли принять *его ничтожество за громогласность его сіятельства.*

Кончина графа Хвостова послѣдовала въ 1835 году, когда только-что отстроилась собственная Ея Величества дача „Александрія“ близъ Петергофа. Графъ Хвостовъ осенью, по переселеніи царской фамиліи изъ Петергофа въ Царское Село, отъ министра двора получилъ разрѣшеніе осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ „Александрію“, въ тѣхъ видахъ, чтобы потомъ воспѣть ее по своему обыкновенію.

Но, увы! Александрія осталась не „воспѣтою“ графомъ Хвостовымъ, который столько-же любилъ строчить вирши, какъ ѣсть лакомыя блюда, какими въ этотъ день угостилъ себя на славу. У маститаго, всегда слабаго и находившагося на діетѣ старца, сдѣлалось несвареніе желудка, и онъ черезъ два дня умеръ, не успѣвъ воспѣть Александріи.

Біографическая часть этой монографіи чудодѣя метромана, графа Дмитрія Ивановича Хвостова, заключаетъ въ себѣ все, что мнѣ удалось собрать о немъ интереснаго. Теперь обращусь къ литературной дѣятельности графа Дмитрія Ивановича, который намъ, потомкамъ своимъ, оставилъ памятникъ, называемый: „Полное Собраніе стихотвореній графа Хвостова“. Оно напечатано въ шести томахъ: томы первый и второй въ 1821 году;

томы третій и четвертый въ 1822 году; томъ пятый въ 1827 г. Первые четыре тома печатаны въ типографіи Академіи Наукъ подъ названіемъ: „Полное Собраніе стихотвореній графа Хвостова“, а пятый томъ въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія и носитъ названіе: „Разныя стихотворенія графа Хвостова, сочиненныя послѣ полнаго собранія“. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ разнаго рода стихотворенія, которыя, по заявленію, сдѣланному издателемъ (И. В. Сленинымъ), могутъ быть легко включены въ другіе, до того времени вышедшіе томы. Къ этому тому въ 1830 году прибавленъ еще одинъ томъ. Въ т. I, раздѣленномъ на 3 книги, помѣщены *лирическія творенія*. Въ т. II *Посланія* (къ событіямъ и къ лицамъ). Въ т. III, раздѣленномъ на четыре книги, 112 басенъ и 3 сказки. Этотъ томъ посвященъ былъ его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу въ 1802 году. Въ т. IV переводъ извѣстнаго произведенія Буало: „L'Art Poétique“, подъ названіемъ: „Наука о стихотворствѣ въ четырехъ пѣсняхъ. Сочиненіе господина Боало“, съ эпиграфомъ:

Въ безплодныхъ подвигахъ страшитесь вѣкъ провесть
И дарованьемъ звать—охоту рифмы плесть.

Этотъ переводъ вмѣстѣ съ переводомъ „Сатиръ Боало“ въ 1813 году всеподданнѣйше посвященъ императору Александру Павловичу. Посвященіе написано въ стихотворной формѣ:

Всемилостивѣйшій Государь!
Едва успѣлъ ступить престола на ступень,
Едва на рамо взялъ Россійскую порфиру,
Наукъ лучи возжегъ,—они позднѣйшу міру,
Въ градахъ полночныхъ странъ, составятъ свѣтлый день.
Не Герміоны стонъ, не плавность Энеиды,
Не даръ единаго пѣвца Ты наградилъ;
Но благороднѣйши распространяя виды,

Свободный подданнымъ Ты къ славѣ путь открылъ.
О Просвѣтитель Царствъ! Священныхъ музъ законы,
Которымъ слѣдовать старалися Мароны, (?!?!)
Украсясь именемъ священнѣйшимъ Твоимъ,
И славой и щитомъ останутся моимъ.

Вашего Императорскаго Величества
Вѣрноподданнѣйшій
1813 года. *Графъ Дмитрій Хвостовъ.*
Апрѣля .... дня.

Тутъ-же въ этомъ IV т. помѣщенъ переводъ расиновой трагедіи „Андромаха“. Первое изданіе этого перевода въ 1791 году было посвящено императрицѣ Екатеринѣ II и это всеподданнѣйшее посвященіе выражалось въ огромномъ стихотвореніи. Второе изданіе въ 1811 году было посвящено королевѣ виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ:

Я прежде посвящалъ Второй Екатеринѣ
Расина славный трудъ; его исправя нынѣ,
Тебѣ я подношу, Екатерина, вновь.
Въ Тебѣ всѣ Россы зрятъ красу, дары и кровь
Минервы Сѣвера, которые вѣнчали
И славу Россіанъ до облакъ возвышали,
Въ тебѣ видна Ея къ изящному любовь.
Сей трудъ, благодаря искусству Герміоны,
Извлекъ въ Петрополѣ потоки слезъ и стоны;
Но днесь является къ Тебѣ лишенъ красы.
Коль Ты благоволишь въ свободные часы
Посильный Росса трудъ вѣнчать пріятнымъ взоромъ;
Увѣренъ буду я тогда, что музы хоромъ,
Цѣня усердіе и ревностный мой жаръ,
Украсятъ въ честь Тебѣ хвалою скудный даръ.

Достойно вниманія, что эти вирши заключены такой подписью:

Вашего королевскаго величества
Всемилостивѣйшія Государыни
Вѣрноподданнѣйшій
Графъ Дмитрій Хвостовъ.

Почтенный графъ Дмитрій Ивановичъ, бывшій, какъ извѣстно, сенаторомъ, не зналъ, повидимому, что „вѣрноподданнымъ“ слѣдуетъ подписываться только въ письменныхъ обращеніяхъ къ своему царствующему Государю или Государынѣ, для всѣхъ-же другихъ особъ царской фамиліи существуютъ и приняты правилами и обычаями иныя формы. Въ этомъ-же случаѣ, называя себя „вѣрноподданнымъ“ королевы виртембергской, графъ Хвостовъ нечаянно изъ русскаго подданнаго дѣлался по собственному сознанію подданнымъ виртембергскимъ.

Четвертое изданіе (1822 г.) перевода трагедіи „Андромаха“ снабжено еще предисловіемъ отъ переводчика. Графъ Дмитрій Ивановичъ имѣлъ, повидимому, страстишку къ предисловіямъ, и писалъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Изъ этого предисловія видно, что въ 1811 году роль Герміоны играла Катерина Семеновна Семенова, а въ 1820-мъ году роль эту занимала г-жа Колосова меньшая, т. е. та, которая впослѣдствіи втеченіи многихъ лѣтъ была украшеніемъ русской драматической сцены подъ именемъ Александры Михайловны Каратыгиной. Въ началѣ IV тома стихотвореній графа Хвостова приложенъ гравированный на мѣди портретъ А. М. Колосовой 2-й въ роли Герміоны. Тутъ-же приложенъ прекурьезный документъ *Отъ издателя изданія 1813 года, Андрея Иванова* (NB. вымышленный псевдонимъ, потому что настоящимъ издателемъ всѣхъ твореній графа Хвостова былъ всегда никто иной, какъ самъ графъ Дмитрій Ивановичъ). Этотъ (мнимый) Андрей Ивановъ, между прочимъ, въ такихъ выраженіяхъ говоритъ о переводчикѣ произведенія Буало:

„Что касается до достоинства перевода, то можно справедливо сказать, что трудъ графа Хвостова въ преложеніи стихотворной науки господина Боало заслуживаетъ признательность любителей словесности. Многія

мѣста сего творенія, заключающія въ себѣ правила, принятыя всѣми просвѣщенными народами, выражены на русскомъ языкѣ столь удачно, что имѣютъ всю живость и красоту, свойственную оригиналу. Впрочемъ, предупреждать сужденіе публики, значило-бы принимать дѣло сочинителя или переводчика собственнымъ своимъ. Читатель непремѣнно оскорбится, когда лишатъ его права, принадлежащаго законнымъ образомъ его самолюбію. Хорошая книга подобна хорошо образованному юношѣ, который, при вступленіи въ свѣтъ, не имѣетъ надобности въ большомъ ходатайствѣ друзей или сродниковъ".

Этотъ отзывъ издателя, написанный непремѣнно въ кабинетѣ графа, очень скроменъ въ сравненіи съ тѣми восхваленіями, какія напечатаны во множествѣ въ шести томахъ Полнаго Собранія стихотвореній изданія 1830 года. Умора!...

Упомянувъ о портретѣ, приложенномъ къ четвертому тому собранія стихотвореній графа Хвостова, считаю необходимымъ прибавить, что ко второму тому приложена также картина, гравированная на мѣди и изображающая высокую каменную стѣну съ пальмовымъ деревомъ подлѣ нея; у стѣны три колѣнопреклоненныя фигуры, одна мужская, двѣ женскія; фигуръ этихъ ласково привѣтствуетъ статный молодой человѣкъ въ древне-эллинской туникѣ, вѣнчанный лаврами и опирающійся лѣвою рукою на Минерву или Беллону, держащую щитъ и пальмовую вѣтвь. Подъ стопами, какъ Беллоны или Минервы, такъ и молодого человѣка, долженствующаго изображать портретъ императора Александра I,—поверженный змѣй или гидра. На 16 стр. въ посланіи къ Императору Александру Павловичу авторъ слѣдующими стихами объясняетъ эту картину:

Герой, отринувъ блескъ побѣды и вѣнца,
Передъ собою зритъ горящія сердца.
Нѣтъ побѣдителя, равно нѣтъ побѣжденныхъ.
Тьмочисленный народъ, полнъ мыслей восхищенныхъ,
Ярмо минувшаго въ душѣ слагая зла,
Срѣтаетъ съ небеси низшедшаго посла.

Въ третьемъ томѣ, гдѣ помѣщены басни и сказки также гравюра на мѣди изображаетъ какое-то большое дерево, на вѣтвяхъ котораго сидятъ птицы, а посрединѣ повѣшенъ портретъ знаменитаго баснописца Лафонтена. У подножія дерева женщина въ вѣнкѣ и въ греческомъ хитонѣ, играющая на гусляхъ и окруженная разнородными животными: овцами, львами, обезьянами волками и пр. и пр. Подъ картинкою подписанъ стихъ изъ „Посланія о причтѣ“, напечатаннаго во II томѣ:

Всѣ звѣри говорятъ, а самъ молчитъ поэтъ.

Къ пятому тому приложенъ портретъ самаго автора, тогда уже (1827 году), маститаго старца съ сѣдыми кудрями, во фракѣ съ бѣлымъ галстукомъ, въ плащѣ, кокетливо наброшенномъ и украшенномъ знакомъ Ордена Св. Анны первой степени, т. е. звѣздою. Внизу гравированная подпись: „Графъ Димитрій Ивановичъ Хвостовъ“.—Рисовалъ портретъ этотъ художникъ Яненко, гравировалъ С. Владиміровъ. Стихотворенія графа издавалъ *будто-бы* Иванъ Васильевичъ Сленинъ. Въ пятомъ томѣ изданія 1827 года графъ Дмитрій Ивановичъ нашелъ цѣлесообразнымъ потѣшить себя посланіемъ къ Сленину, наполнивъ все это посланіе своею особою и снабдивъ его множествомъ примѣчаній въ выноскахъ. Это „посланіе“ до того курьезно и такъ рельефно изображаетъ милѣйшаго старичка метромана-стихоплета, что нельзя его здѣсь не помѣстить цѣликомъ со всѣми примѣчаніями автора и съ объясненіемъ причины, за-

ставившей графѣ дать награвировать свое изображеніе. Вотъ это посланіе:

Вотъ Сленину посланье, 1)
А вмѣстѣ и желанье
Имѣть большой доходъ
Отъ Эпиграммъ и Одъ;—
Загадки и Шарады,
И проза и Баллады,
Досугъ и славный даръ,
И новыя бездѣлки
И Драммы скороспѣлки
Валятся въ твой анбаръ;
Всѣ рядышкомъ степенно
На полочкахъ стоятъ;
Покупщиковъ смиренко
Изволятъ ожидать.
Не рѣдко и живые,
Толкуя о Батыѣ,
Стекаются судьи, 2)
Тотъ Ла-Мартина проситъ, 3)
Тотъ Фосса превозноситъ, 4)
Платя рубли свои.
Карпъ въ „Инвалидѣ“ жаждетъ
Узнать лѣтъ древнихъ вѣсть;
Сысой о Климѣ страждетъ,
Зачѣмъ онъ пишетъ лесть;
Журнальныя статейки—
Любимый здѣсь предметъ;
Власъ разбираетъ змѣйки (??!!)
И хвалитъ переплетъ;
Младенцы Геликона
Съ румянцемъ на щекахъ
Въ печатныхъ ждутъ листкахъ
Указъ отъ Аполлона.
Являяся Борей,
Кричитъ: „Мнѣ другъ Хорей!

Я дружбу защищаю;
Хочу друзей хвалить
И модныхъ запрещаю
Писателей хулить".

* * *

Лавръ свѣжій окружаютъ
Пѣвцы, спѣша на срокъ;
И дерево качаютъ
За тѣмъ, что лавръ высокъ;
Другъ другу лишь мѣшаютъ
Сорвать себѣ вѣнокъ.
Ты мнишь, тебѣ доходы
Мои доставятъ Оды?...
Худой барышъ отъ нихъ.
Все просто складно, ясно,
Безъ молній бурь густыхъ, (!!??)
И право не прекрасно...
Въ посланіяхъ—увы!
Ямбическія строки
Старинные уроки
Нѣтъ слезъ, ни муравы;
А Басеньки—безъ толка;
Лисица труситъ волка, 5)
Ботъ хочетъ въ корабли, 6)
Дельфинамъ въ Короли.

* * *

Ты, Сленинъ осторожный, 7)
Попалъ въ силки не ложны:
Стиховъ моихъ взялъ пукъ,
Не скоро спустишь съ рукъ!
Въ нихъ плавность не по модѣ,
Я *по былой* методѣ
Старинныхъ Піеридъ, (!!??)
Карабкался на Пиндъ;

Потомства не увижу
И съ нимъ тебя не сближу.—
На что тебѣ портретъ?...
На что мое творенье?...
Оно въ рѣку забвенья,
Не медля, попадетъ.—
Я самъ отворотился
Отъ племени сего,
Предать въ печать его,
Не осмотрясь, рѣшился!...

1) Посланіе И. В. Сленину напечатано было 1822 года, іюня мѣсяца, въ книжкѣ „Вѣстника Европы“ (Изданіе Качановскаго), вскорѣ послѣ того въ „Инвалидѣ“ (Изданіе Воейкова).

2) *Батый* драмма, которая всего одинъ только разъ представлена была въ чей-то бенифисъ.

3) *Ла-Мартинъ*, извѣстный съ нѣкотораго времени Французскій писатель. Нѣкоторые изъ его думъ (Méditations) были переведены разными сочинителями въ стихахъ на россійскій языкъ.

4) Фоссъ, знаменитый Нѣмецкій писатель, переводчикъ Гомера. Скончался 1826 года.

5) Смотри въ 3 т. Басню: *Благочестивый Волкъ и Лисица*, стр. 259. Нравоученіе сей басни относится ко духу *времени*, столько въ наше *время* бѣдоносному.

6) См. въ 3-ъ т. Басню: *Ботъ и Нева*, стр. 238.

7) Осторожный И. В. Сленинъ, издававшій Карамзина, столько довѣрилъ моей Музѣ, что и Посланія сего (1822 г.) печаталъ многія мои сочиненія на свой собственный коштъ. Онъ же очень много трудился относительно выбора бумаги и устройства портрета моего при изданіи 1822 года.

Сверхъ того каждый томъ „полнаго собранія стихотвореній графа Хвостова“ снабженъ особымъ эпиграфомъ, не заимствованнымъ изъ другихъ древнихъ или новыхъ писателей, а сочиненный самимъ авторомъ. Такъ къ I тому приложенъ стишокъ:

За трудъ не требую, и не чуждаюсь славы.

Къ тому II приклеенъ слѣдующій откровенный отзывъ, вполнѣ характеризующій автора:

Люблю писать стихи и отдавать въ печать.

Томъ III, состоящій изъ Басенъ и Сказокъ a la Лафонтенъ, имѣетъ слѣдующій четверостишный эпиграфъ:

Вотъ книга рѣдкая; подъ видомъ небылицъ
Она уроками богато испещренна;
Она комедія; въ ней много разныхъ лицъ,
А мѣсто дѣйствія пространная вселенна.

Томъ IV, въ которомъ напечатаны переводы Буало и Расина, имѣетъ такой эпиграфъ:

Что само по себѣ естественно прекрасно,
То вновь перерождать и украшать опасно.

Тамъ пятый не имѣетъ эпиграфа; но здѣсь помѣщено весьма курьезное предисловіе „*Отъ Издателя*“, подписанное Иваномъ Сленинымъ, но написанное въ кабинетѣ графа подъ его диктовку секретаремъ, чтецомъ и слушателемъ графа Дмитрія Ивановича Георгіевскимъ, передъ которымъ благоговѣлъ Е. Ф. Ганинъ и котораго терпѣть не могъ А. Е. Измайловъ. Вотъ это quasi-издательское предисловіе:

„Извѣстный по дарованію Піита и любви къ словесности Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, ввѣрилъ мнѣ въ рукописи пятый томъ своихъ превосходныхъ стихотвореній, для напечатанія особливо отъ полнаго собранія его сочиненій. Автору угодно было здѣсь помѣстить въ одномъ Лирическомъ родѣ нѣкоторыя піесы, кои уже были включены въ Полное Собраніе, какъ то: „Дарьѣ Алексѣевнѣ Державиной“, „Приглашеніе на вечеринку“ и другія, числомъ не болѣе пяти. Я, пріемля печатаніе на моемъ иждевеніи сего пятаго тома, съ удовольствіемъ присовокупляю, что кромѣ помянутыхъ

піесъ всѣ прочія въ совокупности печатаются въ первый разъ, изъ коихъ иныя не были еще нигдѣ напечатаны, а иныя почерпнуты изъ разныхъ журналовъ, послѣ (изданія) помянутаго „Полнаго Собранія“ сочиненныхъ, и помѣщены такія статьи, кои находились въ рукописяхъ безъ изданія въ свѣтъ и сочинены въ сущей молодости автора. Что-же касается до стихотворныхъ статей, въ семъ томѣ находящихся, подъ названіемъ „Лирическихъ“, „Посланій“ и „Басенъ“, то при непремѣнномъ случаѣ новаго полнаго изданія стихотвореній Графа Хвостова по волѣ автора или его издателя, могутъ помѣщены быть по роду своему въ 1, 2 и 3-хъ томахъ.“

Графъ Хвостовъ напечаталъ кучу стихотвореній. Въ пяти томахъ собранія его сочиненій слишкомъ 1,800 страницъ. Беру изъ этихъ виршъ нѣкоторыя, чисто на удачу. Большинство изъ нихъ составляетъ просто наборъ словъ, часто безъ всякаго смысла.

(1)

Нелѣпые стихи ласкателя-глупца
Презрѣнными творятъ героя и пѣвца,
И отвергаются стихосложенья богомъ;
Такъ докажи, почто не христіанскимъ слогомъ
Напрасно ближнему, рифмуя, досажать:
Тѣхъ шевелить, кто насъ не мыслитъ обижать?
Почто огласкою затѣйливаго слова
Безъ нужды въ сѣть вести себя и Глазунова (1).

(Изъ Сатиры: *къ Разуму.* Подражаніе господину Боало.)

(2)

Въ своемъ твореніи Art poétique, Буало, между прочимъ, говоритъ:

C'est ainsi que Vous parle un ami véritable.
Mais souvent sur ses vers un auteur intraitable
A les protéger tous se croit intéressé.
Et d'abord prend en main le droit de l'offensé.

„Я ни мало не отступая отъ мысли господина Боало“, увѣряетъ съ величайшей наивностью Хвостовъ, „тоже говорю:“

Такъ поступать привыкъ съ пріятелемъ другъ вѣрный;
Но часто самъ піитъ въ горячности безмѣрной
Обиженныхъ дѣтей пріемлетъ въ свой покровъ.

Наивный переводчикъ остается въ сладостномъ убѣжденіи, что переводъ его совершенно вѣренъ съ подлинникомъ и говоритъ: „Перемѣна у меня только та, что я олицетворилъ (бездѣлица!..) стихи, назвавъ ихъ *дѣтьми*“.

NB. Такихъ переводовъ у графа Хвостова безчисленное множество.

(3)

Зеленый лавръ любя, Пермесса водъ журчанье,
Прелестныхъ Аонидъ ты пріобрѣлъ вниманье.
Ты Аполлоновъ жрецъ, ты сталъ *Апостолъ* (NB. игра словъ и каламбуръ!) Музъ;
Твой долгъ распространять изящный, чистый вкусъ;
Твой долгъ усердствовать, чтобы въ твоемъ разрядѣ
Разсудка не былъ гласъ со звучностью въ разладѣ;
Чтобы всѣ вымыслы, искуство, красоты
Являли намъ зимой весенніе цвѣты,
Ты даръ употребилъ, усердіе и ревность,
Рожденьемъ славную пѣвцовъ постигнуть древность;
Ты съ громкимъ Пиндаромъ, съ Виргиліемъ знакомъ,
Такъ съ нами подѣлись ихъ сладостнымъ плодомъ (2).

(Ивану Матвѣевичу Муравьеву-Апостолу. 1-го марта 1812 года.)

(4)

Уже и илы всѣ природны
Готовы были ослабѣть,
И кровь, забывъ пути свободны,
Скопяся начала кипѣть;
Искусною ты врачъ рукою
Велѣлъ ей быстрою рѣкою
По жиламъ строго пробѣгать,
Хранить свой вѣсъ и не сгущаться;
Теперь мнѣ начали мечтаться
Житейски радости опять:
Въ бесѣдкѣ, розами устланной,
Легонько вѣетъ гдѣ зефиръ,
Куда не смѣетъ гость незваной
Зоилъ придти нарушить миръ,
На лирѣ скромной и незвучной
Предметъ отъ сердца не разлучной,
Могу Темиру воспѣвать (3).

(Посланіе къ доктору, изцѣлившему автора въ 1804 году) (4).

(5)

Искусно ты меня, художникъ, написалъ,
Со свѣтомъ купно тѣнь волшебно сочеталъ,
И самъ чрезмѣрно радъ, что кончилъ трудъ щастливо.
Любуясь, на него ты смотришь горделиво,
И громко говоришь: „Ступай теперь, Хвостовъ,
Награду получить достойную трудовъ;
Стань смѣло на ряду съ безсмертными творцами,
И, скромность отложа, красуйся ихъ вѣнцами".

(Живописцу моему) (5).

(6)

Обжоркинъ каждый день для всѣхъ твердитъ одно,
Что сытный былъ обѣдъ и вкусное вино;

Изволитъ завтракать бефстексомъ и росбифомъ;
Потомъ въ Милютины, не справяся съ тарифомъ,
Отколѣ и когда приходятъ корабли,
За кажду устрицу бросаетъ два рубли.
Готовясь пировать на свадебномъ обѣдѣ,
Успѣетъ завернуть пить шеколадъ къ Ларедѣ
Онъ щастливъ, внѣ себя за лакомымъ столомъ;
Онъ любитъ перигю (??!!); онъ съ стерлядьми знакомъ,
Глазами жадными всѣ блюды пожираетъ:
На гуся цѣлитъ, ѣстъ пирогъ, форель глотаетъ,
Котлетовъ требуетъ, или заводитъ рѣчь,
Чѣмъ сдобрить винегретъ, какъ вафли должно печь,
А послѣ кинется на виноградъ и сливы,
На дули, яблоки, на сочныя оливы.
Тамъ время полдничать, тамъ ужинать пора:
Онъ упражненъ ѣдой до полночи съ утра.
Обжоркину жена, и совѣсть, и разсудокъ
Дары и почести—одинъ его желудокъ.

(Ив. Ив. Дмитріеву, въ 1812 году, съ указаніемъ на недостатокъ общественнаго чувства.)

(7)

Гдѣ щастье, Межаковъ, скажи, или оно
Оставлено богамъ и смертнымъ не дано (6).

(Уединенному поэту.)

(8)

Свѣтила Россіянъ блистаютъ
Землѣ съ предѣловъ горнихъ вновь;
Всѣ виды здѣсь воспламеняютъ
Мою къ отечеству любовь.
Се тотъ, кто въ мысляхъ вдохновеннымъ,
Средь горъ, нечестьемъ помраченнымъ,
Святое знамя водрузилъ!
Андрею въ слѣдъ Владиміръ славный,

Сосудъ отечества избранный,
Россію вѣрой озарилъ.

(Изъ стихотворенія подъ названіемъ: *На освященіе Казанскаго собора.)*

(9)

Уже Парнасскія вершины
Моимъ открылися очамъ,
Веленіемъ Екатерины
У Невскихъ водъ основанъ храмъ.
Надъ нимъ орелъ, шумя крылами,
Неся вѣтвь масличну съ громами,
На солнце пламенное зритъ.
Веществъ крылатый истребитель,
Сатурнъ,—злой рока исполнитель,
У храма скованный стоитъ.

(Изъ посланія Императорской Россійской Академіи въ 1804 году, по случаю вступленія ея въ новое зданіе на Васильевск. острову.)

(10)

Веществъ безмѣрная громада
Прямое солнце мудреца;
Для восхищеннаго здѣсь взгляда
Природа образъ есть Творца;
Она средь дивнаго чертога
Намъ представляетъ въ славѣ Бога.
Кичливый кедръ или волчецъ,
Какъ виды цѣлому причастны,
Какъ цѣлое, они прекрасны
И совершенства образецъ.

(Изъ посланія Обществу Испытателей природы.)

(11)

Ты „*Пустодомовъ*“ сочинитель,
Изящныхъ зрѣлищей любитель!
Неожиданность измѣрь.
Афишки говорятъ: „Играютъ
Фингала новаго теперь“,
Куда отверзъ себѣ я дверь;
Глаза, спѣша, уже читаютъ
Отъ Валберховой мой билетъ...

(NB. Дѣло въ томъ, что авторъ (т. е. гр. Хвостовъ), имѣлъ уже отъ бенефиціантки М. И. Валберховой билетъ на первое представленіе „*Фингала*“, написаннаго княземъ А. А. Шаховскимъ. Но автору не удалось быть въ театрѣ, и онъ такъ извиняется передъ Шаховскимъ:)

Прими мое ты сожалѣнье,
И вмѣстѣ слушай извиненье:
Герой, дрожали чьей руки (т. е. Суворовъ)
Вездѣ богатырей полки,
Орелъ молніеносныхъ взоровъ
Беллоны братъ родной, Суворовъ, (съ того свѣта)
Возставъ, велитъ идти на бракъ (7).

(12)

Мнѣ жаль, что самъ я не случился
Въ селѣ—источникѣ отрадъ,
Съ тобой гулять бы не лѣнился
На рѣчку, островокъ и въ садъ.
Поилъ бы изъ ключа водою,
Стерляжьей, лакомой ухою,
Монхъ прудовъ я угостилъ,
Съ зеленой вѣтви овощами—
Тебя моими бы стихами,
Какъ друга къ ночи усыпилъ.

(*На случай посѣщенія села „Слободки*“

на р. Кубрп, А. Ф. Воейковымъ 4 сентября 1826 года.)

(13)

Прелестна Софьюшка Балладу мнѣ хвалила,
Съ слезами на глазахъ отъ сердца говорила:
„Въ числѣ своихъ подругъ ты первая *Людмилла.*
Твой авторъ славенъ, милъ, его душой люблю,
Съ нимъ чувство нѣжности пріятное дѣлю.
На щечку поцѣлуй ему бы подарила,
Когда бы гдѣ его увидѣть я могла".
Наградой обольстясь, какъ дерзкой похититель,
Ей объявилъ: что я *Людмиллы* сочинитель,
Пусть поцѣлуя мнѣ невинность не дала,
И розъ пучокъ къ моимъ устамъ лишь поднесла,
Окаменила умъ, и кровь мою зажгла.

* * *

Безспорно, поцѣлуй не шуточный подарокъ;
Но сердцу никогда не вкусенъ и не сладокъ,
Коль сорванъ невзначай, уловки подъ рукой,
За стихъ прелестнѣйшій за умъ и даръ чужой.
(Стихотвореніе: *„Поцѣлуй В. А. Жуковскому".*) (8)

(14)

Течетъ доколѣ въ жилахъ кровь,
Храня къ изящному любовь,
Я счастьемъ жизни наслаждаюсь,
Видѣніемъ красотъ питаюсь;
Но солнце дѣву на вѣсы,
Когда среди небесъ оставитъ,
Мнѣ случай дружбы въ тѣ часы
Съ тобой свиданіе представитъ.

Хотя меня Темира ждетъ,
Поспѣю въ Крестцы на обѣдъ.
(Посланіе М. П. О—вой въ 1825 году.) (9)

(15)

Стихи писать
И ихъ читать
Вездѣ намѣренъ;
Въ печать ихъ никогда не буду выдавать (10).
Не будетъ и меня никто критиковать
Я въ томъ увѣренъ.
Не можетъ пострадать пѣвца такого честь,
Котораго нельзя разслушать и прочесть.
(Эпиграмма на самаго себя, въ 1780 году.)

(16)

Когда въ твоихъ я узахъ былъ,
Вселенную тогда изъ мыслей истребилъ.
Твои глаза все мнѣ, Филида, замѣняли,
Они въ себѣ являли
Олимпа свѣтлый сонмъ и духъ мой восхищали.
(Мадригалъ въ 1780 году написанный.) (11)

Примѣчанія графа Хвостова

КЪ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

1) Глазуновъ извѣстный петербургскій книгопродавецъ, въ большой Садовой улицѣ, противъ Зеркальной линіи Гостинаго двора. Издателемъ моихъ стихотвореній ни онъ, Глазуновъ, ниже Заикинъ, Свѣшниковъ, Плавильщиковъ никогда не были и до днесь жизни моей не будутъ, такъ какъ я предоставляю это право на всегда Ивану Васильевичу Сленину и какъ въ 1813 году, я сіе право давалъ коллежскому

ассесору и кавалеру Андрею Матвѣевичу Иванову, который въ то время самъ упражнялся въ словесности съ успѣхомъ.

2) Посланіе сіе было сочинено по случаю избранія Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола въ предсѣдатели 4-го разряда Бесѣды любителей россійскаго слова. Онъ, имѣя познанія въ древнихъ языкахъ, каковые столь необходимы, чтобъ быть истинно просвѣщеннѣйшимъ, перевелъ прозою (за неумѣніемъ искуства стихосложенія) нѣсколько одъ и сатиръ изъ Горація, къ чему и относится мой стихъ:

„Ты съ громкимъ Пиндаромъ, съ Виргиліемъ знакомъ“,

3) Темирою во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ называетъ свою безцѣнную супругу, урожденную княжну Горчакову, которая заботливостью своею о своемъ супругѣ, особенно во время нерѣдкихъ его недуговъ,—привлекала постоянную его къ особѣ своей сердечную благодарность.

4) Докторъ этотъ былъ не простой докторъ, а князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ, генералъ лейтенантъ и мужъ великаго просвѣщенія. Онъ попеченіемъ родительницы своей, извѣстной княжны Катерины Романовны Дашковой, основательницы Россійской академіи и перваго оной президента, воспитывался въ Англіи, откуда и имѣлъ университетскій дипломъ на званіе доктора практической медицины. Былъ славный, своего времени, танцовщикъ, особливо по части минуэтовъ, экосезовъ, лагрековъ и матрадуръ.

5) Портретъ сочинителя, исполненный масляными красками, былъ писанъ академикомъ Щукинымъ, вслѣдствіе того, что тогдашній (въ началѣ 800 годовъ,) президентъ академіи Россійской, тайной совѣтникъ Нартовъ желалъ, чтобъ для украшенія академической залы, всѣ члены академіи доставили свои портреты, такъ какъ и всѣхъ знаменитыхъ писателей, до сего времени бывшихъ въ Россіи.

6) Сіе посланіе посвящено Павлу Александровичу Межакову, (по зимамъ жителю Петербурга, вологодскому помѣщику, умѣющему собирать у себя избраннѣйшій кружокъ) и напечатано въ первой разъ въ „*Невскомъ Зрителѣ*“ 1820 года. Второй стихъ покойнаго и приснопамятнаго всѣмъ людямъ, не лишеннымъ любви, къ высокому, Александра Пет-

ровича Сумарокова. Всѣ тѣ знатоки, которые имѣютъ нещастіе думать, что у Сумарокова нѣтъ ни одного путнаго стиха, почитая, что оный стихъ принадлежитъ автору,— чрезвычайно хвалили.

7) Въ день бенефиса г-жи Вальберховой была свадьба внучки Альпійскаго героя, княжны В. А. Италійской-Суворовой-Рымникской, которая въ этотъ день, 23 января 1823 года, выходила замужъ за полковника Башмакова, и сіе родственное торжество воспрепятствовало автору быть въ спектаклѣ.

8) Сіе стихотвореніе, сочиненное въ 1822 году, почти быль. Одна молодая прелестная барынька, восхищенная *Людмилою*, сожалѣла, что не знала автора и, при первомъ съ нимъ свиданіи, за его прекраснѣйшія стихотворенія, изъявляла милую готовность подарить его *на щечку поцѣлуемъ*. Вотъ содержаніе сего стихотворенія и его причина. Авторъ печатаетъ оное для того, чтобы показать удовольствіе, съ каковымъ нѣжный (дамскій) полъ въ Россіи читаетъ прелестные стихи знаменитыхъ нашихъ писателей. Все то, что въ стихахъ значится о томъ, какъ, семидесятилѣтній почти, авторъ пошутилъ съ очаровательною Софьюшкой, годящейся ему во внучки, есть ничто иное какъ поэтическая небывальщина.

9) Эти два стиха:

„Хотя меня Темира ждетъ,
Поспѣю въ Крестцы на обѣдъ“,

сдѣлались въ русскомъ обществѣ такою-же поговоркою, какъ многіе стихи изъ басенъ Крылова и какъ единственные стихи Рубана о Бригадирѣ, всѣ воспоминанія о коемъ ограничились тѣмъ газетнымъ извѣстіемъ, что „выѣхалъ въ Ростовъ“. Авторъ, сдержавъ данное въ стихахъ слово и возвращаяся съ Кубры на Дмитровъ и Клинъ въ Петрополь, по большой Московской дорогѣ, обѣдалъ 10 сентября 1825 года въ Крестцахъ у М. Ѳ. Охлестышева, гдѣ и получилъ стихи, называемые: *На пріѣздъ графа Д. И. Хвостова въ Крестцы* (NB. Имъ самимъ написанные и изъ третьихъ рукъ доставленные г-ну Охлестышеву), кои напечатаны были на особливыхъ листоч-

кахъ разноцвѣтной (розовой, голубой, зеленой, желтой и пр.) почтовой бумагѣ, въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія, гдѣ пятый мой томъ напечатанъ весьма удовлетворительно.

10) Авторъ не сдержалъ этого своего печатнаго обѣщанія, сдѣланнаго въ молодости, собственно потому, что впослѣдствіи многочисленные друзья автора и съ тѣмъ вмѣстѣ друзья Россійскаго слова заставили его измѣнить этому шутливому обѣту и, напротивъ, все, все, все печатать онъ сталъ, что доказывается 5-ю томами его полныхъ твореній.

11) Грѣхи моей юности до женитьбы.

Подобныхъ, забавныхъ своею наивностью, примѣчаній въ пяти томахъ произведеній Хвостова множество. Изъ нихъ можно привести еще слѣдующія особенно курьезныя:

1) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, Омиръ Россійскихъ странъ, первый удостоилъ сочинителя-поэта совѣтами и наставленіями, при вступленіи его въ вѣдомство Парнасса.

2) Сіе стихотвореніе „*Міръ*“ подъ названіемъ „*Человѣкъ*“ было напечатано въ первомъ изданіи и много разъ переправлено, что и подало случай одному непрошенному шутнику сказать: „Мы этого *человѣка* знали еще *дѣтиной*“.

3) „*Чиновные скоты всѣ праведники были*“ сказалъ Хвостовъ въ одной изъ своихъ басень, но тотчасъ въ примѣчаніяхъ своего 3-го тома поспѣшилъ оговориться такъ: „Не надобно принимать сего выраженія въ смыслѣ эпиграмъ аттическомъ, но въ простомъ по отношенію только къ роду животныхъ. Сіе замѣчаніе простирается и на прочія басни“.

15) Стихотвореніе: *Денису Ивановичу фонъ-Визину* написано авторомъ весьма давно и теперь печатается въ первой разъ. Сочинитель, соглашаясь съ Вольтеромъ, не любитъ слезной комедіи или драмы, который въ письмѣ къ безсмертному Александру Петровичу Сумарокову обнажаетъ свое негодованіе на драму господина Бомарше *Евгенію*. Сего рода сочиненія могутъ имѣть разительныя явленія и нравиться чувствительнымъ сердцамъ; но часто ихъ лучшія и наислезливѣйшія сцены погрѣшаютъ противъ вѣроподобія и нрав-

ственностной цѣли поэзіи. Напримѣръ, Евгенія, благовоспитанная дѣвушка, является на сценѣ *чреватою*. Скажите, позволительна-ли таковая вольность предъ обществомъ многолюднымъ и образованнымъ? — Впрочемъ, торжество слезливаго рода было не продолжительно. Нынѣ *Евгеніи* совсѣмъ не играютъ, да и вообще драмы весьма рѣдко появляются на Императорскихъ театрахъ.

Это замѣчаніе графа Хвостова, сдѣланное имъ въ 1826 году, могло быть справедливо, относительно драмы Бомарше, какъ самаго плохого произведенія талантливаго автора: *Свадьбы Фигаро*,—но положительно противорѣчитъ правдѣ, относительно вообще драмы, потому что въ это самое время драмы Августа Коцебу были въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ ходу и потомъ замѣнились драмами Дюканжа и другими, между прочимъ, драмами Н. А. Полеваго.

5) Въ моемъ посланіи къ Д. М. Княжевичу (Т. V-е Изд. 1830 г. стр. 182) мною, между прочимъ, сказано:

Поэтъ пускай умомъ летаетъ въ небесахъ,
Но мыслитъ, чувствуетъ онъ въ прозѣ, не въ стихахъ.

Гг. Журналисты не приняли на себя труда понять самой простой мысли и критиковали, каждый на свой манеръ, всей стихъ. См. *Съв. Пчелу* 1828 г. № 47, *Московскій Телеграфъ* апрѣля мѣсяца того-же года. *Сѣверная Пчела* говоритъ, по крайней мѣрѣ, буквально, что мои стихи лучше, нежели моя проза. *Телеграфъ* намекаетъ другое; не думая много, выписываетъ послѣдній стихъ, коимъ заключаетъ свое сужденіе, подсластя оное словами: „Вотъ что авторъ самъ о себѣ говоритъ“. Гг. Журналисты прицѣпились къ мѣстоимѣнію перваго лица: *я*, и по сему поводу пустились въ толки, не понявъ, что мысль автора относилась не собственно къ нему, т. е. къ графу Д. И. Хвостову, но вообще ко всѣмъ поэтамъ. Сочинитель (т. е. я, графъ Хвостовъ) разумѣетъ, что расположеніе стихотворенія и даже рѣчи въ Драматической поэзіи и другихъ обдумывается и приводится въ порядокъ прозою,

а не стихами. Это казусъ Расина и Прадона, словомъ, большихъ, малыхъ и дюжинныхъ стихотворцевъ; это мысль новая и ясная, не подверженная никакому сомнѣнію. Авторъ (т. е. я, графъ Хвостовъ) для вразумленія гг. привязчивыхъ критиковъ, въ нынѣшнемъ изданіи расположилъ напечатать свои стихи такъ:

Ношуся на скалахъ въ преклонный вѣкъ, какъ серна.
Пою тебя, ее, любовь и Крузенштерна.
Поэтъ пускай умомъ летаетъ въ небесахъ,
Но мыслитъ, чувствуетъ онъ въ прозѣ, не въ стихахъ.

Независимо отъ стихотвореній, включенныхъ въ нѣсколько огромныхъ томовъ его сочиненій, въ разныхъ журналахъ разсыпано не мало стиховъ графа Хвостова, принявшаго за правило писать стихи на всевозможные случаи. Вотъ, между прочимъ, его стихи по случаю отъѣзда изъ Петербурга знаменитой (1829—30 годахъ) пѣвицы Зонтагъ, которыми онъ снабдилъ А. Ф. Воейкова, давшаго имъ мѣсто на страницахъ своей еженедѣльной литературной газеты, издававшейся подъ названіемъ *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*.

Стихи эти были получены Воейковымъ въ одну изъ его пятницъ 1830 года. На пятничныхъ вечерахъ Воейкова почти всегда бывалъ графъ Дмитрій Ивановичъ, на этотъ разъ онъ однакожь не явился и прислалъ Воейкову слѣдующее письмо:

„Милостивый Государь мой (мой по старосвѣтскому) Александръ Федоровичъ! Легкій припадокъ холерины предалъ меня во власть эскулапа, и я посему не могу имѣть сугубое сегодня удовольствіе пользоваться здоровьемъ, равно какъ вашимъ милымъ обществомъ въ компаніи вашихъ просвѣщенныхъ, въ день пятницы около васъ стекающихся друзей и благопріятелей, которые всѣ несутся на доброѣзжихъ пегасахъ на Парнасъ, куда

и я, при моихъ болѣзненныхъ припадкахъ, однакожь отваживаюсь. Вчера слухъ мой упоенъ былъ райскимъ гласомъ оставляющей насъ, Петроградцевъ, Зонтагъ, и вотъ прилагаю вамъ у сего, плодъ такого моего восхищенія, въ *шести* стихахъ, для напечатанія оныхъ".

— Благодари, братецъ, его сіятельство, сказалъ Александръ Федоровичъ Воейковъ, закидывая по привычкѣ свои очки въ черепаховой оправѣ на узкій лобъ,—и доложи, что завтра самъ его провѣдаю, а сегодня буду молить Мать нашу, Пресвятую Богородицу, да отогнала-бы Она болѣзнь отъ него, при помощи доктора.

— Ихъ сіятельство, объяснилъ лакей,—уже двѣнадцатую чашку ромашки выкушать изволили и теперь имъ легче стало. Только-съ дохтуръ, Богданъ-то Карлычъ, запретили имъ стихи писать, отчего, говорятъ, никакая михстура не поможетъ, чего добраго.

— Конечно, не поможетъ, какъ-бы машинально повторилъ Воейковъ, и когда лакей ушелъ, принялся читать присланные стихи. Вотъ они:

О соловей! Пари съ береговъ Невы—
Огонь сердецъ! Лети отъ странъ холодныхъ,
Внимая вновь, за блескъ даровъ природныхъ,
Хваленія сопутницы молвы.
Зонтагъ! Твой взглядъ, раскаты, трель, *приливы*
Живутъ въ сердцахъ и вѣчно будутъ живы.

Прочитавъ эту рифмованную дребедень, Воейковъ спустилъ на глаза очки и сказалъ, вздыхая:

— Въ 1811 году издавался журналъ *Улей*, гдѣ справедливо стихотворенія его сіятельства графа Дмитрія Ивановича, названы: le sublime du galimatias. Но такой ералаши, какъ эта, нашъ метроманъ еще ни разу не выплюнулъ. Правду-же онъ въ письмѣ своемъ говоритъ, что написалъ эти стихи,—если только стихами можно назвать эти вирши,—въ промежуткахъ припадковъ хо-

лерины. А что подѣлаешь? Надо печатать: я съ этимъ старикашкой связанъ условіемъ!

Приподнятая съ этого условія завѣса обнаруживала, что графъ Хвостовъ подписывался на сотню экземпляровъ газеты Воейкова, изъ которыхъ каждый, подобно векселямъ, уничтожался, а не распространялся, чтобы не умалить числа настоящихъ подписчиковъ, и за это одолженіе, графъ имѣлъ право напечатать нѣсколько изъ своихъ неудобочитаемыхъ стихотвореній въ газетѣ Воейкова.

Какъ ни тяжело было Воейкову печатать присланную галиматью, однакожь, скрѣпя сердце онъ отправилъ ее въ типографію и она была помѣщена въ первомъ вышедшемъ затѣмъ нумерѣ его газеты.

II.

ЕГОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГАНИНЪ.

(творецъ нелѣпѣйшихъ драмъ и каррикатурнаго сада.)

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Петербургѣ славился своими чудачествами купецъ первой гильдіи Егоръ Федоровичъ Ганинъ. Человѣкъ довольно богатый, Ганинъ жилъ въ своемъ собственномъ двухэтажномъ домѣ, стоявшемъ на берегу Невы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Калашниковская пристань. Около этого дома былъ разбитъ садъ, гдѣ на небольшомъ пространствѣ въ нѣсколько сотъ квадратныхъ сажень было сгруппировано, или скорѣе, хаотически скучено и безпорядочно распланировано почти все то, что составляетъ украшеніе загородныхъ дворцовыхъ садовъ Царскаго Села, Петергофа, Гатчины, Ропши и пр. Ганинъ ребячески восхищался своимъ садомъ и восхищеніе это доходило до мономаніи. Мономанія у Ганина еще въ большей степени проявлялась въ дѣлѣ авторства. Ганинъ, называвшій себя громко вторымъ Августомъ Коцебу, написалъ и даже напечаталъ пять драмъ или драммъ, по его орфографіи. Драмы эти написаны прозой и отличаются поразительной ерундливостію. Ганинское са-

модурство, какъ садовое, такъ и авторское, было предметомъ постояннаго глумленія въ сатирическомъ журналѣ того времени, въ *„Благонамѣренномъ“*, который былъ начатъ въ 1818 году и прекращенъ въ 1827 году, за назначеніемъ издателя и редактора его А. Е. Измайлова вице-губернаторомъ въ Тверь. Журналъ этотъ, составляющій теперь библіографическую рѣдкость *) очень часто занимался почтеннѣйшимъ Егоромъ Федоровичемъ, что нравилось какъ его читателямъ, такъ и самому автору драматической ерунды.

Журналъ „Благонамѣренный“ такъ много и такъ настойчиво занимался Ганинымъ, что однѣ его статьи могли-бы служить богатымъ матеріаломъ для біографіи этого чудака изъ чудаковъ, достойнаго занять видное мѣсто въ коллекціи русскихъ оригиналовъ и самодуровъ. Однакожь, я не удовольствовался этимъ матеріаломъ и дополнилъ его свѣденіями, полученными отъ одного почтеннаго старика, лично знавшаго Ганина. Мой знакомый старикъ, по имени Дормидонъ Селифонтьевичъ, имѣлъ привычку вести дневникъ. Въ этомъ дневникѣ мы нашли нѣсколько весьма интересныхъ подробностей о Ганинѣ. Съ согласія Д. С. я воспользовался ими для этой монографіи.

Въ своихъ насмѣшкахъ надъ Ганинымъ Измайловъ часто хваталъ черезъ край. Съ нашей современной точки зрѣнія подобное глумленіе унижаетъ литературу. Но въ то время понятія были иныя: тогдашняя всероссійская публика восхищалась грубымъ и беззастѣнчивымъ

*) Въ Петербургѣ этотъ журналъ можно найти только въ „Императорской публичной библіотекѣ“, да въ частной библіотекѣ г-на Черкесова (Нев. пр. д. Демидова). „Благонамѣренный“ выходилъ то 6 разъ въ годъ, то 12 разъ ежемѣсячно, то по 2 раза въ мѣсяцъ, т. е. 24 книжки. Къ сожалѣнію, экземпляръ, находящійся въ библіотекѣ г. Черкесова значительно пострадалъ отъ какого-то вандала. *Кас. Кас.*

глумленіемъ надъ такимъ мономаномъ, какъ Ганинъ, котораго Измайловъ съ своими пріятелями и сотрудниками: братьями Княжевичами, Чеславскимъ и Сомовымъ безъ особеннаго труда могъ увѣрить, что его нелѣпѣйшія драмы переведены на французскій языкъ и играются въ окрестностяхъ Парижа на дачѣ у маркизы де-Куланжъ (разумѣется, измышленной Измайловымъ и К°). Далѣе они утверждали, что на сценѣ этого домашняго театра, поется въ честь и славу Ганина похвальное слово, сочиненное какимъ-то, также, конечно, вымышленнымъ виконтомъ де-Сент-Анжемъ, перомъ котораго водилъ тогдашній извѣстный беллетристъ и знатокъ французскаго языка Орестъ Михайловичъ Сомовъ, печатавшійся наиболѣе подъ псевдонимомъ „Порфирія Байскаго“. Вотъ это курьезное похвальное слово:

„Vive, monsieur Ganin!
Qui posséde un beau jardin!
Enfin
Nous avons son drame Lubin.
Qu'il est beau! Qu'il est beau!
Et d'un genre tout nouveau!“

Чудакъ Ганинъ наивно вѣрилъ и театру г-жи Куланжъ и похвальному слову, сочиненному виконтомъ, восхищался своей извѣстностью за границей и каждому знакомому по нѣсколько разъ передавалъ разсказъ о французскомъ аристократическомъ театрѣ, гдѣ играются его знаменитыя драматическія произведенія. Изъ этого можно заключить, что Ганинъ былъ крайне-самоувѣренъ и страстно влюбленъ въ свои драмы, пожалуй, даже сильнѣе, чѣмъ графъ Хвостовъ въ свои стихотворенія. Ганинъ у себя въ саду, открытомъ имъ для публики, каждому посѣтителю читалъ наизустъ „похвальное слово“, разумѣется, произнося всѣ слова такъ, какъ-бы они бы-

ли написаны русскими буквами. Мало этого, Ганинъ напечаталъ это похвальное слово въ своей статьѣ, подъ названіемъ: „Гласъ справедливости“, помѣщенной въ одномъ изъ іюньскихъ нумеровъ „Благонамѣреннаго“ 1820 года. Статья эта, подписанная Ганинымъ, должна была служить опроверженіемъ критической статьи о его драмѣ „Любимъ“, Чеславскаго, напечатанной въ томъ-же „Благонамѣренномъ“. Въ статьѣ этой, образчикѣ уморительной чепухи, Ганинъ поретъ страшнѣйшую, образцовую дичь и приводитъ въ примѣръ своихъ достоинствъ и совершенства своихъ твореній, какъ переводы своихъ драмъ на французскій языкъ, такъ и похвальное слово ему, написанное виконтомъ де-Сент-Анжемъ.

Въ своемъ знаменитомъ саду Ганинъ изобразилъ на огромной зеленой доскѣ четверостишіе, написанное извѣстнымъ уже намъ Георгіевскимъ, секретаремъ чтецомъ графа Д. И. Хвостова.

Вотъ это четверостишіе, которымъ ребячески восхищался владѣлецъ сада:

Армидины сады поэтамъ лишь извѣстны,
И только видимъ мы у Тасса ихъ въ стихахъ:
Но садикъ Ганина, по истинѣ, чудесный,
У насъ не въ басняхъ: онъ у каждаго въ глазахъ.

Независимо отъ этой надписи, была другая на огромной алой доскѣ начертанная серебряными буквами:

О, чудный въ свѣтѣ вертоградъ!
Похвалъ достойный Ганинъ садъ!
О! драма русская „Любимъ“,
Гордися авторомъ своимъ.

Подъ этою надписью въ 1827 году уже явилась дощечка, на которой рукою г. Ганина было написано: „Сочинялъ фабулистъ-журналистъ, нынѣ статскій совѣтникъ, тверской вице-губернаторъ и двухъ орденовъ рос-

сійскихъ (Св. Владиміра Равноапостольнаго и Св. Анны Голштинскія) кавалеръ, Александръ, Ефимовъ сынъ, Измайловъ".

Въ 1821 году въ „Благонамѣренномъ" была напечатана статья: „Описаніе сада господина Ганина" подъ псевдонимомъ „Любителя изящнаго". Статья эта была написана самимъ Ганинымъ, по убѣжденію Измайлова, снабдившаго ее множествомъ своихъ сатирическихъ замѣтокъ, казавшихся Ганину самыми искренними похвалами. Главная замѣтка Измайлова, какъ издателя журнала, была слѣдующая: „Напечатано со всевозможною точностью. Издатель не перемѣнилъ ничего; но разставилъ только, для удобства читателей, знаки препинанія, коимъ почтенный авторъ, повидимому, объявляетъ рѣшительный остракизмъ".

Привожу эту курьезную статью въ подлинникѣ. Главный ея интересъ заключается въ оригинальномъ слогѣ и въ такихъ выраженіяхъ, какія могъ измыслить только такой чудакъ, влюбленный въ свои произведенія, какимъ былъ Е. Ф. Ганинъ.

Вотъ эта статья:

ОПИСАНІЕ САДА Г-НА ГАНИНА.

Садъ Господина Ганина, состоящій въ Санктпетербургѣ, въ Рождественской части, на берегу Невы рѣки, близь Смольнаго Монастыря, расположенъ на ровномъ и возвышенномъ мѣстѣ, и выше дороги мостовой около двухъ аршинъ; онъ не великъ, однакожь, и не малъ въ разсужденіи частнаго человѣка. Въ семъ садѣ, по его расположенію, любопытный много найдетъ н е о ж и д а е м а г о.

Прекрасныя двѣ колонны съ улицы показываютъ входъ въ оной.

Взойдя на лѣстницу, внутри сада первый предметъ представляется глазамъ—в о д о б о й, или фонтанъ, бьющій воду,

въ четыре аршина. Прекрасное зрѣлище и прохлада, а особливо въ жаркое время!

А за тѣмъ цѣлый рядъ мраморныхъ (т. е. гипсовыхъ) статуй миѳологическихъ, изъ коихъ восемь колосальныхъ *), а двѣ поясныя изъ дѣйствительнаго бѣлаго мрамора, ломокъ благословенной Италіи.

Позади сихъ видна на розовомъ полѣ, за фонтаномъ, въ рѣшеткѣ на піэдесталѣ, искуственная Индіанка, съ натуральными изгибами платья изъ разныхъ раковинъ, держащая въ рукѣ прекрасную птичку изъ жемчужныхъ раковинъ.

Это розовое поле, потому я назвалъ, что оно вокругъ обсажено розами; средина-же онаго представляетъ... коверъ живой муравы, и по краямъ подѣланы широкія дорожки, по которымъ публика гуляетъ, и множество рѣшетчатыхъ скамеекъ для отдохновенія.

Остановясь у фонтана, вправо и влѣво, и далѣе, куда не посмотришь, вездѣ видна рука искуства и вкуса хозяйна; всякое мѣсто восхитительно и привлекательно, и всякая вещь на своемъ мѣстѣ. Я вошелъ въ садъ вечеромъ и гулялъ одинъ одинехонекъ, и мнѣ было время самое удобное, по моему врожденному любопытству, разсмотрѣть въ немъ все подробно.

Когда я вступилъ въ садъ ногою *), *тогда были уже послѣдніе луча солнца, скрывающаго изъ сада*; они мерцали и проникали **) сквозь вѣтви величественной предъ моими глазами липовой рощи слабо. Въ этой рощѣ бываетъ по воскреснымъ и табельнымъ днямъ, когда присутственныя мѣста и учебныя заведенія бываютъ отъ занятій первыя и отъ учьбы вторыя свободны,—хоръ музыкантовъ, и отголоски хора наполняютъ воздухъ на берегахъ Невы рѣки окрестности; они (?!!) кладутъ свои ноты на пріуготовленныхъ для того столахъ.

---

*) Т. е. въ естественную величину. *Прим. Изд. „Благочамьреннаго“.*

*) Ступить ногою! Благодаримъ автора за физіологическое открытіе. *Примметранпажа типографіи «Благонамьреннаго».*

**) Стихотворно!—*Измайловъ.*

Отъ фонтана влѣво видѣнъ большой въ саду домъ, а предъ имъ, въ кругу, восемь большихъ густыхъ липъ, подъ которыми шесть рѣшетчатыхъ зеленыхъ скамеекъ привлекаютъ гуляющихъ къ отдохновенію; *а особливо немените того, и тѣнь сихъ липъ сокрываетъ отъ солнца гуляющихъ*, и въ томъ-же кругу липъ, въ кругломъ балюстрадѣ поставлена искусственная дѣвушка съ жалкимъ видомъ и со слезою на щекѣ, держа въ рукѣ своей ручку съ кувшина, а кувшинъ разбитой лежитъ у ногъ ея на полу съ ліющеюся водою.

Пройдя ее, предъ балкономъ поставлена толстая изъ дикаго камня колонна: на колоннѣ большая чугунная ваза, и въ ней горшокъ съ цвѣткомъ.

Прежде сего времени, года по два я видалъ на окнѣ того дома хрустальный сосудъ съ водою изъ Невы, по видимости, извлеченною, и въ немъ рѣзвились Африканскія рыбки: нѣсколько серебряныхъ, и одна золотая, и сія послѣдняя обращала на себя всѣхъ, кто шелъ мимо окна, вниманіе; но нынѣ ихъ уже не видно. Эта золотая рыбка, ныряя въ водѣ *оставляла въ слѣдахъ своихъ, по физическому существу блескъ* (?) *чистаго золота.*

А вправо отъ фонтана видна руина, осыпанная охрусталованными камнями, и въ ней пещера и комната, въ которой диванъ, потолокъ и стѣны убраны бѣлымъ и чернымъ мохомъ.

Далѣ башня съ флагомъ готическаго вкуса. Наружность оной, хотя и не совсѣмъ правильная, но за то высокія березы, осѣняющія оную, *дѣлаютъ меланхолическій видъ*, а особливо, когда во внутренность ея взойдешь—тамъ представится взору прекрасная палатка, на манеръ турецкихъ шалей съ креслами, покрытыми изъ той же матеріи, и съ двумя наборными (спрѣчь, ломберными) столиками. Въ ней иногда хозяинъ угощаетъ своихъ знакомыхъ прохладительными напитками *). Проходя же башню, видны вправо кегли, искусственная львица въ пещерѣ со львенкомъ, на которую ле-

*) Изъ которыхъ особенно хороши: клюковный и смородинный квасы. *Прим. Измайлова.*

тятъ крокодилъ съ разинутою пастью, и входъ въ о н у ю закрываетъ желѣзную сѣть; а потомъ запирается желѣзною дверью; круглой, зеленой столъ около дерева калины, и съ круглыми такими же скамейками, и все это рѣшетчатое, обсаженное вокругъ цвѣтами; а за тѣмъ уже превысокая лѣтняя гора съ колясочками, и по дорожкѣ у всей горы скамейки зеленыя, рѣшетчатыя.

Оборачиваясь назадъ на прежнюю дорожку, представляется горка, березникомъ обсаженная, а потомъ спуститься должно въ лощину: тутъ видны солнечные часы; а вправо большая полѣнница дровъ березовыхъ крыта соломою; но въ ней (въ полѣнницѣ) прекрасная свѣтлая бесѣдка со столомъ, со стульями и креслами для отдохновенія; возвращаясь же отъ бесѣдки вправо, взойдешь на другую такую же точно горку, какъ и первая, березникомъ же обсаженную.

При концѣ второй горки представляется храмъ въ два этажа; нижній этажъ онаго съ двумя Венеціянскими окнами и дверями; одно окно въ садъ къ Невѣ, а другое на другую улицу; а по стѣнамъ онаго поставлены піедесталы, и на ихъ гипсовые бюсты: по одной сторонѣ Императрицы Екатерины II, Румянцева-Задунайскаго, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымникскаго-Италійскаго, Кутузова-Смоленскаго, Юлія Цезаря Римскаго; а по другую сторону: Императора Павла I, короля Прусскаго, Фридриха II, римскихъ: Ромула, Катона и Каракаллы, и ученыхъ мужей, какъ то: Гомера, Сократа, Платона, Виргилія, Волтера, Цицерона, Сенеки, Руссо и прочихъ (?!!); а по срединѣ большой билліардъ; многое число креселъ и софа. Билліардъ сей часто выносится *), я видалъ т а м ъ танцующихъ.

Вышедъ изъ нижняго этажа того храма, подняться должно по наружной лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ большихъ 12 оконъ *дѣлаютъ великой свѣтъ*, и сей свѣтъ изливается и въ нижній этажъ посредствомъ большаго посрединѣ отверстія окруженнаго перилами, гдѣ можно около онаго стоять му-

*) Передвижной бельярдъ! долженъ быть, куда какъ вѣренъ!..
Прим. Измайлова.

зыкантамъ, а далѣе можно столы поставить для картъ; по стѣнамъ же поставлены чрезъ каждый стулъ гипсовыя статуи, какъ то: Венера, Купидонъ и *тому подобныя*; а на храмѣ семъ снаружи сдѣлана надпись:

Не зачѣмъ далеко, и здѣсь хорошо!

За храмомъ поставлены разныя качели, и первая изъ нихъ называется: *Парижская*, въ память взятія Парижа побѣдоносными россійскими войсками за шесть лѣтъ предъ симъ; главное ея основаніе толстая колонна, а *поотдаль* вокругъ ея поставлены еще пять колоннъ, и на нихъ сдѣланъ кругъ столстыхъ досокъ въ нѣсколько рядовъ; на поверхности же въ большой колоннѣ продѣты и укрѣплены другіе два бруса, и на концахъ оныхъ прицѣплены четыре колясочки, на дугахъ желѣзныхъ на подобіе какъ у ведра, и въ помощь имъ держутъ тѣ колясочки еще и веревки, и такимъ образомъ люди, сидя въ колясочкахъ, летаютъ по воздуху, опускаясь и внизъ и вверхъ, на чугунныхъ колесахъ по кругу.

Вторыя качели, утвержденныя тоже на двухъ брусьяхъ, вдѣланныхъ въ колонну о восьми мѣстахъ: ихъ качаетъ одинъ человѣкъ весьма легко.

Третья качель веревочная.

Четвертая качель такая же.

Пятая качель высокая, изобрѣтенная въ Россіи о четырехъ бесѣдкахъ, утвержденныхъ въ брусья, возвышающихся вверхъ и внизъ, управляемая *машинальнымъ* колесомъ.

Колонна, постоянная съ желѣзными крючьями, на которыя кидаются мѣдныя кольца.

Противъ сихъ качелей сдѣланъ дугою прекрасный на островъ мостикъ, какой островъ посрединѣ пруда лежитъ; въ одну сторону онаго, на водѣ стоитъ корабликъ, аршина въ два, трехпалубный; а по другую сторону яликъ для катающихся. *Восходя на мостикъ*, первый предметъ попадается памятникъ, частію изъ мрамора, а частію изъ камня сооруженный, и въ ономъ заложена доска чернаго мрамора со слѣдующею надписью: *Маріи другу*, а внизу связанныя бронзовыя двѣ буквы *Е. Г.* сей памятникъ окруженъ ж и в ы м и

кленами и сосенками. Минуя памятникъ, *тотчасъ любопытный увидитъ себя на островку*, обсаженномъ кругомъ обстриженными березками, гдѣ поставлены четыре рѣшетчатые зеленыя скамейки, и два стола съ каменными досками; а напротивъ острова видны регулярные два полуостровка; а за ими высокій зеленый валъ, и на томъ валу, на піедесталѣ поставлена колосальная *) статуя: *Венера-Медицинсъ*; а валъ обсаженъ въ одинъ рядъ березками, и за тѣмъ еще крѣпость съ будками и пушками; а между полуостровками въ гавани стоитъ яхточка съ флагами и съ двумя мѣдными пушками; а сверхъ того весь оный прудъ *кругомъ* съ трехъ сторонъ (???) окружаютъ длинныя съ зеленою муравою перспективы, обсаженныя превысокими, тѣнистыми деревьями *и съ дорожками вкрай воды*. Я приведенъ былъ симъ зрѣлищемъ въ удивленіе! Тутъ порядокъ и устройство; тутъ пахучія травы, перемѣшанныя съ ароматическими *зимними* цвѣтами, привлекаютъ взоры каждаго и заставляютъ удивляться. Когда гуляющіе пожелаютъ обозрѣть другой садъ, отдѣльный отъ перваго, тогда, возвращаясь на мостъ, оставляя все выше означенованное, идутъ впередъ и не вступая на границу отдѣльнаго сада, поворачиваются влѣво по узенькой дорожкѣ, усматриваютъ *маленькой, свѣтлый гротикъ, съ половинчатымъ куполомъ* (?). Онъ весь въ стеклахъ; внутреннія стѣны сего гротика и куполъ убраны тысячами маленькихъ раковинъ, и при томъ весь уставленъ столами съ минераллами; а сверхъ того, въ своемъ мѣстѣ, поставлены двѣ высокія пирамиды, до верху украшенныя кораллами, разными камнями и рудами; а у оконъ гротика чрезъ стекла видны поставленныя на колонахъ, какъ то: половина большой морской раковины, и, кажется, по величинѣ ея тяжесть въ ней *пуда съ два*; еще морской окаменѣлый мохъ такого же вѣса, и нѣсколько вазъ, украшенныхъ разными раковинами; а всего ближе чрезъ стекла на первомъ столикѣ видны слѣдующія рѣдкости окаменѣлыя: *матка пчелъ*, или *сота* (??) *медовая*,

*) Т. е. въ человѣческій ростъ. Авторъ статьи этой чуть не карликъ, и потому для него все колосально. *Наборщикъ „Благонамѣреннаго“.*

окаменѣлый грибъ, окаменѣлая аквамаринная матка, и другая матка золотаго *бириля*, въ коихъ видны *проростшіе поступлые камни*; тутъ же прозрачные камни дымчатаго топаза, а одинъ въ кучѣ не доспѣлой (?) большой топазъ съ натуральными гранями, капельникъ известково(ы)й, родившійся въ норѣ (?), въ горахъ Сибирскихъ, и другой капельникъ малахита, прекрасный лабрадоръ, окаменѣлая улитка, красная яшма въ сѣромъ камнѣ, два дерева окаменѣлыя съ вѣтьвями, окаменѣлый кусокъ дерева, въ коемъ видны слѣды топора, окаменѣлая съ порами внутренность животнаго *); раковина жемчужная, въ срединѣ которой видно лицо человѣческое; маленькая раковинка, представляющая голову турка въ чалмѣ съ бородою, глазами и орлинымъ носомъ; яшма красная, на которой *натура изобразила* травку, и прочее.

Возлѣ сего самаго гротика лежитъ узенькая дорожка на земляную гору, называемую Парнассомъ; она сдѣлана винтомъ, и ни мало не затруднительная восходить на оную, ибо она очень пологая съ перилами, и вся обсаженная березками и рябинками. Вышина сего Парнасса будетъ три сажени; но окружность гораздо больше; на поверхности горы бесѣдка съ колонами, крытая овадомъ жестью.

Сходя съ Парнасса и оборачиваясь назадъ, вступить должно на границу отдѣльнаго сада, и первый предметъ для взора огромная, рѣшетчатая бесѣдка, обросшая вся зеленью, *образуетъ въ своемъ существѣ* многіе выходы, и ежели изъ оной выйдти вправо, то граница большой проѣзжей дороги закрыта заборомъ и обсажена высокою акаціею и березками; а влѣво противъ сего зеленое поле, обсаженное жъ въ два ряда подстриженными березками, а затѣмъ грунтовыми цвѣтами; а между ими и заборомъ съ акаціею, убитыя щебнемъ широкія дороги, а за цвѣтами видно поле; а за тѣмъ еще возвышеніе, или *террасъ* съ принадлежащими къ *ему* вмѣсто

*) Какого? *Прим. наборщика „Благонамѣреннаго“.*

ступеней убитыми горками, и на томъ возвышеніи поставлена чугунная статуя воинственныя Клоринды (?!!), въ шишакѣ, съ перьями на головѣ и съ копьемъ въ рукѣ, на такомъ же чугунномъ піедесталѣ. Исторія показываетъ, что она во время Крестовыхъ походовъ убита Танкредомъ. Вся сія громада, кажется мнѣ, по меньшей мѣрѣ вѣсу въ себѣ имѣетъ не менѣе *ста* пудовъ; сверхъ того на террасѣ семъ посажены кругомъ его сирени разныхъ цвѣтовъ штукъ до тридцати, и всѣ онѣ подстрижены равнымъ образомъ; также подстрижены шпалерникомъ разнаго рода между теми сиренями и цвѣты, и есть на томъ террасѣ рѣшетчатыя зеленыя скамейки. Полъ же онаго возвышенія усыпанъ морскимъ пескомъ, смѣшаннымъ съ маленькими раковинками и улитками; потомъ, сойдя съ *терраса* и проходя дорожками кругомъ все это поле, при концѣ онаго за заборомъ еще въ отдѣльномъ саду, въ который входъ запертъ, видѣнъ амфитеатръ съ балкономъ крытой, въ которомъ иногда фигляры показываютъ свои фокусы.

Вышедъ изъ отдѣльнаго въ первый садъ, возлѣ перваго полуострова видна за рѣшеткою у вала сидящая фигура (т. е. кукла или маннкенъ) гадальщицы на картахъ и на кофеѣ; а, обойдя весь прудъ дорожками и миновавъ мостикъ и качели, у другого полуострова, у вала же за рѣшеткою, видна другая фигура, именно *нѣмца*, одѣтаго въ черное платье старинаго покроя временъ Фридриха Великаго и который (автоматъ *нѣмецъ*) иногда, посредствомъ пружины, встаетъ на ноги; въ Ганинскомъ же саду этотъ *нѣмецъ* извѣстенъ подъ именемъ *Вольтера*.

Отсюда, миновавъ буфетъ, возвратился я къ фонтану, гдѣ *принужденъ былъ любопытствомъ* остановиться, и ставъ къ Невѣ рѣкѣ, смотрѣлъ на стекловидную воду: она пребывала въ спокойной тишинѣ, и я любовался сею стихіею. Нева рѣка, по крайней мѣрѣ, ниже тремя саженями сада. Потомъ простеръ я взоры на другой берегъ. На нагорномъ мѣстѣ видны изъ сада двѣ церкви большой и малой *Охтъ*, строющійся фрегаты и прочія суда морскія, тамъ видны домы каменные и деревянные, и синѣющіяся горы Колтушскія съ лѣсами. И

все сіе образуетъ прелестный ландшафтъ! О! какое это здоровое мѣсто! Въ немъ хозяинъ (Ег. Фед. Ганинъ), болѣе 30 лѣтъ, живетъ вполнѣ здраво, благодаря климату мѣста и его стараніи въ разсужденіи сохраны здравія.

Не могу я утвердительно сказать, чтобъ я все въ семъ саду видѣлъ и тѣмъ паче все описалъ; есть много такихъ вещей и мѣстъ, кои мною пропущены, и которыхъ я не досмотрѣлъ *по ненароку и по невременью.* Сказываютъ, есть маленькая бесѣдка круглая, обсаженная акаціею, со столомъ и скамейками; большая клѣтка для птицъ; у горы лѣтней пространное мѣсто, обсаженное деревьями, для продажи фруктовъ; въ отдѣльномъ саду въ боку обсаженное мѣсто деревьями, гдѣ играютъ въ фортунку. Самъ *любопытный* увидѣть можетъ все лучше, а входъ въ сей милый садъ позволяется всякому, во всѣ часы дня и вечера до 10 ч. по полудни.

Любитель изъящнаго.

Въ 20-хъ годахъ въ Петербургѣ существовало „Общество любителей наукъ и словесности". Оно состояло подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго любителя литературы— Д. М. Княжевича, котораго не рѣдко на президентскомъ креслѣ замѣнялъ А. Е. Измайловъ. Ганинъ, упоенный восторгомъ отъ своихъ литературныхъ невозможностей, присталъ къ Александру Ефимовичу съ просьбою сдѣлать его членомъ этого общества. Измайловъ, ратуя въ пользу Общества и считая безгрѣшнымъ эксплуатировать богатаго чудодѣя, объявилъ ему, что если онъ дастъ формальную подписку взносить ежегодно по 1,000 р. асс. въ годъ, то непремѣнно будетъ назначенъ „экстраординарнымъ" (т. е. выдуманнымъ Измайловымъ) членомъ. И что-же? Ганинъ съ восторгомъ согласился и сталъ взносить ежегодно въ кассу Общества отъ имени „неизвѣстнаго" по 1,000 р. асс. Эта анонимная скромность была также дѣломъ ума и хитрости Измайлова, увѣрившаго Ганина, что иначе, при гласномъ его по-

жертвованіи, общество будетъ лишено высокаго наслажденія со временемъ возложить на его голову лавровомиртовый вѣнокъ, какъ справедливое воздаяніе его литературнымъ заслугамъ. Конечно, Ганинъ постоянно съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія этого счастливаго для него дня, а въ ожиданіи исправно вносилъ деньги. Съ другой стороны, члены общества, опасаясь, чтобы славолюбивый Ганинъ не вздумалъ, руководствуясь примѣромъ прочихъ членовъ этого Общества и самымъ даже его уставомъ, въ каждомъ засѣданіи читать вслухъ свои удивительныя творенія,—увѣрили его, разумѣется, при содѣйствіи Измайлова, что публичное чтеніе его драмъ въ собраніяхъ Общества могло-бы значительно умалить успѣхъ ихъ въ публикѣ, потому что всѣ члены непремѣнно запишутъ въ свои памятныя книжки эти творенія, конечно, съ довольно грубыми ошибками, и затѣмъ въ такомъ уродливомъ видѣ распространятъ ихъ по городу. Ганинъ и этому повѣрилъ и благодарилъ Измайлова за предостереженіе, приговаривая съ свойственнымъ ему шепелявеньемъ:

— Вотъ дурака нашли! Нѣтъ, меня не проведутъ! Ни за что не стану читать моихъ драммъ въ нашемъ обществѣ, гдѣ на пять членовъ два непремѣнно моихъ завистника, которымъ какъ нельзя болѣе съ руки всякій вредъ, нанесенный мнѣ и моимъ произведеніямъ: они мнѣ напакостятъ! Пусть они лучше читаютъ мои сочиненія въ моихъ изданіяхъ вмѣстѣ со всею публикою, которая мнѣ рукоплещетъ вслѣдъ за нашими журналистами, отъ души меня уважающими, и отлично раскупаетъ мои книжки одна за другою, словно сайки, калачи, сосиски и колбасы въ обжорномъ ряду. Видно, книжки мои та-же пища, только не для мамона, а для ума и сердца.

Относительно быстрой распродажи его книжонокъ,

Ганинъ говорилъ сущую правду: онѣ хорошо раскупались смѣха ради, и этотъ успѣхъ, причину котораго графъ Хвостовъ не относилъ къ смѣхотворной сторонѣ „Ганиньщины“, досаждалъ старику-метроному, частыя изданія котораго, какъ извѣстно, почти въ полномъ количествѣ экземпляровъ, скупались имъ самимъ отъ второго или третьяго лица и за тѣмъ у него на дому сожигались.

Вообще Ганинъ служилъ постоянною цѣлью для насмѣшекъ Измайлова; его личность и его произведенія давали богатый матеріалъ для забавныхъ статеекъ. Статейки эти, правда, были очень топорны и, конечно, не отличались аттическою солью, а были какъ бы пропитаны тѣмъ селедочнымъ разсоломъ, какимъ вообще наполнялъ свои произведенія Измайловъ, превосходно знавшій свою невзыскательную публику, которая зачитывалась всласть этими статеечками, до того, что имя Егора Федоровича Ганина, дѣйствительно, сдѣлалось въ ту пору популярнымъ.

Изъ всѣхъ литературныхъ чудовищностей, созданныхъ Ганинымъ, пальма первенства, по видимому, принадлежала его драмѣ *„Джонъ или добродѣтельный Иванъ“*, изданной имъ въ 1823 году. Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы, *львица*, á la lettre четвероногая самка льва. Авторъ, увлекшись этимъ дѣйствующимъ лицомъ, назначаетъ львицѣ безчисленное множество разнообразнѣйшихъ и самыхъ замысловатыхъ движеній и жестикуляцій. Рецензентъ „Благонамѣреннаго“ (1823 года) сказалъ, что „роль этой львицы изъ самыхъ труднѣйшихъ, почему осталось желать, чтобъ для вящшаго удовольствія публики, г. Ганинъ собою представилъ эту новую актрису“.

Между тѣмъ Измайловъ бомбардировалъ Ганина анонимными сообщеніями, будто его піесу „Джонъ“ намѣ-

реваются дать въ императорскомъ театрѣ, почему онъ долженъ стараться приготовить себя къ роли львицы, исполнить которую онъ будетъ принужденъ, вслѣдствіе журнальнаго намека, будто-бы удостоившагося вниманія въ высшихъ сферахъ. Прошелъ день, другой послѣ послѣдняго письма, и однажды утромъ Ганинъ въ своей старомодной желтой каретѣ, заѣхалъ къ Измайлову и съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ сказалъ:

— Вотъ, Александръ Ефимовичъ, угодно вамъ было въ вашемъ журналѣ напечатать о томъ, что роль львицы долженъ играть никто, какъ я самъ, авторъ драмы. Благодаря этому совѣту вашего рецензента, за эту мысль ухватились на самыхъ, что ни есть высотахъ, и велятъ мнѣ *играть львицу*. Особенно настоятельно пишетъ мнѣ объ этомъ извѣстный Павловскій бригадиръ Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ, который, на случай, ежели бы я не могъ исполнять эту роль, рекомендуетъ мнѣ за мѣсто меня, одного изъ сыновей своихъ, Павлушу или Петрушу все равно, лишь бы выдана была ему, за исполненіе этой роли его сыномъ, двадцатипяти рублевая ассигнація, при угощеніи и казенномъ отвозѣ натурою на мѣсто и привозѣ домой. Но я полагаю все самъ своею особою исполнить и для этой цѣли уже заказалъ себѣ у театральнаго костюмера Монготье оранжеваго плюща костюмъ, а у бутафора Дидье маску головы львицы. Къ тому же я ежедневно пробую ходить и даже прыгать по львиному на четверенькахъ.

— Надо, воскликнулъ Ганинъ, прощаясь съ Измайловымъ, едва удерживавшимся отъ сильнѣйшаго хохота,— быть ко всему готовымъ: ну, какъ и впрямь, да потребуютъ меня, чего добраго, для этой роли въ эрмитажъ зимняго дворца!.. Какъ на охоту выѣзжать, такъ ужь, батинька, не время собакъ кормить!

Независимо отъ этихъ фарсовъ съ Ганинымъ, Измай-

ловъ самъ написалъ въ честь Ганина много виршей и печаталъ ихъ у себя, заявляя, что они присланы ему изъ разныхъ мѣстъ. Печаталъ также у себя въ журналѣ подобныя же произведенія другихъ авторовъ. Рельевлѣе ихъ всѣхъ былъ акростихъ съ именемъ, отечествомъ и фамиліею Ганина, написанный Георгіевскимъ, и начинавшійся такъ:

*Е*тна пламень извергаетъ;
*Г*ромъ грохочетъ по горамъ,
*О*сь земли онъ содрогаетъ,
*Р*евъ и свистъ я слышу тамъ!

И еще 14 рифмованныхъ безсвязныхъ фразъ, оканчивавшихся такою любезностью:

И тобой Парижъ плѣнился!
*Н*амъ къ утѣхамъ ты родился!

И все это чудодѣй изъ чудодѣевъ, Егоръ Федоровичъ Ганинъ принималъ весьма серьезно, не поморщась, съ милѣйшею увѣренностью, что все это чистѣйшая правда и что здѣсь нѣтъ ни слова лжи или, чего Боже упаси, и тѣни насмѣшки. Блаженни вѣрующіе!..

Какъ ни обогатилась моя собственная агенда курьезными свѣденіями о знаменитомъ чудодѣѣ Ганинѣ, я все-таки очень благодаренъ обязательному Дормидону Селифонтьевичу, когда онъ, дополнивъ нѣсколько эти свѣденія, извлеченныя мною изъ статьи г. Эртаулова, своими замѣтками и вставками, изъявилъ готовность передать мнѣ устно многія, имѣющіяся въ архивѣ его семидесятилѣтней памяти свѣденія о Ганинѣ, котораго онъ лично зналъ, познакомясь съ нимъ у А. Е. Измайлова въ 1825 году, когда послѣднее произведеніе Ганина драма „Слабомыслъ“ была только что напечатана. Дѣло въ томъ, что въ 1825 году Дормидонъ Селифонтьевичъ, находясь на службѣ въ С. Петербургѣ, куда пріѣхалъ изъ Казани, велъ переписку съ многими изъ своихъ провин-

ціальныхъ родственниковъ и пріятелей. Изъ числа этихъ родственниковъ и пріятелей было нѣсколько такихъ, которые подписывались съ самаго начала изданія „Благонамѣреннаго“ на этотъ „халатно-патріархальный“ журналъ, характеръ котораго очень многимъ провинціаламъ пришелся по вкусу. Между этими подписчиками на журналъ „Благонамѣренный“ были и такіе, которымъ очень хотѣлось видѣть или вирши, или канцелярскую прозу ихъ напечатанными въ этомъ журналѣ; вотъ эти-то бумагомаратели неоднократно обременяли Дормидона Селифонтьевича своими просьбами о печатаніи въ „Благонамѣренномъ“ твореній ихъ провинціальнаго досуга. Часть изъ этихъ произведеній была возвращаема адресатамъ по принадлежности, всегда съ объясненіемъ какихъ нибудь нарочно измышленныхъ причинъ не печатанія, въ тѣхъ видахъ, чтобы не раздражать авторскаго самолюбія; но были однакожь и такія поэтическія и прозаическія посланія, съ которыми Дормидонъ Селифонтьевичъ отправлялся на Пески въ домъ Моденова, гдѣ жилъ Измайловъ. Издатель „Благонамѣреннаго“ оставался иногда доволенъ „литературными презентами“, какъ онъ называлъ эти изверженія провинціальныхъ Музъ. Какъ человѣкъ добрый, простой и обходительный, впрочемъ немножко à la Лафонтенъ, т. е. крайне своеобразно,— онъ приголубилъ молодого чиновника-казанца тѣмъ легче, что Дормидонъ Селифонтьевичъ приходился съ родни Дмитрію Максимовичу Княжевичу. Бывать въ Римѣ и не видить папы легче, особенно нынче, чѣмъ бывать у Александра Ефимовича Измайлова и не познакомиться съ Егоромъ Федоровичемъ Ганинымъ. Дормидонъ Селифонтьевичъ, какъ всѣ старики, разсказывая что нибудь по своимъ воспоминаніямъ, любитъ вдаваться въ излишнія подробности. Такъ и на этотъ разъ, онъ разсказалъ мнѣ съ величайшими подробностями о своемъ

знакомствѣ съ Ганинымъ, котораго онъ съ 1825 года почти до дня кончины Ганина, послѣдовавшей въ 30-мъ году, въ холеру (почему и погребенъ онъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ), постоянно посѣщалъ. Я же, оставляя всѣ подробности въ сторонѣ, приступлю прямо къ дѣлу, сказавъ, что когда однажды безцѣнный Егоръ Федоровичъ сталъ настоятельно приглашать Дормидона Селифонтьевича къ себѣ въ гости для осмотра его сада, Александръ Ефимовичъ сказалъ:

— Поѣзжайте, поѣзжайте, молодой человѣкъ, „въ дивный Ганина садъ“; а между тѣмъ, для лучшаго ознакомленія съ этимъ удивительнымъ твореніемъ садоводственнаго и строительнаго искуствъ, прочтите вотъ это стихотворное описаніе мое этого сада и имѣйте его, при себѣ, когда будете гулять по саду Ганина.

При этихъ словахъ Александръ Ефимовичъ, всячески стараясь не расхохотаться, такъ какъ это говорилось въ присутствіи Ганина, подалъ листокъ цвѣтной бумаги, на которой было напечатано нѣсколько десятковъ его стиховъ съ описаніемъ *Ганина сада*, снабженныхъ множествомъ пресмѣшныхъ замѣтокъ. Вотъ это стихотвореніе и всѣ эти замѣтки:

ГАНИНА САДЪ.

Бывалиль вы когда у Ганина въ саду?
Неужли не бывали?
Такъ ничего вы не видали!
Какой тамъ памятникъ чудесный на пруду!
Нѣтъ, сходите вы туда: хозяинъ мнѣ пріятель,
Предобрый человѣкъ, отличнѣйшій писатель,
Творецъ прекрасныхъ драмъ: *Любимъ* и *Валерьянъ*
Ельвира и *Иванъ*.
Есть у него въ саду фонтанъ,
Который бьетъ вверхъ три аршина; 1)
Есть и молочница 2) и ручка отъ кувшина;

Есть разны статуи: Улиссъ, Аяксъ, Вольтеръ,
Діана, Пифагоръ, Румянцовъ и Гомеръ; 3)
Одне изъ мрамора, другія же изъ глины;
Клоринда, въ шишакѣ, съ копьемъ, изъ чугуна.
Куда ни поглядишъ—прелестныя картины!
Представьте: три горы—одна
Блеститъ цвѣтными изразцами;
Флагъ вѣетъ на другой; на третьей видѣнъ храмъ,
Сооруженный въ честь Парнасскихъ милыхъ дамъ.
Весь прудъ заставленъ кораблями.
У пристани есть *ботъ*
Чтобы *перевозить народъ*. 4)
На крѣпостномъ валу стоитъ солдатъ въ мундирѣ;
Три пушки близь него, а чуть ли не четыре.
Внизу, въ стѣнѣ, сидитъ пасторъ
За крѣпкою рѣшеткою желѣзной,
Читаетъ библію—похвальный трудъ, полезный!
А прямо черезъ прудъ мѣщанъ брадатыхъ 5) хоръ;
Супруги, дѣтки ихъ вокругъ качель толпятся;
Иныя вверхъ летятъ, другія же вертятся;
Тутъ слышишъ смѣхъ, тамъ вопль и стонъ.
На право павильонъ.
Чего нѣтъ въ этомъ павильонѣ?
Статуи, биллiярдъ и надпись на фронтонѣ:
Далеко не зачѣмъ, коль хорошо и здѣсь.
По воскресеньямъ вечеръ весь
Музыка громкая играетъ;
Хозяинъ пудреный, 6) какъ пѣтушокъ гуляетъ,
А въ клѣткѣ попугай 7) кричитъ: *дуракъ*! *дуракъ*!
Всѣ могутъ въ садъ ходить, 8) но только безъ собакъ.

А. Измайловъ.

Примѣчанія къ этимъ стихамъ ихъ автора А. Е. Измайлова.

1) Не на три, а на 4 аршина. Такъ увѣряетъ самъ Егоръ Федоровичъ Ганинъ и ссылается на всю свою домашнюю прислугу.

2) Сдѣланная на Охтѣ тамошними краснодеревцами изъ неизвѣстно какого дерева.

3) Есть еще Каракалла, Фридерикъ II, Юлій Цезарь, Венера и пр.

4) Сіи два стиха заимствованы мною изъ притчи, съ позволенія сказать, графа Д. И. Хвостова.

5) Кромѣ мѣщанъ бываютъ тутъ и купцы 3-й и даже 2-й гильдіи, въ томъ числѣ нѣкоторые безъ бородъ, т. е. или бородобрійцы или еще бороду отростить, по юности, не успѣвшіе. Другъ хозяина, толстый и неуклюжій издатель *Благонамѣреннаго* качался однажды здѣсь на новыхъ *парижскихъ* качеляхъ и отъ тяжести его грузной персоны едва не оборвалась одна сидѣлка.

6) Егоръ Федоровичъ Ганинъ пудрится и любитъ носить лазореваго цвѣта галстукъ, при чемъ сѣменитъ ножками.

7) Въ особенно праздничные дни у четырехъ аршиннаго фонтана становится клѣтка съ любимымъ попугаемъ Е. Ф. Ганина, вполнѣ знающимъ своего хозяина.

8) Е. Ф. Ганинъ записываетъ своеручно на особомъ листѣ особенно знаменитыхъ посѣтителей, начиная съ 5-го класса включительно.

Подробности знакомства Дормидона Селифонтьевича съ достопочтеннѣйшимъ Егоромъ Федоровичемъ Ганинымъ изложены имъ въ довольно обширной промеморіи, которой онъ имѣлъ любезность снабдить меня для прочтенія и для извлеченія изъ нея необходимыхъ свѣденій какъ о садѣ Ганина и его домашней жизни, такъ и о пяти его знаменитыхъ драмахъ.

Всѣ дальнѣйшія подробности этой монографіи извлечены мною изъ этой самой промеморіи, значительно мною сокращенной.

Небольшой садъ Ганина вмѣщалъ въ себѣ на крайне ограниченномъ пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженъ и въ карикатурномъ видѣ, какъ уже сказано выше, все, что напоминало царскосельскіе, петер-

гофскіе, гатчинскіе и рошшинскіе сады и парки. Забавнѣе всего то, что въ этомъ саду былъ также звѣринецъ съ львами, тиграми, медвѣдями, волками, оленями, кабанами, ламами, верблюдами, страусами, жирафами, или камелеопардами и пр.—такой звѣринецъ, какого и нынче мы не имѣемъ даже въ зоологическихъ садахъ Петербурга и Москвы. Но дѣло въ томъ, что весь этотъ звѣринецъ (устроенный владѣльцемъ сада въ 1824 году, т. е. позже описанія, имъ самимъ сдѣланнаго и напечатаннаго въ „Благонамѣренномъ“) состоялъ изъ деревянныхъ и изъ папье маше куколъ въ натуральную величину, заказанныхъ Ганинымъ на какой-то игрушечной фабрикѣ. Кромѣ того, садъ этотъ вмѣщалъ въ себѣ: деревья разныхъ родовъ, цвѣты, овощи (огурцы и картофель), дорожки, скамеечки, гроты, пещеры, бесѣдки, кіоски, павильоны (особенно замѣчателенъ тотъ, на дверяхъ котораго красовались слѣдующая надпись: Не зачѣмъ далеко, и здѣсь хорошо), фонтаны, водопады, пруды, мостики, корабли съ пушками и безъ пушекъ (такъ называвшіеся „коммерческіе“), мостики, горы, попугаи (живые, кричавшіе, какъ видно изъ стиховъ А. Е. Измайлова, *дуракъ!* превосходно, при каждомъ появленіи ихъ почтеннаго хозяина), качели разнаго рода, кегли, памятники, крѣпость съ пушками, часовыми и подземельями, бюсты и статуи во множествѣ алебастровые, чугунные и мраморные, изображавшіе различныхъ языческихъ боговъ и великихъ мужей древняго міра, между которыми перемѣшаны были и нѣкоторые изъ энциклопедистовъ XVIII вѣка въ прическахъ и костюмахъ царствованія Людовика XV и времени могущества Помпадуръ и Дюбарри. Объ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ уличной скульптуры, Ганинъ объяснялъ, что онъ купилъ ихъ случайно съ аукціона, на которомъ распродавалось имущество какого-то итальянца, торговавшаго всякаго

рода алебастровыми статуэтками и бюстами. На заднихъ воротахъ сада, значительно возвышеннаго, какъ и домъ, особенною насыпью надъ мостовою, на большой доскѣ была надпись: „Для добрыхъ, честныхъ и правдивыхъ и безъ собакъ“. По случаю этой надписи А. Е. Измайловъ, обращаясь къ третьему прилагательному, т. е. къ *правдивымъ*, постоянно говорилъ, что, благодаря этому слову, входъ въ этотъ садъ положительно сдѣлался невозможнымъ для Павла Петровича Свиньина, на котораго онъ написалъ въ то время извѣстные свои стихи въ формѣ сказки, подъ названіемъ: *Лгунъ-Павлушка*.

Е. Ф. Ганинъ жилъ лѣтомъ и зимою въ своемъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ въ саду и имѣвшемъ широкую терассу, уставленную горшками цвѣтовъ, изъ которыхъ одни были естественные, преимущественно резеда, левкои, гортензіи и тому подобные, а другіе искуственные, по видимому, купленные на вербномъ гуляньи: розы всевозможныхъ и даже невозможныхъ цвѣтовъ, лиліи, тюльпаны, рододендроны, и пр., тутъ же на терассѣ было множество разнообразныхъ клѣтокъ съ канарейками, преимущественно домашняго расплода.

Егоръ Федоровичъ Ганинъ былъ человѣкъ средняго роста, довольно коренастый, въ то время (въ 1825 году) лѣтъ шестидесяти, съ сѣдоватыми темнорусыми щетинистыми, всегда сильно напудренными волосами. Впрочемъ, онъ пересталъ пудрить ихъ съ 1826 года, когда, какъ гласитъ скандалезная хроника Песковъ, въ домѣ его, уже давно (съ 1819 года) вдовца, поселилась племянница его пожилой ключницы, довольно смазливая съ вздернутымъ носикомъ á la Roxelane, молодая вдова, пріѣхавшая въ началѣ 1826 года къ теткѣ своей изъ Вологды. Поселившись въ домѣ Ганина она очень скоро раздѣлила со старухой теткой неограниченную власть надъ добрѣйшимъ Егоромъ Федоровичемъ. Между про-

чимъ, она обнаружила эту власть или скорѣе дебютировала какъ властелинша тѣмъ, что воспретила рабу своему, Егору Федоровичу, на старости лѣтъ не на шутку влюбившемуся въ вологодскую Аспазію, пудрить волоса. Это, по словамъ Песковскимъ хроникеровъ, совершилось такимъ образомъ: Егоръ Федоровичъ дѣлалъ своей хорошенькой жилицѣ разнаго рода угожденія, сюрпризы и подарки, приговаривая: „Вѣдь я паинька, умница! Вѣдь за это можно вашею прелестною ручкою меня по головкѣ погладить?“ и при этомъ осыпалъ мягкую, бѣлую и душистую отъ амбре, руку старческо-пламенными поцѣлуями. Веселая вдовушка исполняла его желаніе, гладила его по напудренной головѣ, пачкала руки пудрою, говорила: „Какая ужасная гадость эта мука“, и скрывалась подъ предлогомъ умыванья рукъ. Два, три такихъ маневра заставили Ганина отказаться отъ пудры, и тогда пальчики его веселой пріятельницы какъ бы въ награду за послушаніе, стали гораздо дольше играть его сѣдоватыми щетинистыми волосами, иногда подергивая ихъ довольно чувствительно, отъ чего стараго селадона бросало въ жаръ и возносило на седьмое небо.

Егоръ Федоровичъ, по пословицѣ: „сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро“, какъ видно, сильно увлекся своею молоденькою жиличкою. Онъ не умѣлъ ей ни въ чемъ отказывать. Такъ, по ея желанію, онъ пріобрѣлъ у Роспини (на Невск. просп. бл. Больш. Морской), извѣстнаго тогда петербургскаго продавца разнаго рода физическихъ снарядовъ, превосходную электрическую машину, которую онъ нашелъ нужнымъ поставить въ одномъ изъ павильоновъ своего знаменитаго сада. Онъ то и дѣло, потѣшался съ этимъ снарядомъ различными физическими опытами, злоупотребляя, преимущественно, извѣстною электрическою цѣпью, которая, какъ разсказывали мнѣ его родственники-наслѣдники, теперь здравствующіе,

нервическими потрясеніями до того разстроила его здоровье, отъ природы замѣчательно крѣпкое, что у него не только сдѣлалось что-то въ родѣ пляски св. Витта, но его начали посѣщать ночью, и даже днемъ болѣе или менѣе странныя видѣнія, изъ числа какихъ всего чаще посѣщала его покойница жена Марья Ивановна, всегда глядѣвшая на него строго и прискорбно, покачивавшая головою въ блондовомъ чепцѣ, въ томъ самомъ, въ какомъ была положена въ гробъ и заявляла требованія на его сердце, отданное имъ другой. Эти галлюцинаціи, говорятъ, имѣли нѣкоторое, что нисколько неудивительно, вліяніе на самое сокращеніе его жизни. Кромѣ опыта съ электрическою цѣпью, при чемъ батарея такъ заряжалась, чтобы весь фокусъ электричества обращенъ былъ исключительно на него, производился очень часто и другой опытъ съ роскошною косою молодой прелестницы. Тогда Егоръ Федоровичъ, касался своими руками каштаново-рыжеватыхъ волосъ своей очаровательницы, и приходилъ въ неистовый восторгъ, умоляя о дозволеніи уснуть, касаясь лицомъ своимъ этой косы, отъ которой выдѣлялись огненныя изъ синя красноватыя искорки, разумѣется, фосфорическаго свойства. Шаловливая подруга, всячески кобенясь и кокетничая, дозволяла эту вольность своему сѣдовласому ловеласу, увѣряя его, что этимъ „приноситъ ему, старому чорту и пакостнику“, какъ она обыкновенно выражалась, себя въ жертву, потому что послѣ всѣхъ этихъ „*лектричествъ*“ у нея всегда ужасно сильно и долго болитъ голова.

— За сто рублей не соглашусь, чортъ проклятый, говорила она, отталкивая старика.

— А ежели двѣ сотенныхъ бѣленькими съ лиловыми бордюрами преподнесу? спрашивалъ таявшій и задыхавшійся, сильно наэлектризованный, баловникъ-эпикурейскій трикъ.

— Ну, старый хрычъ, за двѣ такихъ бѣлыхъ съ лиловыми бордюрами куда ни шло.

И, осыпанный искорками отъ наэлектризованной распущенной косы, весь покрытый ея шелковистыми прядями, Ганинъ засыпалъ. На другое утро онъ бывалъ какъ бы самъ не свой.

Чтобъ покончить съ наружнымъ видомъ Егора Федоровича, скажемъ, что онъ всегда носилъ очки, большею частью закинутыя на лобъ, одѣтъ же былъ почти всегда въ свѣтло-сѣрый фракъ, бѣлый длинный жилетъ пике, вѣчно свѣтло-лазоревый галстукъ, высокіе брыжи, а на груди плоскія манжеты батистовой манишки. Лѣтомъ онъ носилъ изкрасна палевыя нанковыя брюки, при полосатыхъ чулкахъ и башмакахъ съ огромными пряжками, изображавшими крылатыхъ бабочекъ. Онъ любилъ показывать своимъ гостямъ свои солнечные и песочные часы, свои термометры и барометры, а въ особенности громадныя стеклянныя вазы съ плававшими въ нихъ золотыми рыбками, которыхъ онъ кормилъ большими облатками, покупаемыми въ аптекѣ. Въ его кабинетѣ, весьма небольшой, но необыкновенно свѣтлой, почти стеклянной комнатѣ, стояли шкапы, наполненные книгами въ богатыхъ сафьянныхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ и такими же тисненіями. Замѣчательно, что почти вся эта библіотека состояла изъ множества экземпляровъ печатныхъ сочиненій самого автора самодура и изъ неменьшаго количества экземпляровъ журнала „Благонамѣренный“ за всѣ годы, начиная съ самаго его основанія въ 1818 году. Суть дѣла заключалась въ томъ, что похвалы, расточаемыя печатно Ганину,—похвалы, въ которыхъ звучала громко и рѣзко насмѣшка самая дерзкая и беззастѣнчивая, не примѣтная одному только влюбленному въ себя и въ свои творенія автору, обходились Ганину не дешево: онъ ежегодно покупалъ по полсотнѣ

экземпляровъ „Благонамѣреннаго“, переплеталъ ихъ довольно роскошно, ставилъ у себя и закладывалъ особыми картонными заложками всѣ статьи, касавшіяся его особы, его сада и его твореній, давая читать эти статьи всѣмъ своимъ знакомымъ и даже незнакомымъ посѣтителямъ сада. Впрочемъ, Ганинъ имѣлъ всегда нѣсколько отдѣльныхъ оттисковъ всѣхъ этихъ статей, за которые добрѣйшій и милѣйшій Александръ Ефимовичъ (Измайловъ) бралъ съ него хорошія деньги.

Ганинъ въ особенности гордился тѣмъ, что подобный ему оригиналъ, знаменитый графъ Д. И. Хвостовъ, часто навѣщалъ его и проводилъ иногда многіе часы въ его каррикатурномъ саду, находя здѣсь вдохновеніе для изліянія своихъ уморительныхъ виршей.

— Его сіятельство, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, говорилъ всѣмъ и каждому Ганинъ,—не урѣжеваетъ дарить меня своими высокими посѣщеніями и всегда читать изволитъ мнѣ самъ свои истинно божественные стихи. Сіятельный графъ, чувствительный къ талантамъ и нисколько независтливый къ успѣхамъ моимъ, соблаговолилъ посвятить мнѣ прелестное четверостишіе.

И чудакъ тотчасъ читалъ напечатанное выше четверостишіе: „О! чудный въ свѣтѣ вертоградъ!“.

— Кромѣ того, продолжалъ Ганинъ,—у сіятельнаго графа уже нѣсколько лѣтъ состоитъ бывшій студентъ медико-хирургической академіи по ветеринарному отдѣленію, почтенный молодой человѣкъ Иванъ Ивановичъ Георгіевскій. Сей даровитый мужъ, при всей юности своей (ему нѣтъ еще и 30 годовъ) независимо отъ мѣсячины въ 15 рублевъ, имѣетъ у графа жительство въ домѣ, въ Сергіевской улицѣ близь съѣзжей, и полное довольство столомъ, чаемъ, кофеемъ, шеколадомъ съ двумя парами хорошаго платья для выѣздовъ. Этотъ господинъ Георгіевскій самъ даровитый поэтъ; но онъ слу-

житъ графу усердно секретаремъ и чтецомъ его сіятельныхъ твореній почти съ утра до ночи, а иногда даже и по ночамъ, когда графъ страдаетъ отъ безсонницы, его повременно удручающей. Этотъ-то самый Иванъ Ивановичъ Георгіевскій написалъ мнѣ прелестное посланіе. Вотъ оно у меня отпечатано на листахъ цвѣтной и почтовой золотообрѣзной бумаги. Презентую вамъ, милостивые государи и милостивыя государыни, почтенные посѣтители и любезнѣйшія посѣтительницы моего сада, по экземпляру; а все таки позвольте прочитать это ко мнѣ посланіе, полное стихотворнаго *жара*.

И это стихотвореніе „Етна пламень извергаетъ“ и проч., Ганинъ прочитывалъ всегда цѣликомъ, обращалъ вниманіе слушателей на акростихъ и упоминалъ, что за это поэтическое произведеніе онъ подарилъ его автору серебрянные часы съ брелоками, изображавшими въ прелестной эмальированной миніатюрѣ все населеніе Парнаса съ Фебомъ и всѣми Музами.

Наконецъ Ганинъ самыхъ почетныхъ и симпатичныхъ для него гостей водилъ самъ по своему саду, гдѣ между прочимъ противъ терасы на небольшомъ столѣ была доска съ надписью въ стихахъ: „Армидины сады поэтамъ лишь извѣстны“ и пр.

— Стихи эти, замѣчалъ Ганинъ,—равномѣрно произведеніе пера того же Ивана Ивановича Георгіевскаго, за это произведеніе его Музы я подарилъ ему дюжину сорочекъ голландскаго полотна, замѣтивъ, что онъ носилъ ситцевыя.

Въ саду были небольшіе фонтанчики, и вода лѣниво катилась водопадами. Замѣтивъ въ какомъ нибудь мѣстѣ сада, что водопадныя воды ужь черезъ чуръ лѣниво просачиваются, Ганинъ громко звалъ садовника. Являлся краснолицый старикъ въ желтомъ жилетѣ, съ садовыми ножницами въ рукахъ.

— Харитонычъ! говорилъ Егоръ Федоровичъ, фамильярно трепля старика по плечу,—заставь-ка, братъ, воду у Кивача (у него всѣ водопады и фонтаны имѣли свое названіе) бѣжать исправнѣе и даже клокотать.

Харитонычъ, крякнувъ, откладывалъ свои ножницы въ сторону и, подойдя къ грудѣ мшистыхъ камней, по которымъ Кивачъ плескалъ свои струи, находившимся всегда тутъ же подъ рукою желѣзнымъ болтомъ поковыривалъ мохъ, и вода дѣйствительно начинала тогда изображать нѣчто походящее на водопадецъ въ миніатюрѣ.

— Занятно-съ? Не правда-ли? говорилъ самодовольно Ганинъ и велъ гостей въ „Розовую равнину“, т. е. на лужайку, обсаженную кустами краснаго шиповника. Кругомъ шли дорожки, уставленныя рѣшетчатыми скамейками.

— Не правда ли, что это „Коверъ живой муравы?“ спрашивалъ Ганинъ, и гости спѣшили съ нимъ соглашаться. Тутъ же всѣ останавливались передъ манекеномъ дѣвушки, сдѣланной изъ папьемаше, одѣтой охтянкой въ ситцевой юбкѣ и кофтѣ, въ синихъ чулкахъ и въ большихъ кожаныхъ котахъ съ толстыми подошвами. Лицу куклы было придано выраженіе печали; были замѣтны даже слезы, причиною которыхъ, разумѣется, былъ разбитый кувшинъ, лежавшій у ея ногъ. Изъ кувшина слабымъ каскадомъ сочилась вода.

— Еще-съ водопадикъ! возглашалъ Ганинъ.—Этотъ называется: „Перетта“, хотя и охтянкою статуя одѣта, и на мой глазъ гораздо естественнѣе царскосельской молочницы, столько прославленной, Богъ знаетъ почему и за что!

Далѣе гости шли въ рощицу, гдѣ по праздникамъ и воскреснымъ днямъ музыканты карабинернаго полка, квартировавшаго въ Аракчеевскихъ казармахъ, наигрывали разныя аріи, пѣсни и танцы, а публика подъ

эти звуки танцовала нерѣдко въ особой ротондѣ, называвшейся „Храмомъ удовольствій“, гдѣ стоялъ бильярдъ; бильярдъ во время танцевъ, конечно, выносился.

Затѣмъ хозяинъ показывалъ гостямъ руину, осыпанную окристализированными камнями, и въ этой руинѣ пещеру и комнату, въ которой диванъ, потолокъ и стѣны убраны были чернымъ и бѣлымъ мхомъ. Тутъ же въ отдѣльной нишѣ помѣщался громадный левъ, величиною съ тирольскаго быка, сдѣланный изъ дерева, выкрашенный охрою и снабженный густою льняною гривою.

Еще далѣе—готическая башня съ флагомъ, окруженная купами деревьевъ, преимущественно березъ, а внутри башни турецкая палатка, обитая турецкою шалевою матеріею. Въ палаткѣ этой были кресла и ломберные столы. Здѣсь нерѣдко радушный хозяинъ угощалъ своихъ гостей прохладительными напитками, лимонадомъ и малиновымъ квасомъ. Пройдя же башню, видны были вправо кегли и рядомъ съ ними искуственная львица съ львенкомъ (хозяинъ сада и въ трагедіяхъ, и въ саду своемъ распложалъ львовъ во множествѣ!..). На эту четвероногую группу набѣгаетъ крокодилъ съ разинутою пастью. Зрѣлище это хозяинъ называлъ „Радклифщиной“ и считалъ до того страшнымъ, что входъ въ это мѣсто покрывалъ желѣзною сѣтью, за которою еще прихлопывалась желѣзная дверь. Здѣсь же былъ круглый зеленый столъ около дерева калины, съ круглыми же скамейками. Вокругъ обиліе цвѣтовъ. Нѣсколько подальше, высокая лѣтняя катальная гора, съ колясочками, и по дорожкѣ у всей горы зеленыя рѣшетчатыя скамейки.

Ганинъ, при всѣхъ своихъ писательскихъ стремленіяхъ и фантазіяхъ, былъ домовитымъ хозяиномъ, что доказывала огромная полѣнница березовыхъ дровъ, искусно крытыхъ соломенною крышею подъ щетку, и въ углубленіи этой полѣнницы свѣтлая бесѣдка со столомъ, кре-

слами и стульями для отдохновенія гуляющихъ, находившихъ здѣсь прохладу въ полуденный зной. Около этой бесѣдки изъ дровъ, употребляемыхъ зимою на топливо и возобновлявшихся съ весны, была горка, образованная изъ мусора и насаженная частымъ березнякомъ, имѣвшимъ видъ рощицы. Здѣсь же поставленъ былъ „Храмъ исторіи и искуствъ“ съ венеціянскими окнами и дверями. По стѣнамъ пьедесталы съ гипсовыми бюстами: Екатерины II, Румянцева-Задунайскаго, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымнинскаго-Италійскаго, Кутузова-Смоленскаго, Юлія Цезаря римскаго; а по другую сторону: Императора Павла I, Фридриха II прусскаго, Ромула, Катона и Каракаллы и ученыхъ мужей и поэтовъ, какъ-то: Гомера, Сократа, Платона, Виргилія, Вольтера, Цицерона, Жанъ-Жака Руссо, Сенеки и прочихъ. Ниже же къ берегу и по берегу Невы цѣлый фронтъ мифологическихъ первостепенныхъ и второстепенныхъ боговъ, алебастровыхъ, въ ростъ человѣческій, начиная съ Юпитера до Момуса включительно. Верхній этажъ „Храма исторіи и искуствъ“ составлялъ очень обширную залу, весьма свѣтлую, съ столами для картъ. По стѣнамъ поставлены были статуи, также алебастровыя: трехъ Грацій, Венеры, Купидона, Діаны, Сафо, Леды и прочихъ тому подобныхъ. Вотъ надъ этимъ-то храмомъ и красовалась характерная надпись: „Не зачѣмъ далеко и здѣсь хорошо!“ Достойно замѣчанія, что въ этой залѣ среди Грацій и Харитъ, съ 1826 года, именно со времени пріѣзда вологодской вдовушки, которую звали Авдотьею Степановною, а Егоръ Федоровичъ именовалъ *Адаксы* (т. е. Eudoxie), онъ, Егоръ Федоровичъ проводилъ большую часть времени своего вмѣстѣ съ этой очаровательницей, которой онъ объяснялъ значеніе мифологическихъ богинь, разсказывая съ старческимъ наслажденіемъ обо всѣхъ ихъ проказахъ. Но когда эти раз-

сказы принимали черезъ чуръ эротическій оттѣнокъ, то *Адакси* дѣлала очень быстро жгутъ изъ своего полотнянаго платка, и этимъ импровизированнымъ линькомъ довольно обстоятельно стегала своего сѣдого обожателя по спинѣ, шеѣ и плечамъ. Еще не лишнее сказать, что лицемѣрно хитрая Авдотья Степановна обыкновенно въ этой комнатѣ надъ „Храмомъ Исторіи и Искуствъ“, занималась плетеніемъ вѣнковъ изъ садовыхъ цвѣтовъ, какому искуству она обучала добрѣйшаго Егора Федоровича, оказавшагося весьма понятливымъ ученикомъ. Но можетъ послѣдовать вопросъ: куда назначались эти граціозные вѣнки? Долгомъ считаемъ отвѣчать, что вѣнки эти клались лѣтомъ ежедневно на памятникъ чернаго мрамора, въ видѣ вазы, посвященный памяти супруги Егора Федоровича, умершей въ 1819 году. Авдотья Степановна была ея крестницею, такъ какъ тетка ея, домоправительница Егора Федоровича, была нѣкогда нянькою покойной жены его. Плутовка *Адакси* ежедневно вмѣстѣ съ своимъ обожателемъ, клала вѣнокъ на черную мраморную вазу и жестоко распекала Егора Федоровича, если онъ какъ нибудь забывалъ исполнить этотъ священный долгъ.

За храмомъ было нѣсколько разнообразныхъ качелей, начиная съ простыхъ досчатыхъ до какихъ-то „Парижскихъ“, необыкновенно замысловатыхъ и сложныхъ. Противъ коллекціи этихъ качелей переброшенъ былъ дугообразный мостикъ на островокъ, по срединѣ пруда. По одну сторону этого островка колыхался корабликъ трехпалубный, аршина въ два, три; а по другую яликъ къ услугамъ гуляющихъ. На островкѣ стоялъ тотъ памятникъ чернаго мрамора, о которомъ сейчасъ только упоминалось. На немъ была серебряная надпись: *Марѣѣ другу*, а внизу связанныя двѣ буквы: *Е. Г.* Этотъ памятникъ былъ окруженъ кленами и соснами, покрывав-

шими весь островокъ вмѣстѣ съ остриженными березками, среди которыхъ открывался высокій валъ съ огромною алебастровою статуею Венеры „Медыцинсъ“, какъ прописалъ Егоръ Федоровичъ. Къ сожалѣнію, по одному несчастному случаю въ 1826 году, это произведеніе искуства, восхищавшее хозяина сада, эта статуя Венеры лишилась носа. Это случилось вскорѣ по пріѣздѣ Авдотьи Степановны въ Петербургъ. Рѣзвая и веселая вдовушка страстно любила играть въ лапту, игру, правда, вовсе не дамскую, и требовала отъ Егора Федоровича, чтобы и онъ упражнялся въ этой игрѣ. И вотъ разъ она пустила свой крѣпкій кожаный мячъ очень высоко и сильно, отчего совершилось знаменитое носоотбитіе у Венеры. Егоръ Федоровичъ былъ глубоко огорченъ и изъ за этого носа чуть не изгналъ отъ себя свою Аспазію; но та не будь глупа, умѣла такъ къ нему приласкаться, что онъ принялъ отъ нея обѣщаніе ея никогда не играть въ лапту, при чемъ она заставила его произнести клятву, что онъ больше никогда своихъ „сочиненіевъ“ печатать не будетъ. Этого давно желала ея старуха тетка, очень хорошо знавшая сколько денегъ изъ кармана Ганина уносятъ всѣ эти изданія и всѣ обѣды, дѣлаемые въ трактирахъ для журналистовъ и ихъ многочисленныхъ сотрудниковъ. Вотъ такимъ-то образомъ, вслѣдствіе отбитаго носа Венеры, русская печать лишилась драматурга, произведенія котораго увеселяли читателей своей, по истинѣ колосальной, нелѣпостью.

Тутъ невольнымъ образомъ припоминаются слова, нѣкогда знаменитаго при Наполеонѣ I, министра полиціи, Фуше, который обыкновенно, при представленіи ему какого нибудь затруднительнаго дѣла, говорилъ своимъ подчиненнымъ: „Cherchez la femme! Cherchez la femme!“ (Ищите женщину! Ищите женщину!), давая этимъ по-

нять, что вездѣ и во всемъ должно быть вліяніе прекраснаго пола. И Фуше почти никогда не ошибался.

Къ несчастію, замѣтка Фуше, вѣроятно, не была извѣстна Егору Федоровичу Ганину, знавшему однако, что любовь погубила Трою.

За валомъ, гдѣ находилась безносая Венера, была устроена крѣпостца съ пушками, будками и часовыми, въ мундирахъ двадцатыхъ годовъ, то есть съ короткими фалдочками, въ высокихъ киверахъ съ кутасами, помпонами и витишкетами и въ крагахъ съ пуговками во всю ногу, отъ колѣна до подошвы. Въ гавани островка стояла яхточка съ флагами и двумя мѣдными пушками, изъ которыхъ иногда палили, съ разрѣшенія мѣстнаго квартальнаго надзирателя, частаго гостя въ саду Ганина.

— А, вотъ-съ, говорилъ гостямъ своимъ благодушествовавшій Егоръ Федоровичъ,—прежде чѣмъ окончить осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей моего сада, позвольте показать вамъ моихъ арестантовъ въ крѣпостномъ валу, гдѣ у меня устроены казематы.

И онъ велъ посѣтителей сначала въ одну прохладную темноватую бесѣдку, гдѣ у стола сидѣла деревянная кукла безобразной старушонки, въ ситцевомъ капотѣ, въ чепцѣ и съ очками на носу. Старушонка эта гадала на картахъ, бобахъ и кофе. Подлѣ нея сидѣла искуственная черная кошка, но съ натуральною шкурою, нѣкогда живой кошки.

— Это вѣрное изображеніе одной мошенницы колдуньи, пояснилъ Ганинъ,—которую я преслѣдовалъ чрезъ полицію за то, что она, негодная, извела мою покойную жену, монументъ которой вы видѣли на островку. Вотъ здѣсь стоитъ и часовой съ ружьемъ.

И онъ показывалъ на большую деревянную куклу солдата въ мундирѣ съ киверомъ на головѣ и съ ружьемъ на караулъ.

— А вотъ-съ тутъ, продолжалъ Ганинъ,—я упряталъ безбожника (?!?!) Лютера.

И онъ отворялъ дверь другой бесѣдки въ стѣнѣ вала, гдѣ находилась деревянная фигура старика въ напудренномъ парикѣ съ локонами и въ черномъ суконномъ французскомъ кафтанѣ, которая также мало имѣла общаго съ знаменитымъ реформаторомъ, какъ настоящая Венера съ тою Венерою „Медыцынсъ“, которую передъ тѣмъ посѣтители видѣли на валу.

— Встаньте, встаньте, герръ Лютеръ, герръ Карлъ Богданычъ, пожалуйста, встаньте въ честь гостей, самодовольно восклицалъ Ганинъ, въ какомъ-то дѣтскомъ восторгѣ, напираясь всею силою своею на какую-то пружину въ стѣнѣ, повидимому, соединенную съ манекеномъ старика въ бѣломъ парикѣ, прозваннаго почему-то Лютеромъ, и тогда дѣйствительно кукла поднималась и кивала напудренною головою, потрясая своими манжетами на рукавахъ и на груди.

Этимъ обыкновенно заключали осмотръ сада чудодѣя Егора Федоровича Ганина.

Прежде чѣмъ совершенно разстаться съ этимъ садомъ, слѣдуетъ сообщить о событіи, о которомъ въ свое время въ Петербургѣ много говорили. Въ 1823 году, императоръ Александръ Павловичъ, изволившій обѣдать на Нарышкинской дачѣ противъ Крестовскаго, вздумалъ прогуляться по Невѣ въ своей разолоченной яхточкѣ съ командою изъ гвардейскаго экипажа и съ роговою музыкою оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина. Проѣзжая мимо знаменитаго Ганинскаго сада, въ довольно значительномъ разстояніи отъ берега, императоръ увидѣлъ въ свой лорнетъ на этомъ берегу цѣлую вереницу голыхъ людей. Полагая, что, вѣроятно, люди эти вышли изъ находившейся здѣсь же торговой Ганинской бани или изъ публичной купальни, Государь нашелъ эту прогулку въ ко-

стюмѣ Адама до прегрѣшенія неприличною и велѣлъ одному изъ бывшихъ съ нимъ (въ тѣ времена весьма не многочисленныхъ) флигель-адъютантовъ сдѣлать, по этому предмету, не согласному съ законами благочинія, на берегу надлежащія распоряженія. Его величество изволилъ очень смѣяться своей близорукости, да и не одной своей, а слѣпотѣ и близорукости всѣхъ бывшихъ съ нимъ, такъ какъ всѣ они приняли за хороводъ голыхъ людей рядъ Ганинскихъ алебастровыхъ статуй, ни съ того, ни съ сего выкрашенныхъ, по распоряженію чудака-владѣльца сада, въ свѣтло-розовый цвѣтъ. Во избѣжаніе подобнаго рода недоразумѣній, тогдашній оберъ-полиціймейстеръ Гладкій (о которомъ тогда сотрили въ Петербургѣ такъ: „при людяхъ (буква *л*) гладкій, а безъ людей—гадкій“) предложилъ Ганину возвратить алебастровымъ статуямъ, изображавшимъ боговъ Греціи и Рима, имъ свойственный натуральный цвѣтъ, посредствомъ густой побѣлки.

Этимъ собственно оканчивается все то, что относится до Ганина, какъ „Ленотра Песковъ и пріятнѣйшаго домовладѣльца.“ Теперь перейдемъ къ Ганину „второму Августу Коцебу“; какъ прозвалъ его шутникъ Измайловъ, умѣвшій при этомъ мастерски его эксплуатировать въ смыслѣ совершенно прозаическомъ, т. е. матеріальномъ.

За третьимъ Парголовымъ на финляндской границѣ и теперь, кажется, существуетъ, такъ называемая Ольхинская бумажная фабрика, принадлежащая наслѣдникамъ вдовы мануфактуръ совѣтника Ольхина, которая не очень давно, лѣтъ нѣсколько тому назадъ, умерла будучи уже вдовою дѣйствит. стат. совѣтника Кайданова. Эти добрые люди: Яковъ Кузьмичъ и Елизавета Николаевна Кай-

дановы были сродни А. Е. Измайлову, который частенько въ своемъ наивно патріархальномъ журналѣ объ нихъ упоминалъ въ прозѣ и въ стихахъ. Вотъ на этой то бумажной Ольхинской фабрикѣ, въ 20-хъ годахъ, шутки ради, устраивался театръ, и на этомъ театрѣ, впрочемъ, устройство котораго обходилось не дешево Ганину,—разыгрывались актерами любителями и имъ самимъ (въ главныхъ роляхъ) его уморительныя піесы, при чемъ, когда явился его *Джонсъ или Иванъ*, Измайловъ въ журналѣ своемъ увѣрялъ, что „драма эта превосходитъ всѣ другія, особенно въ нѣжности чувствованій и въ ужасѣ театральныхъ положеній, доходящихъ до того, что морозъ подираетъ зрителя по кожѣ, какъ бы жарко въ залѣ ни было отъ множества переполнившихъ ее зрителей, страстно любящихъ театральныя зрѣлища волшебнаго пера г. Ганина.“ Измайловъ же настаивалъ, чтобы Ганинъ непремѣнно взялъ на себя роль львицы. Мы знаемъ, что этотъ чудодѣй обзавелся львинымъ костюмомъ. Этотъ костюмъ и маска были дѣйствительно надѣты имъ въ 1823 году, когда онъ на театрѣ, устроенномъ на фабрикѣ г-жи Кайдановой въ какомъ-то огромномъ сараѣ или въ одной изъ фабричныхъ залъ, освобожденной отъ машинъ, игралъ роль львицы на четверенькахъ и заслужилъ овацію зрителей, доходившую до истерическаго изступленія. Событіе это помнятъ нѣкоторые изъ весьма престарѣлыхъ постоянныхъ обывателей Ольхинской бумажной фабрики.

Теперь сдѣлаемъ перечень всѣхъ драмъ, изданныхъ Ганинымъ. Ихъ пять. Передаемъ краткое ихъ содержаніе, позволяя себѣ по временамъ выписывать изъ нихъ особенно курьезныя мѣста.

I.

ЛЮБИМЪ.

Драмма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Егора Ганина

1819 года.

С. Петербургъ. Печатано въ типографіи состоящей при особенной канцеляріи министерства полиціи.

Цензуровано 24 іюня 1819 г. секретаремъ по цензурной части и кавалеромъ *В. Соцомъ*. (66 стр.).

Дѣйствующія лица:

Развратъ, богатой помѣщикъ.
Любимъ, полковникъ въ службѣ.
Милана, вдова, Любовница Любима.
Леста.
Двое дѣтей Лесты, не въ бракѣ рожденныхъ.
Добронрава, наперстница Лесты.
Неуступаловъ, другъ Разврата.
Безценна, дворовая комнатная дѣвушка Миланы.
Криводушный, повѣренный Разврата.
Нарочный, съ письмомъ.

II.

ВАЛЕРІАНЪ.

или

МУЖЪ ДВУХЪ ЖЕНЪ.

Драмма въ пяти дѣйствіяхъ.

Егора Ганина

1820 года. (94 стр.).

Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи состоящей при особенной канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Дѣйствующія лица:

Валеріанъ, баронъ, онъ же очень богатый человѣкъ.
Зинаида, его жена.

Митюша, сынъ ихъ.
Алимпіада, подруга Зинаиды.
Ветрогонъ, другъ Велеріана.
Любимова, богатая помѣщица.
Софія, племянница ее.
Давыдъ, укротитель Валеріана.
Степанъ, лакей Валеріана.
Нянька Митюши безъ рѣчей.
Купцы съ суровскими товарами и мѣрами.
Нарочной отъ роднаго брата Любимовой.
5 человѣкъ вооруженныхъ смелчаковъ.
Множество крестьянъ съ дубинами и рогатинами.
Привратникъ монастырской.
Лакей безъ всякихъ рѣчей.

III.

ЕЛЬВИРА или РОЗА.

Драмма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Егора Ганина.

Санктпербургъ. Печатано въ типографіи К. Шнора 1821. (70 стр.).

Дѣйствующія лица:

Графъ Всеславъ, главнокомандующій Россійскими войсками.
Любомиръ, генералъ-маіоръ.
Ельвира или Роза, Гишпанка въ турецкомъ платьѣ.
Арсенія, мать ея.
Мстиславъ, адъютантъ главнокомандующаго.
Весь штабъ главнокомандующаго.
Штабъ и оберъ-офицеры подъ начальствомъ генералъ-маіора Любомира.
Ибраимъ, Евнукъ въ турецкомъ платьѣ.
Викторъ, слуга Любомиру.

IV.

ДЖОНСЪ.

или

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ИВАНЪ.

Драмма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Егора Ганина.

Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи К. Шнора. 1821 г. (84 стр.).

Дѣйствующія лица:

Городскіе Правленія (?)

Прескотъ (т. е. прескотъ), Кетлій, Вилліамъ, } Англійскіе купцы кофейныхъ плантажей.

Фанни, дочь единоутробная Прескота.

Джонсъ, племянникъ Кетлія, прозванный отъ работниковъ плантажныхъ Иваномъ.

Креолъ, приставъ тюрьмы.
Креола, жена его.
Николай. } работники плантажей и охотники, принявшіе святое крещеніе. } Черные, то есть арапы.
Петруха. } работники плантажей и охотники, принявшіе святое крещеніе. } Черные, то есть арапы.

Лакей, безъ всякихъ рѣчей.

Младенецъ, Креоликъ.

Львица. (NB. Очень трудная пантоминная роль.)

V.

СЛАБОМЫСЛОВЪ.

(Драмма въ четырехъ дѣйствіяхъ.)

Егора Ганина.

Санктпетербургъ, въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія. 1825 г. въ мал. 8-ю д. л. 72 стр.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобъ узаконенное число

экземпляровъ было представлено въ Особую канцелярію министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Санктпетербургъ, 9 іюля 1825 г. Надворный Совѣтникъ и кавалеръ Соцъ.

Дѣйствующія лица:

Слабомысловъ, дворянинъ.

Софья, жена его.

Васинька, сынъ ихъ малолѣтный.

Дальновидовъ, ложный и подложный другъ Слабомыслова.

Прелестова, вдова, орудіе для увлеченія Слабомыслова съ дороги добродѣтели.

Марья, дѣвушка Софьи, изъ крѣпостнаго сословія.

Торговецъ.

Купецъ.

Приказной.

Два офиціанта и два лакея Слабомыслова.

Полицейскій офицеръ съ командою, ввѣренною ему начальствомъ, и

Народъ.

Заимодавцы.

Дѣйствіе происходитъ въ приморскомъ домѣ Слабомыслова.

Дѣйствіе I.

Театръ представляетъ домъ въ приморскомъ заливѣ; въ гостиной комнатѣ поставленъ столъ, на немъ шляпа, женское рукодѣлье, и нѣсколько у того креселъ.

Дѣйствіе II.

Театръ представляетъ лѣсъ, проѣзжую дорогу и мѣсяцъ.

Дѣйствіе III.

Театръ представляетъ домъ Слабомыслова безъ мебели, каковая кредиторами отобрана.

Дѣйствіе IV.

Завѣса подымается и представляется очамъ зрителей въ дали деревянный домъ съ садомъ Дальновидова, обнесенныя ближе къ сцѣнѣ балюстрадомъ.

Въ началѣ драмы „Слабомысловъ“, главный герой ея, т. е. Слабомысловъ искренно любитъ свою жену Софью, дѣйствительно весьма симпатичную особу, хотя и резонерку, которая въ разговорахъ съ мужемъ на „вы“, называетъ его постоянно господиномъ Слабомысловымъ. Этотъ нѣжный супругъ, между прочимъ, говоритъ:

„Какое блаженство имѣть милую и любезную супругу, которая успокоиваетъ отъ всѣхъ домашнихъ заботъ своего супруга, и которая любитъ его до безконечности, устранвая на пути его всѣ радостныя наслажденія и можетъ ли человѣкъ, окруженный такимъ предмѣтомъ, чего желать больше?“

Дальнѣйшія событія отвѣчаютъ г-ну Слабомыслову положительно: „можетъ“, потому что, когда пріѣзжаетъ къ нему давнишній его пріятель Дальновидовъ съ своею сестрою, молоденькою вдовушкою кокеткою Прелестовою, Слабомысловъ, какъ котъ, влюбляется въ нее и измѣняетъ своей Софьѣ, оправдывая страсть свою такимъ монологомъ:

„О! какъ она прекрасна; даръ природы наградилъ ее всѣми прелестями; на лицѣ ея являлась искренность; большіе черные глаза имѣютъ въ себѣ нѣчто возбудительное; стройность тѣла и разныя его пріятности, отчасти открытыя, отчасти подъ флеромъ и кружевами алансонскими, по пяти рублей аршинъ, голосъ, подобный звукамъ гитары Аксенова, а превосходный умъ довершаютъ ея прелести, и ко всему тому имѣетъ отъ роду осьмнадцатый годъ. Софья моя по не основательнымъ своимъ причинамъ не хочетъ сдѣлать ей своего визита“.

Убѣждаясь въ измѣнѣ мужа, Софья на стр. 17-ой говоритъ:

„Такое знакомство моего супруга съ Дальновидовымъ и его сестрою наводитъ *мнѣ сумнѣніе*. Страшусь того событія, которое содержу я въ моихъ мысляхъ“.

Дальновидовъ является демономъ искусителемъ и для того, чтобы уговорить Слабомыслова поразнообразить свои

чувства любовью къ его сестрѣ, онъ однажды, между прочимъ, говоритъ:

„Всегда сидѣть дома и не видѣть никого больше, кромѣ своего закона и своей фамиліи, или же три и четыре блюда пищи, какъ: супъ съ вермишелью, шпинатъ сѣ яйцами (выпускными), жареная индѣйка съ груздями и пряженцы съ вареньемъ, всякій день и одинакового вкуса, безъ перчику и мушката, не прискучитъ ли вамъ?“

Явленіе змѣя обольстителя дѣлаетъ Софью несчастною, что видно изъ 15 явленія 1-го дѣйствія, когда „Софья *состоитъ* въ меланхольной задумчивости, а сынокъ ея Васинька выбѣгаетъ и бѣгаетъ съ конькомъ (т. е. палка съ лошадинымъ туловищемъ, *нарочито* осѣдланнымъ и съ головкою замуштученною) по комнатѣ“; она говоритъ:

„О жестокосердый Слабомысловъ, такъ ли держалъ клятву, которую ты давалъ мнѣ передъ олтаремъ, и не ты ли добровольно обѣщался любить меня во весь свой вѣкъ, повинуясь твоему сердцу?“ (Плачетъ, утираясь платкомъ и сморкаясь, а Васинька, увидя то, бросилъ конекъ и подбѣгаетъ къ колѣнамъ матери.)

Васинька. „Мамынька, что съ вами *сдѣлось*? Вы плачете, скажите, не хотите ли вы кушать? Я всегда плачу, когда мнѣ долго не даютъ кушать? Возьмите мой завтракъ, я принесу его къ вамъ. Вѣдь это рисовая каша съ яблоками! какъ вкусно, какъ вкусно!..

Софья. „Нѣтъ милое твореніе, я не хочу кушать, но терплю великое мученіе. Тошно мнѣ, хуже всякаго аптекарскаго лекарства.

Васинька (ласкаясь къ матери). „Да скажите мнѣ, мамынька, что васъ сокрушаетъ, развѣ денегъ у васъ нѣтъ? Вѣдь самая большая бѣда, когда денегъ нѣтъ, а то все ничего. Возьмите мои деньги, цѣлый полуимперіалъ, который пожаловали мнѣ вы же въ мои именины.“

Софья. „Любезное дитя, страданіе мое совсѣмъ другого рода. Послушай моихъ словъ, когда ты увидишь своего отца, скажи

ему, что ты плачущую меня видѣлъ." (Василька подымаетъ конекъ съ полу и уходитъ.)

Вѣтреный отецъ Василькинъ такъ разсуждаетъ о своихъ обстоятельствахъ и о своемъ житьѣ бытьѣ:

„Итакъ, я сегодня буду въ маскарадѣ, а завтрѣ на балѣ, а тамъ на гуляньи; поѣду за городъ и время течетъ въ веселостяхъ и это стоитъ однихъ только денегъ, но не знаю, что послѣ всего сего со мною будетъ. Склаважи, серги и діадемы опустошили мои карманы и это разстроиваетъ мое состояніе; но чтоже дѣлать, это, можетъ быть, послѣднее ея желаніе. (*Думаетъ очень рачительно.*) Посмотримъ, что имѣетъ быть далѣе."

Вслѣдъ за этимъ Василька подходитъ къ отцу и говоритъ:

„Батюшка, знаете ли вы, что матушка моя отъ своей великой горести умираетъ?"

Слабомысловъ (съ сердцемъ и съ поднятыми кулаками). „Выдь вонъ отсюда!"

Василька (въ слезахъ упадая предъ нимъ, объемлетъ его колѣна). Милой мой папинька, взгляни на твоего сына—онъ плачетъ, онъ предъ вами на колѣнахъ проситъ, утѣшь папа мою маминьку. Она въ постелѣ и принимаетъ гофманскія капли, она рыдаетъ неутѣшно и только все призываетъ Бога, чтобъ онъ сохранилъ ваше сердце для нея.

Слабомысловъ. Хорошо! Маршъ съ глазъ моихъ."

Оставшись одинъ безъ Василька, вытолкнутаго имъ, Слабомысловъ говоритъ a parte:

„Въ самой дѣйствительности надобно о семъ подумать; однакожь теперь не время, я занятъ другими дѣлами по иному департаменту моего сердца. (Беретъ шляпу и обтеревъ обшлагомъ рукава оную по ворсу, уходитъ.)"

Когда Прелестова и Дальновидовъ окончательно разорили Слабомыслова, онъ выходитъ грабить на большую дорогу, надѣвъ себѣ на лицо фальшивый носъ съ усами, купленный въ табачной лавкѣ Анисима Головкина. Однакожь, онъ грабить не рѣшается, а только завладѣваетъ

мѣшкомъ, который оказался наполненнымъ не монетою, а мѣдными шелехами и жетонами. Но, при этомъ, онъ у одного купца отбираетъ кошелекъ съ 15 рублями. Послѣ этого грабежъ дѣлается ему омерзительнымъ, и онъ бросаетъ на дорогѣ маскарадный носъ съ усами. Вскорѣ проходившій тутъ приказный находитъ этотъ носъ съ усами, и тогда купецъ, ограбленный Слабомысловымъ, принимаетъ приказнаго за послѣдняго, благодаря его гримировкѣ, и заявляетъ о немъ полиціи, вслѣдствіе чего въ 6 явленіи 2-го дѣйствія къ приказному подходятъ полицейская команда и народъ, а онъ (приказный съ носомъ и усами), сидя подбоченясь, говоритъ:

— „Что за чудо я вижу, идетъ войско разнаго калибра, и милиція и образцовое. О! я ихъ удивлю большимъ носомъ съ усами, и буду глядѣть на нихъ, какъ странствующій рыцарь.“

Вотъ часть образцоваго разговора между приказнымъ и полицейскимъ офицеромъ:

Офицеръ полицейскій (NB. Не настоящій квартальный надзиратель и не помощникъ онаго, а такъ себѣ въ испытаніи полицейской науки состоящій). Ты разбойникъ, ты воръ, тебя должно повѣсить.

Приказной. Прошу васъ, господинъ офицеръ, прежде объявить мнѣ причину, почему вы называете меня чужимъ именемъ?

Полицейской офицеръ (стащивъ со пня приказнаго за воротъ). И ты еще, гордецъ проклятый, требуешь отъ меня объясненія, почему называютъ тебя воромъ, развѣ ты не слышишъ доноса на тебя купца сего?

Приказной (Вскричалъ). Вотъ на, за то меня хотятъ повѣсить, что я надѣлъ на себя искуственный носъ съ усами, такъ какъ нѣкогда хотѣли повѣсить пирожника за то, что онъ не положилъ въ паштетъ перцу.

Полицейскій офицеръ. Толкуй еще о перцѣ! У самаго образина, словно чортова перечница. Ну да, за то тебя повѣсятъ, чтобъ ты впередъ не грабилъ людей съ такимъ

своимъ носомъ и усами, скрывая подъ нимъ настоящую твою харю для избѣжанія подозрѣнія.

Однако, Слабомыслову удается спасти приказнаго и заставить признать купца сумасшедшимъ. Тогда, оставшись одинъ, онъ произноситъ такой монологъ:

„Вотъ Шемякинъ судъ кончился, вору только надобно быть остроумнымъ и смѣлымъ, такъ и всѣ концы въ воду. (Садится на пень, вынимаетъ кошелекъ и разсыпаетъ на землю деньги.) Вотъ плоды моего предпріятія и отважности. (Щитаетъ.) „Вотъ деньги, чрезъ которыя нарушена добродѣтель, и чрезъ которыя другое преступленіе сдѣлалъ болѣе перваго; но поздо уже мое въ томъ раскаяніе и оно не простимо. (Наклонясь, хочетъ поднять деньги, но рука его правая не дѣйствуетъ для подыманія.) Что это значитъ? Рука моя безъ силы и ею не могу владѣть, она мертва. О праведное небо, ты по справедливости меня наказало; но наказаніе твое нѣжное и отеческое: рука моя не болѣзнствуетъ, но я только ею не владѣю. (Подымаетъ лѣвою рукою деньги и бросаетъ ихъ на дорогу.) Пусть они достанутся сыну добродѣтели. (Потомъ лѣвою рукою положивъ правую за пазуху, уходитъ.)

Въ слѣдующемъ, т. е. въ 3-мъ дѣйствіи, Слабомысловъ у себя дома, откуда кредиторами вся мебель и посуда вынесены, разговариваетъ съ женою, сознаваясь ей въ своихъ проступкахъ противъ нея, въ раззореніи и въ ночныхъ грабительствахъ, при чемъ объявляетъ свое рѣшеніе искать погибели; Софья старается его успокоить, и у мужа съ женою происходитъ такой разговоръ:

Онъ. О! другъ мой, какъ слабо разсуждаете. Строгость закона вора никогда не прощаетъ.

Она. Да и велико ли ваше преступленіе? Вы отняли у одного шелехи, а у другого меньше двадцати рублей. Законъ же, кажется, строгъ особенно, ежели воровство не меньше тридцати рублей.

Онъ. Но лучше было ежели бы я пошелъ въ поденьщики, на какую нибудь низкую работу, нежели сдѣлаться воромъ.

Она. Послушайте меня, Слабомысловъ: я согласна съ вами,

что вы поступили неосторожно, и вошли въ дѣло порочное; но онаго изъ людей никто не знаетъ, а при томъ вы никѣмъ не изобличены въ воровствѣ, и оно остается вашею тайною.

Онъ. А совѣсть не тяготитъ ли мою душу?

Она. Въ такомъ случаѣ, должно вамъ умилостивить Сердцевѣдца, принесть ему, чрезъ умнаго іерея, т. е. батюшку, чистое раскаяніе о грѣхѣ вашемъ. И можете надѣяться, что Онъ приметъ васъ по прежнему въ любовь свою и присоединитъ къ числу безгрѣшныхъ. Поговоримъ объ этомъ съ нашимъ отцомъ протопопомъ и онъ, конечно, будетъ одного со мною мнѣнія.

Онъ. Оставь еще, мой другъ, меня еще подумать одного.

Она. Я соглашаюсь на ваше желаніе, но будьте покойны и оставьте ваше мечтаніе.

Слабомысловъ дѣйствительно „оставилъ свое это мечтаніе“ и получилъ въ пріятнѣйшій сюрпризъ огромное состояніе, привезенное къ нему на корабляхъ изъ дальнихъ заморскихъ странъ, по завѣщанію Софьинаго дяди, недавно умершаго.

Такимъ образомъ, Слабомысловъ, исправившись, спасенъ; но, какъ закоренѣлый порокъ не могъ быть, по мнѣнію писателей того времени, маломальски предметомъ снисхожденія Промысла, то, по заведенному въ тогдашней литературѣ порядку,—кара небесная постигаетъ въ IV дѣйствіи Дальновидова и Прелестову въ то время, какъ они затѣваютъ на награбленные ими у Слабомыслова капиталы разбогатѣть такъ, какъ разбогатѣлъ недавно (въ 20-хъ годахъ) купецъ Запуталовъ. Прекрасный домъ Дальновидова сгорѣлъ, а въ домѣ были всѣ драгоцѣнности и богатства Прелестовой, такъ, что они, братъ и сестра, вдругъ очутились, передъ финаломъ драмы, въ самомъ критически-бѣдственномъ положеніи. При этомъ авторомъ высказывается мысль, что „по дѣламъ вору и мука!“

Не лишнее замѣтить, что въ манускриптѣ Ганина было

сказано, что пожаръ въ 3 явленіи IV дѣйствія долженъ быть *„натуральный;“* но цензоръ Соцъ нашелъ это невозможнымъ, на томъ основаніи, что ежели допустить на сценѣ какого бы то ни было театра представленіе пожара, то нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ „примѣрнаго“ пожаръ обратится въ вполнѣ „настоящій“, который можетъ причинить много бѣдъ.

Еще обстоятельство: въ первомъ явленіи IV дѣйствія сказано:

„Дальновидовъ и Прелестова сидятъ за столомъ съ гостями; лакеи подаютъ имъ плоскія и ёмкія (т. е. соусники) блюда съ хорошими и вкусными кушаньями“ и пр. и пр.

Къ этому слову „кушанья“ въ рукописи Егора Федоровича Ганина, представленной въ цензуру, была слѣдующая интересная выноска:

Обнакавенно на придворныхъ театрахъ вмѣсто лафита актеры пьютъ подслащенную и малиновымъ вареньемъ окрашенную воду, а вмѣсто шампанскаго вина лимонадъ. Касательно же кушаньевъ, никогда не бываетъ никакихъ натуральныхъ, а все лишь картонные, изъ папье маше, или восковыя съ нарочитою приличною раскраскою подъ натуральность. Сей обманъ зрѣнія непріятенъ для актеровъ, каковые хотѣли бы выпить на сценѣ настоящаго вина и покушать настоящихъ кушаньевъ. По сему совѣтъ мой слѣдующій для придворныхъ театровъ, чтобъ удовольствовать господъ актеровъ: давать не картонныя кушанья, а заправскія. Можетъ сумлѣніе быть на счетъ того, что на сценѣ во время представленія трудъ неудобный съ жаркимъ гуся, тетерева, телятины, даже рябчиковъ и цыплятъ, потому что рѣзать не ловко, да крылышки, ножки, хлупики обгладывать. Раковъ же, конечно, совсѣмъ на сцену пущать не слѣдуетъ, хотя въ одной драммѣ Августа Федоровича Коцебу, волею автора, цѣлое блюдо съ вареными, красными раками на позорищѣ выносится. Ну, таковой казусъ трѣбуетъ уже раковъ искуственныхъ; но во всѣхъ случайностяхъ, когда кушанья отъ произволенія режиссера, какъ въ сей драмѣ изображено, за-

висятъ, то надобно пренепремѣнно учинить тотъ порядокъ, чтобы подаваемы были блюда такія, какія тотчасъ можно ѣсть и для сего самаго я полѣзнымъ нахожу указать здѣсь списочекъ такихъ кушаньевъ, какія на домашнемъ театре моемъ въ собственномъ домѣ, гдѣ мой садъ, подаваемы были, при играніи моими пріятелями и милыми дамами сей драммы: «*Слабомысловъ*». Итакъ, вотъ списочекъ техъ удобныхъ блюдъ, каковыми въ сей піесѣ (дѣйствіе IV явл. I) уставляли столъ и какія лакейство усердно разносило по гостямъ:

a) „Бульонъ въ фарфоровыхъ раззолоченныхъ и живописныхъ чашкахъ. Какія чашки налиты на половину были, чтобъ не разлиться."

b) „Языкъ ломтиками на зеленомъ горошкѣ."

c) „Плавъ, облитый дичиннымъ соусомъ, съ печенкою."

d) „Рыбный майонезъ съ желеемъ."

e) „Фаршъ, очень вкусный, въ формѣ каплуна."

f) „Желе весьма крѣпкое и свѣтящееся."

g) „Миндальный пирогъ самаго красиваго вида съ битыми сливками."

„Все сіе было мягко и удобно для яствія на сцѣнѣ. А потому вмѣсто ненатуральныхъ и не съѣдобныхъ картонныхъ и другихъ блюдъ, по моему мненію, можно бы держатся сего указателя."

Однакожь такое благонамѣренное стараніе Ганина на пользу актерскихъ желудковъ и вкусовъ, не имѣло гласности, благодаря замѣчанія цензора, надворнаго совѣтника Соца, написавшаго на рукописи красными чернилами, какими весь меню былъ похеренъ:

„Неприличное указаніе дирекціи придворнаго Его Величества театра."

Въ прочихъ пьесахъ Ганина повторяется почти тѣже прелести съ нѣкоторыми только варіаціями. Выписывать ихъ всѣ невозможно, иначе монографія, хотя и великаго мужа, какимъ былъ почтеннѣйшій Егоръ Фе-

дорович Ганинъ, сдѣлается черезчуръ длинна. Но еслибы кому нибудь изъ петербургскихъ читателей моей статьи пришла непремѣнная охота поближе ознакомиться съ „дивными твореніями“ Ганина, предупреждаю, что ихъ нигдѣ, кромѣ императорской публичной библіотеки найти нельзя ни за какія деньги. Тамъ пять книжечекъ твореній Егора Федоровича обретаются въ шкапу 169 подъ №№ 160, 161, 159, 4, 12. Что касается жителей иногородныхъ, лишенныхъ благотворнаго содѣйствія публичной петербургской библіотеки, то для нихъ собственно предлагаю здѣсь нѣсколько взятыхъ на выдержку „перлъ созданія“ Ганинскихъ литературныхъ произведеній.

1, Театръ представляетъ молодую турчанку на коленяхъ, со взорами, устремленными къ небу, и евнуха въ углу; а далѣе кругомъ стѣны Очакова. Въ одномъ краю оныхъ производится безпрестанная пальба, подобно разкатному грому, гдѣ слышанъ шумъ осаждающихъ воиновъ, командующихъ офицеровъ и стонъ раненыхъ. Въ противной-же сторонѣ дѣлаютъ проломъ съ большимъ стукомъ и стѣна упадаетъ. Россіяне со знаменами и оружіемъ стремятся во оную, пробѣгаютъ чрезъ площадь, нападаютъ на непріятеля съ тылу, крича ура, а потомъ бьютъ въ барабаны отбой и мало по малу все утихаетъ. (*Ельвира или Роза.* Дѣств. I. Явл. I).

2, (стр. 13-я) Въ Сералѣ я (говоритъ Евнухъ) почти второй Дѣй, я властитель Сераля, женской полъ, всѣ до единой стараются меня ласкать, потому что имѣютъ во мнѣ нужду, а я, смотря на ихъ прихоти, иногда ихъ въ одномъ удовлетворяю, а въ другомъ отказываю, въ маловажномъ случаѣ онѣ видятъ меня къ себѣ благосклоннымъ, да и нельзя всегда имъ отказывать, дабы тѣмъ не навлечь на себя зла отъ всего Сераля, ибо часто Дѣй по согласію всѣхъ женъ, а особливо любимицъ, отрѣшаетъ Евнуховъ отъ должности, ежели хоть малую вину увидитъ сходную съ ихъ жалобами, а тогда Евнухъ долженъ жизнь свою влачить отъ всѣхъ людей

безжалостную, поелику Евнуха брошеннаго, никакой полъ людей терпѣть не можетъ.

3) (Стр. 59). Я (говоритъ главнокомандующій Всеславъ о генералѣ Любомирѣ) знаю его душу, знаю его сердце, онъ никогда меня не обманывалъ, онъ правъ. Онъ Розу прежде меня увидѣлъ, онъ прежде воспламенился ею, и ее воспламенилъ, и я передѣлать того уже не могу. Она не хочетъ слышать моего воздыханія.—Я могъ-бы употребить власть мою, но тиранство воспламенить любви не можетъ. Одинъ Любомиръ владѣетъ ея, т. е. Розы, сердцемъ. Одинъ Любомиръ причиною всего ея свирѣпства и отвращенія, которое она ко мнѣ имѣетъ, ему единая минута потребна оправдаться, а мнѣ мало моего вѣка; а гнѣвъ мой не имѣетъ силы, чтобъ отмстить ему обиду. (*Уходитъ.*)

4, (59 стр. драмы: „Любимъ“). Печали, говоритъ Добронрава, имѣютъ свое время, они ни когда не останавливаются на однихъ мѣстахъ, они переходятъ отъ одного предмѣта къ другому для того, чтобъ облегчить первой; такъ теперь и съ вами то случилось; вы были замужемъ, но его не видали, онъ и живой для васъ былъ мертвымъ. Правда, хотя нельзя смерти вашего супруга причесть къ веселію вашему, однакожъ, по меншей мѣрѣ вы отъ того свободны, и ваша свобода даетъ вамъ волю располагать самой собою, а другія имѣютъ такія нещастія, которыхъ ни чемъ инымъ перемѣнить не можно, какъ смертію своею. Я знаю одну... да... знаю, а она его оставила и погреблася вѣчно въ монастырь, въ монастырь гроба.

5) (9-я стр. драмы: „Валеріанъ“). Перемѣнное утѣшеніе могутъ имѣть только Ветрогоны (говоритъ Зинаида), тѣ, кои свободны, ничемъ не занятыя, тѣ, кои обращаютъ лично свои взоры на гуляньи на блестящіе металлы, до котораго когда коснетъ пробной камень, увидятъ медь.

6) (Стр. 5-я Драмы „Джонсъ или Иванъ“) Иванъ (онъ же и Джонсъ) съ ружьемъ въ одной рукѣ, а другою разбирая сучья, говоритъ: „Какая непроницаемая мрачность! Здѣсь, я думаю, отъ самаго сотворенія мира никто изъ человѣковъ не бывалъ. (Тогда Иванъ, выходя на середину лужайки, устрем-

ляетъ свои глаза прямо на гору и на верхи деревьевъ, искавъ поразить въ жертву своего желанія *пернатыхъ или горныхъ* дикихъ козъ, какъ вдругъ услышалъ страшный ревъ и увидѣлъ возстающую львицу. Онъ содрогнулся, ружье изъ рукъ выпало, закричалъ и стремглавъ убѣгаетъ. Львица обошедъ кругомъ ружье, нюхаетъ оное и поворачиваетъ, и, зацѣпя за курокъ, ружье выстрѣлило, львица отскочила, смотритъ на него и потомъ идетъ къ младенцу.)

7) На 22—23 стр. охотники — негры: Николай и Петръ съ лѣстницею, съ веревками и съ корзинкою, въ которую уложено мясо для приманки той львицы, что унесла младенца Креолы, но не съѣла его, а, будучи восхищена красотою и миловидностью малютки, служитъ ему нянькою. Къ нимъ присоединяется Джонсъ или Иванъ, который, пользуясь сномъ львицы, успѣлъ повѣсить между двумя деревьями приманку съ мясомъ и взялъ ружье свое, при чемъ, хотя и очень храбрый человѣкъ, трясется, словно осиновый листъ. Явленіе 11-е перваго акта въ которымъ описывается спасеніе Креоленка, сына Креола и Креолы, отъ львицы, верхъ совершенства и я выписываю его цѣликомъ. Вотъ эта сцена:

Иванъ. Весьма удачно важное предпріятіе окончилось и безвредно потому, что львица сну предавалась, а теперь вся отважность мнѣ потребна. Теперь я пойду на явную опасность, или, лучше сказать, на самую страшную смерть: теперь я долженъ освободить младенца въ виду львицы или за смѣлое и неслыханное предпріятіе отдать себя на растерзаніе; но, можетъ быть, небо за добродѣтельное дѣло отдалитъ отъ меня опасность.

Петръ. У меня сердце обмираетъ, я не могу смотрѣть на страшныя приключенія.

Николай (къ Петру). Бояться намъ нечего: львица на гору сію не вскочитъ; пойдемъ и мы за Иваномъ, онъ одинъ сойдетъ на лужайку.

Иванъ. Друзья мои, время наступаетъ — подайте мнѣ лѣстницу. (Самъ надѣваетъ корзину на плеча.)

Николай. Я лѣстницу за тобою самъ понесу. (Всѣ пришли на уступъ и смотрятъ по тихоньку на львицу. Петръ ужасается, а львица, обнюхавъ кругомъ лужайку, пошла къ приманкѣ, когда жъ начала доставать оную (состоящую изъ филейнаго огузка черкасской говядины), Иванъ беретъ лѣстницу у Петра и спѣшитъ тихо опустить оную на землю, и самъ по ней опускается, оглядываясь поминутно на львицу, не видитъ-ли она его, и когда достигнулъ до земли, схватываетъ младенца въ руки, младенецъ благимъ матомъ заоралъ, онъ полагаетъ его въ корзинку, а сію, уже безъ филейной приманки, за плеча, подымается стремительно на лѣстницу, но львица, услыша голосъ младенца и увидя человѣка, оставляетъ свою добычу и бросается, какъ стрѣла, къ растерзанію хищника. Петръ трясется какъ въ лихоманкѣ, а Иванъ только что хотѣлъ на послѣднюю ступеню ступить, какъ львица съ яростью вырываетъ изъ подъ ногъ его лѣстницу и онъ повисъ на горѣ держась руками за скалу оной.)

Иванъ. Помогите;—спасите не меня, но невиннаго младенца, руки отъ тяжести моей ослабѣваютъ и еще двѣ минуты, я буду растерзанъ, а младенецъ упадетъ и убьется до смертельности.

Николай (Снявъ бѣлый свой кушакъ продѣваетъ подъ руку Ивану и кричитъ Петру). Чего ты боишься, болванъ? Вотъ на, принимай конецъ подъ другую руку. (Петръ беретъ и продѣваесъ дрожа.) Ну, употреби всю свою силу купно съ моею и вознесемъ Ивана на верхъ уступа. (И вдругъ его подняли на оной.)

Иванъ (вставая на ноги). И такъ, я теперь, друзья мои, съ младенцемъ! Но безъ вашей помощи погибли-бы мы оба; теперь каждая минута намъ дорога къ спасенію. Оставимъ здѣшнее мѣсто, намъ бѣжать должно. Львица, лишась своего воспитанника, будетъ его вездѣ искать; кто поручится, что она здѣсь не будетъ? И такъ, я бѣгу къ матери сего юнаго, она меня, по условію нашему, должна дожидаться у тюрьмы. Спасайтеся и вы. (Всѣ убѣгаютъ.)

Львица бросается нѣсколько разъ на гладкую стѣну горы, потомъ смотритъ во всѣ стороны, ищетъ младенца глазами, бѣгаетъ сперва съ малымъ, потомъ съ большимъ ревомъ, скачетъ, рыкаетъ, обращаетъ яростныя глаза свои на лѣстницу, ласкаетъ ее и бросаетъ на всѣ стороны и, открывъ чрезъ чащу лѣса путь себѣ, убѣгаетъ въ дремучій лѣсъ со стономъ.

Въ заключеніе привожу статью Ганина „Гласъ справедливости“ о которой говорилъ въ началѣ монографіи. Она написана въ отвѣтъ на критическую статью Чеславскаго, помѣщенную въ „Благонамѣренномъ“ и была напечатана съ сохраненіемъ оригинальной орфографіи Ганина, которая удержана и въ настоящей перепечаткѣ, какъ и во всѣхъ другихъ выпискахъ, напечатанныхъ выше.

Гласъ справедливости, или письмо сочинителя драммы: „Любимъ“ къ Издателю „Благонамѣреннаго“ и къ г-ну К. А. Ч.

Господинъ Издатель „Благонамѣреннаго! Я читалъ вашего изданія іюня мѣсяца настоящаго года книжку, и нашелъ въ ней статью, до меня относящуюся. Нѣкто требуетъ отъ васъ изъясненія, отъ чего случилось сходство мыслей Маркизы Сирсе и графа Мирбеля съ драммою *Любима*?—Мнѣ кажется, оно бы и не принадлежало до васъ; но что дѣлать, когда уже палъ жребій вмѣсто виноватаго на праваго?—Я прошу у васъ чрезъ сіе позволенія, чтобъ вы допустили меня вмѣсто себя удовлетворить его желанію, и во упованіи, что вы мнѣ въ томъ не откажете и припечатаете во „*Благонамѣренномъ*“, буду служить ему симъ моимъ отвѣтомъ по предмету его требованія, дабы успокоить его мысли.—Незнакомецъ! Изображеніе Маркизы Сирсе я читалъ, только давно, или, лучше сказать, въ молодости возраста моего, и съ тѣхъ поръ лучшія выраженія поселились въ моей памяти. Я вамъ говорю правду, на что мнѣ васъ обманывать? Это не мое правило. А что уже у кого затвержено въ молодости, то навсегда остается у того и въ головѣ.—Не такъ-ли, незнакомецъ? Кажется, вы въ семъ согласитесь со мной и сами.—

Идея Маркизы Сирсе и графа Мирбеля мнѣ очень показалась для моей Драммы: *Любимъ*, а потому самому и не нашелъ я лучшаго монолога выставить въ первомъ явленіи 1-го дѣйствія *Любима*, какъ вы сами написали во *Благонамѣренномъ*, то есть—говорила Милана: „сколько вѣковъ прошло, какъ ты не украшалъ моего уединенія!“ „Солнце безъ тебя здѣсь не свѣтило“ „темнота ужасная и стужа несносная!“—Догадываюсь я—да можетъ быть—и не ошибаюсь, что вы, незнакомецъ, мыслите, не выдамъ-ли я сей монологъ за свой, потому что штиль его высокъ, плавенъ, внятенъ и дѣлаетъ на чувства влюбленнаго большое вліяніе.—Нѣтъ, вы во мнѣ того не найдете: что чужое, то чужое и будетъ; а что мое, то мое и вотъ оно. Когда надобно было отвѣчать Любиму, то онъ сказалъ: „Я и самъ считалъ вѣками тѣ часы, которые утренняя заря прелестей твоихъ не сыпала на меня розъ въ семъ убѣжище. Долгъ службы удалилъ отъ меня сіи сладкія минуты“.—Вотъ это мое, видите-ли, что сей монологъ не уступаетъ первому? Есть и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что я коснулся Сирсе и помѣстилъ въ *Любимъ*; но не переписывалъ съ начала до конца, и вамъ то докажетъ Драмма: *Любимъ*, а сверхъ того и я тоже постараюсь ниже васъ въ томъ увѣрить. Впрочемъ, для чего и не подражать лучшему и кроткому изъ писателей, для чего не учиться и для чего не перенимать, да и кто не учился у другого?—Всѣ—я не исключаю изъ сего числа и васъ, Незнакомецъ мой. По истиннѣ, всѣ вы, и всѣ мы, сколько людей есть на земномъ шарѣ, то есть глобусѣ, учились и перенимали; и вотъ тому объясненіе: младенецъ родится, ничего не знаетъ, только плачетъ; но мать его утѣшаетъ и даетъ ему пищу (молоко изъ груди своей или изъ соски (иначе, рожка) или еще иначе); потомъ мало по малу, изо дня въ день, младенецъ, возрастая, видитъ людей, учится познавать ихъ, а особливо тѣхъ, которые чаще его окружаютъ, а наконецъ онъ перенимаетъ ихъ слова, учится и выговариваетъ оныя; далѣе онъ учится читать, писать и другимъ наукамъ до того времени, покуда самъ можетъ учить и сочинять. И такъ, видите-ли, что всякій человѣкъ учится и перенимаетъ; но иной больше, другой меньше.

Незнакомецъ! Посмотрите на военачальника (то есть фельдмаршала или даже генераллисимуса), который видитъ непріятельскіе грады, или обширное поле брани, старается, гдѣ лучше приступомъ взять, или смотритъ, гдѣ поставить войско ему ввѣренное, дѣлаетъ окопы, батареи; ставитъ ряды воиновъ, тамъ артиллерію, а тамъ велитъ воинамъ раздѣлиться и обходить непріятеля и напасть съ тылу, наконецъ, удается ему побѣда.—Онъ также былъ младенцемъ, онъ также учился, онъ также перенималъ, а потомъ имѣя къ предмету сему свою склонность, старался читать житія славныхъ Генераловъ (эту воинскую Четь-и-Минею!), старался подражать имъ и, наконецъ, по опыту своему дѣлается и самъ лучшимъ военачальникомъ. Незнакомецъ! Посмотрите на Министра Иностранныхъ дѣлъ: онъ смотритъ, чтобъ и въ спокойное время отечество не могло отъ взора зависти сосѣдней возмутиться; онъ не дремлетъ, голова его и разумъ всегда живы и свѣжи и онъ всегда готовъ отражать помышленія непріятельскія— и онъ также былъ младенцемъ, онъ учился, перенималъ, и имѣя къ предмету сему наклонность, а можетъ быть и противъ своей воли, старался читать съ прилежаніемъ Дипломатику, старался подражать и идти по стопамъ предшественниковъ своихъ. Незнакомецъ! посмотрите на мореплавателя, коего склонность ведетъ по морямъ—онъ пускается въ сію опасность; онъ видитъ на нихъ стекловидную въ спокойное время поверхность; потомъ видитъ его возмущеніе, слышитъ громъ, видитъ жестокіе вѣтры, угрожающіе ввергнуть корабль (сіе зданіе, носящееся на зыбяхъ морскихъ!) и его самаго въ разрытую насиліемъ ихъ яму, но не страшится и не теряетъ духу. Отъ чего-же сіе? Отъ того, что онъ учился мореходству, разсматривалъ прилежно и неуклонительно водамъ карту, знаетъ вѣтры и мѣста, которыя опасны; онъ тоже былъ младенцемъ, учился, перенималъ, тоже подражалъ; и сперва съ малою опытностью, а наконецъ, достигаетъ и самъ до имени славнаго мореходца, въ родѣ Сенявина, Коцебу, или Крузенштерна, Нѣтъ сомнѣнія, что сіи великіе люди отъ опытности не прибавляли и своего чего либо. Незнакомецъ! Посмотрите теперь на противуположныхъ людей, а именно на авторовъ. Я

не буду говорить о дѣлахъ и сочинительствахъ великихъ мужей: Геродотта, Горація, Цицерона, Страбона, Платона, Расина, Діодора, Виргилія, Ломоносова, Державина, и прочихъ, и прочихъ, и прочихъ, кои также были младенцы и кои также учились и перенимали другъ у дружки; но покажу на такихъ авторовъ, кои переправляютъ только оригиналы.— Въ чемъ-же состоитъ ихъ переправка? Въ однѣхъ рѣчахъ, потому что употребленіе ихъ нынѣ, послѣ прошедшихъ временъ, не то уже стало, они не смотрятъ, что сочинители оригиналовъ лучшіе были изъ писателей и что оригинальное того вѣка слово должно оставаться по тому времени безсмертнымъ для позднѣйшихъ временъ и справокъ. Посмотрите еще на книгу *Телемака, Улиссова сына*, сочиненнаго Фенелономъ для августѣйшаго ученика своего; она въ новѣйшихъ переводахъ на Россійскій языкъ вся переписана съ начала и до конца съ поправкою только словъ, нынѣ употребляемыхъ. *) Незнакомецъ! посмотрите по-пристальнѣе на другихъ сочинителей, которые выписываютъ цѣлыя исторіи съ начала до конца изъ сочиненія другихъ отъ слова до слова, жизнь и дѣла Агамемнона, Гектора и прочихъ, давъ своимъ книгамъ другое заглавіе. Незнакомецъ! Незнакомецъ, посмотрите на Пантеонъ, на Піерриду: вы и тамъ найдете сему подобное. Посмотрите и на славнаго писателя и стихотворца Аббата Метастазія; онъ написалъ оперу Великаго Александра Македонскаго въ Индіи. Я читалъ оную и читалъ Греческую исторію, и сравнивая одну съ другою, нашелъ, что Метастазій въ оперѣ своей помѣстилъ отрывокъ исторіи Александра. Незнакомецъ! Посмотрите на славнаго Коцебу (нѣмецкаго драммотворителя) и онъ написалъ комедію *Ишпанцы въ Перу*; онъ также бралъ матеріалы изъ пропсшествія войны Пизарра на Инку. Посмотрите на піесу короля шведскаго Карла

*) Тутъ жестокій тонкій намекъ автора „*Гласа справедливости*“ на автора критической противъ него статьи; онъ зналъ, что подъ маскою К. А. Ч. скрывался Константинъ Алексѣевичъ Чеславскій, который, не задолго передъ тѣмъ, составилъ для книгопродавцевъ бр. Заикиныхъ книжку для юношества: „Похожденія Телемака.“ *Прим. Кас. Кас.*

XII *); оная взята изъ его исторіи, и такъ далѣе. Видите ли вы теперь, незнакомецъ, что не я одинъ перенималъ и подражалъ другимъ? Я слыхалъ отъ многихъ, что и самъ Ломоносовъ, извѣстный свѣту по великимъ своимъ дарованіямъ и уму, помѣстилъ оригиналомъ цѣлыя мѣста, выписанныя имъ изъ Плиніева панегерика Траяну. Незнакомецъ, есть много на меня похожихъ, а неукротимая *) моя наклонность къ сочиненію драммы *Любима* въ первый разъ столь была велика, какъ люди, носившіеся долго по бурному океану, въ разбитомъ кораблѣ, безъ мачтъ, съѣвшіе всѣ запасы, томились отъ голода и жажды. Признаться надо, что я прежде, нежели принялъ намѣреніе написать драмму *Любима*, размышлялъ долго, приступать ли мнѣ къ тому; но, наконецъ, сказалъ я самъ себѣ: *Почему жъ не такъ? Я буду учиться, буду писать*, и при семъ самомъ размышленіи представился мнѣ Демосфенъ, который много разъ былъ осмѣиванъ отъ народа за то, что онъ не въ сильныхъ выраженіяхъ, да и косноязычно говаривалъ рѣчи на кафедрѣ; однако, онъ, несмотря на то, по сильной своей страсти, достигъ до своего желанія, и былъ, наконецъ, изъ лучшихъ ораторовъ. Я, конечно, не достигну Демосфена; но, покрайней мѣрѣ, буду такимъ же завистникомъ сражаться съ непродолжимостью. Вотъ и причина была написать драмму *Любима*, а писавъ ее, я не старался угождать никому; мнѣ хотѣлось только удовлетворить своему желанію. Она (то есть драмма) не изъ розъ, а изъ незабудочекъ самыхъ малехенькихъ. Я не смотрю ни на строгую критику, ни на похвалы; меня все сіе не отвратитъ отъ моего намѣренія, и ежели гдѣ есть низко выраженіе, то я сіе ослабленіе производилъ нарочно для того, чтобъ дать въ другомъ мѣстѣ ве-

*) Бога ради, читатель, не подумайте, что сей знаменитый король-солдатъ занимался писаніемъ и печатаніемъ, á la Егоръ Федоровичъ Ганинъ, драматическихъ піесъ. Оборотъ этотъ употребленъ авторомъ, повидимому, чтобъ позказаменовать читателя; но нашъ долгъ не давать нашихъ кормильцовъ въ обиду. *Измайловъ.*

**) И не укрощайтесь по этой части, даровитѣйшій Егоръ Федоровичъ. *Измайловъ.*

ликость, силу и неожидаемое. Теперь я приступлю къ тому доказательству, которое я вамъ, мой незнакомецъ, выше сего обѣщалъ. Посмотрите—да посмотрите на тѣ монологи, которыхъ вы не найдете у вашей Сирсе, и которые мои, а не чужіе; посмотрите на 2 явленіе I дѣйствія: оно начинается такимъ манеромъ: *Милана* говоритъ: „О, какъ скучно жить на свѣтѣ безъ родителей и безъ надежды быть любимой.“ Отвѣчаетъ *Безцѣнна*: „Я съ нѣкотораго времени примѣчаю ваши смущенности, и вижу слезы, катящіяся часто изъ глазъ вашихъ источниками; но придумать не могу, откуда взялись скорби ваши! Повидимому, вы имѣете какое нибудь несчастіе, которое стѣсняетъ вашу душу.“ И такъ далѣе. Прочтите всю сцену того явленія, и вы увидите, что разговоръ ихъ занимателенъ для души и сердца; потомъ прочтите 3 явленіе *Любима* того же перваго дѣйствія, въ которомъ Любимъ, подходя къ Миланѣ и усматривая ее печальною, отступаетъ, потомъ говоритъ: „что я вижу? Милана, ты мнѣ кажешься смутною: природный твой румянецъ вижу я угасающимъ на лицѣ твоемъ, глаза твои томны! Скажи, мой другъ, скажи, любезная моя Милана, отъ чего печаль твоя происходитъ, не имѣешь ли ты на меня въ чемъ жалобы?“ и такъ далѣе. Незнакомецъ! Много бы было и излишно все то выписывать, что мною въ драмѣ *Любима* изображено не чужими мыслями, а моими; а коснусь только краткими терминами, что творецъ этой Сирсе шелъ своею дорогою, а я, творецъ *Любима*, шелъ своею. Его Сирсе была женщина замужняя, но порочная и шаловливая; его Сирсе умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ тайны, а моя Леста была добродѣтельная, и моя Леста сочеталась съ тѣмъ, кого она обожала—и такъ, видите ли вы теперь разницу, и видите ли, что я не перепищикъ? И какова ни есть моя драмма *Любимъ*, только она переведена на французскій языкъ молодымъ россійскимъ путешественникомъ (вояжеромъ) г-мъ Еремеевымъ, какъ я о томъ извѣстіе имѣю. Она разыграна была охотниками, т. е. любителями (аматерами и аматерками) и нѣкоторыми актерами и актрисами 2-го французскаго театра, хотя не въ самомъ

городѣ Парижѣ, но въ 5-ти миляхъ отъ онаго, въ замкѣ маркизы де Куланжъ въ день ея рожденія $^1/_{13}$ мая сего 1820 года, которой мужъ, принадлежавшій къ одной изъ самыхъ древнихъ и богатыхъ французскихъ фамилій, умеръ въ Лондонѣ 1813 года; жена его, урожденная графиня Дютуфіеръ *), по кончинѣ его, переѣхала 1815 года въ Парижъ, и славится своимъ изящнымъ вкусомъ, заставившимъ ее обратить вниманіе на моего *Любима*. Дѣтей драмы *Лесты* играли маленькіе сыновья Маркизы де-Куланжъ, и привели въ слезы зрителей; а стихи, сочиненные на драму сію, г-мъ Сентъ-Анжемъ пѣла, пріѣхавшая недавно изъ Ліона въ Парижъ молодая пѣвица, принятая на первый французскій театръ Grand Opéra. Вотъ они:

„Vive, monsieur Ganin!
Qui possède un beau jardin!
Enfin
Nous avons son drame Lubin.
Qu'il est beau! Qu'il est beau!
Et d'un genre tout nouveau!"

Незнакомецъ! Довольны ли вы моимъ отвѣтомъ? Не знаю я, будете вы на сіе возражать еще; но то вѣрно, что я не буду; многое разглагольствованіе не дѣлаетъ добра—въ немъ, и въ сочиненіяхъ открывается характеръ какъ безпокойнаго, такъ и кроткаго, а для того я не хочу показать моего. Я взялъ себѣ урокомъ (девизомъ то есть) Баркова (стихотворенія котораго никогда не могли и не будутъ когда либо напечатаны, какъ самая отчаянная „*Барковщина*"). Умъ его великъ былъ, но безпокоенъ духомъ; онъ по своему характеру очень много въ своихъ сочиненіяхъ бранилъ и цѣнилъ насмѣшливо другихъ, а особливо не любилъ онъ Сумарокова (котораго я высоко цѣню) и лучшія его сочиненія выворачивалъ на изнанку, а тѣмъ и ознаменовалъ себя ненавистнымъ,

*) Du tout fière. Псевдонимы эти были произведеніемъ Измайлова и въ особенности О. М. Сомова, знавшаго въ совершенствѣ французскій языкъ.
Кас. Кас.

и природныя свои дарованія, совокупно съ полученіемъ своего ученія, употребилъ во зло. Впрочемъ, мнѣ очень жаль, что я далъ поводъ вамъ, незнакомецъ, заняться моимъ сочиненіемъ и на то опроверженіемъ, и отнялъ у васъ тѣмъ время употребить себя на другое и важнѣйшее дѣло.

Егоръ Ганинъ.

С.-Петербургъ Ганинская
дача съ садомъ на Невѣ,
противъ Охты.
20 іюня 1820 года.

III.

БРИГАДИРЪ ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ БРЫЗГАЛОВЪ.

(Экс-кастелянъ бывшаго Михайловскаго замка).

Изъ числа постоянныхъ жителей Петербурга, проживавшихъ въ немъ съ начала нынѣшняго столѣтія до 1841 года, найдутся, вѣроятно, очень немногіе, которые совершенно не знали бы о существованіи Ивана Семеновича Брызгалова. Своимъ костюмомъ Павловскаго времени, который онъ носилъ до самой смерти своей въ 1841 году (на 90-мъ году возраста) онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе и всякій, при встрѣчѣ съ нимъ, невольно говорилъ себѣ: „вотъ чудакъ-то!“ При всей его загадочности и эксцентричности почтеннѣйшій Иванъ Семеновичъ не нашелъ себѣ біографа; наша литература молчала о немъ до марта 1873 года, когда о немъ напомнилъ публикѣ „Петербургскій Старожилъ“. Наша литература какъ-то невнимательна къ русскимъ людямъ, отличавшимся чудачествами и эксцентричностями. Не такъ поступаютъ западныя литературы. Нѣмцы, напримѣръ, имѣютъ подробныя біографіи своихъ чудаковъ и

самодуровъ, которые, не въ обиду будь имъ сказано, и въ подметки не годятся нашему знаменитому чудаку бригадиру Ивану Семеновичу Брызгалову.

Прочитавъ статью „Петербургскаго Старожила“ о Брызгаловѣ я сильно заинтересовался этой личностью и за справками о ней обратился къ милому Дормидону Селифонтьевичу. Онъ, конечно, зналъ знаменитаго бригадира и, по своей всегдашней любезности, сообщилъ мнѣ всѣ свѣденія, какія были мнѣ необходимы для составленія настоящей монографіи.

Брызгаловъ, какъ я уже замѣтилъ, появляясь на улицахъ Петербурга послѣ того, какъ все русское, такъ называемое, образованное общество стало носить англійскій фракъ и круглую цилиндрическую шляпу, въ старомодномъ длинноломъ, прусской формы, мундирѣ, ботфортахъ, крагенахъ, шпагѣ на поясницѣ, съ тростью почти въ сажень, въ шляпѣ съ широкими галунами и въ напудренномъ парикѣ съ длинною косою, — Брызгаловъ долженъ былъ обращать на себя всеобщее вниманіе и весьма естественно прослылъ чудакомъ изъ чудаковъ и почти полоумнымъ. Онъ съ какимъ-то особеннымъ, можно даже выразиться циническимъ энтузіазмомъ разыгрывалъ постоянно роль чудака, преслѣдуемый толпою зѣвакъ, принимавшею его за помѣшаннаго, хотя Брызгаловъ имъ вовсе не былъ: Иванъ Семеновичъ тыкалъ всѣмъ въ глаза своими странностями вовсе не съ проста; онъ отлично зналъ, что дѣлалъ и не ошибался въ томъ, что его странности приносятъ ему значительныя матеріальныя выгоды.

Впрочемъ, и то надо сказать, до 13 марта 1801 года костюмъ, носимый Иваномъ Семеновичемъ, былъ обязателенъ для всѣхъ жителей россійской имперіи, какъ состоявшихъ на службѣ, такъ бывшихъ въ отставкѣ съ какимъ бы то ни было мундиромъ, военнымъ, морскимъ

или гражданскимъ. Партикулярное же платье, впрочемъ, такого же покроя, носили только люди бѣзчиновные, какъ то: купцы (тѣ, которые русскій кафтанъ замѣнили нѣмецкимъ платьемъ), нигдѣ еще не служащая молодежь, разночинцы, пріѣзжіе иностранцы, художники и музыканты. Эта одежда могла быть произвольныхъ цвѣтовъ, однакожь, не мундирныхъ, именно: не зеленаго, не синяго, не бѣлаго, не краснаго, не малиноваго; а лишь чернаго, кофейнаго, голубаго, бронзоваго, лиловаго, сѣраго, гороховаго и прочихъ. Всѣ длиннополые мундирные и не мундирные кафтаны съ широкими, съузившимися книзу фалдами, бившими по икрамъ, имѣли общевоенный прусскій покрой, хорошо извѣстный всѣмъ намъ по гравюрамъ и иллюстраціямъ. При императорѣ Павлѣ Петровичѣ военный покрой и военная форма распространены были и на офиціальный костюмъ придворнаго вѣдомства, при чемъ придворный штатъ Михайловскаго замка получилъ мундиры малиноваго цвѣта (въ отличіе отъ Зимняго дворца, гдѣ былъ принятъ цвѣтъ красный), съ бѣлыми камзолами и бѣлыми штанами подъ высокія ботфорды, имѣвшія крагены и шпоры съ колесцами. Брызгаловъ вездѣ появлялся въ этомъ нарядѣ, сдѣлавшимся втеченіи времени стереотипнымъ, при огромной высокой съ широкими галунами и генеральскою витушкою и бѣлымъ плюмажемъ шляпою, надѣтою по формѣ, т. е. поперегъ, а не вдоль. Изъ за раздѣла фалдъ торчала длинная, касавшаяся земли, шпага съ бронзовымъ вычурнымъ эфесомъ и серебрянымъ шнурковымъ темлякомъ, имѣвшимъ множество мелкихъ и одну крупную разсыпную кисть. Шпага эта была въ юфтовыхъ желтыхъ ножнахъ. На карманахъ и на всѣхъ петлицахъ малиноваго вседневнаго мундира были узкія золотыя галунныя нашивки, а на парадномъ, роскошно расшитомъ золотомъ, какой Брызгаловъ носилъ въ особенно торжествен-

ные дни, золотое шитье въ видѣ фантастическихъ листьевъ, усыпанныхъ блестками. При такомъ, необыкновенно парадномъ, мундирѣ, Брызгаловъ являлся непремѣнно въ шелковыхъ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ громаднѣйшими семилоровыми пряжками. Тогда завитой парикъ его былъ сильнѣйшимъ образомъ напудренъ, и бѣлая нѣжная пудра покрывала его плечи. Въ этихъ случаяхъ Брызгаловъ, большею частью, шляпу свою не надѣвалъ на голову, а несъ въ лѣвой рукѣ, правая же его рука въ бѣлой перчаткѣ, какъ всегда, вооружена была длиннѣйшею бамбуковою лакированною палевою тростью, которая независимо отъ обычнаго темляка на золотомъ шнуркѣ, при парадномъ мундирѣ, обвѣшивалась разноцвѣтными яркими узкими лентами. Иногда, вѣроятно, для большей торжественности, какъ шляпу, такъ и трость, впереди Брызгалова несли его сыновья. Въ зимніе холода и вообще въ ненастную погоду, Брызгалова встрѣчали на улицахъ въ волчьей шубѣ, крытой малиновымъ сукномъ или въ широкомъ байковомъ, или фризовомъ малиновомъ же платьѣ.

Брызгаловъ очень рѣдко ходилъ одинъ; его почти всегда сопровождали оба его сына, идущіе впереди его. Въ двадцатыхъ годахъ встрѣчали его также и съ дочерью, въ ту пору дѣвушкою лѣтъ 15—16, которая была замѣчательно дурна собою, отличаясь необыкновенно длиннымъ носомъ и пресмѣшными красноватыми, какъ у албиносовъ или бѣлыхъ негровъ, кроличьими глазами. Эта дѣвушка ходила тогда въ панталончикахъ и въ короткой шелковой голубой или розовой юбкѣ, усыпанной блестками, а на огромной головѣ, покрытой завитымъ въ тирбушонахъ каштановымъ парикомъ, напяленъ былъ широкій вѣнокъ изъ каленкоровыхъ цвѣтовъ съ вербъ и съ куличей, съ натыканными между цвѣтами павлиньими, страусовыми и пѣтушьими перьями

Впрочемъ, она не долго являлась на стогнахъ столичныхъ; она, какъ говорили, простудилась въ своемъ черезъ чуръ легенькомъ уличномъ нарядѣ, и умерла, кажется, въ концѣ 20-хъ или 30-хъ годовъ.

Сыновья Брызгалова, въ 20-хъ годахъ уже парни лѣтъ 18—19, ходили въ бѣлыхъ канифасныхъ панталончикахъ, въ желтыхъ гусарскихъ сапожкахъ съ кисточками и въ пунсовыхъ шпензерахъ, а на головѣ у одного была игрушечная казачья шапка, у другого — красный гусарскій киверъ: они всегда были вооружены жестяными дѣтскими саблями на красныхъ сафьянныхъ портупеяхъ, а въ рукахъ имѣли деревянныя красныя съ серебряной бумагою, изображавшеею дуло, ружья, изъ которыхъ стрѣляли горохомъ, по командѣ милаго родителя, кричавшаго имъ: „Пали!“ когда уличные мальчишки слишкомъ нескромно большою толпою наступали на нихъ съ обычными возгласами: „Брызгалята, у у!“ или „Бригадирскіе щенки!“ Впослѣдствіи уже, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, петербуржцы встрѣчали Брызгалова, очень устарѣвшаго и ходившаго далеко не съ прежнею бодростью; впереди его подъ ручку шли, какъ обыкновенно, сыновья, тогда тридцатилѣтніе джентльмены, съ тѣми же ногами обручемъ, но уже не въ красныхъ гусарскихъ шпензерахъ, а въ какихъ-то неуклюжихъ свѣтлозеленыхъ камлотовыхъ сюртукахъ до пятъ и съ превысокими цилиндрическими съ узенькими полями сѣро-бѣлыми шляпами на головахъ. Проходившая мимо публика останавливалась, смѣялась; старикъ бригадиръ грозился палкою и что-то бормоталъ; но толпы мальчишекъ уже не бѣгали за этимъ тріо, намозолившимъ собою глаза чуть ли не двумъ поколѣніямъ петербургскихъ жителей, для которыхъ Брызгаловъ съ своими сыновьями ассистентами, казалось, составлялъ нѣчто въ родѣ какого-то необходимаго петербургскаго аксес-

суара, почти въ родѣ зданія Гостинаго Двора или Адмиралтейскаго шпица.

Въ день Преполовленія, во время празднества на валахъ Петропавловской крѣпости, Брызгаловъ всегда участвовалъ въ кортежѣ, слѣдовавшемъ за духовенствомъ, а потомъ отправлялся въ соборъ, гдѣ обыкновенно падалъ ницъ предъ саркофагомъ, поставленнымъ надъ могилою Императора Павла Петровича.

Въ Александровъ день, 30-го августа, Брызгаловъ въ разшитомъ золотомъ мундирѣ своемъ, съ парадною тростью и съ шляпою въ рукѣ, сильнѣе обыкновеннаго обсыпанный пудрою,—обыкновенно, отдѣляясь отъ толпы, шелъ съ которой нибудь стороны около митрополита во время его шествія изъ Казанскаго Собора въ Лавру и изъ Лавры въ Казанскій Соборъ.

Брызгаловъ отличался грубостью нравовъ. Сынъ крестьянина, тверской дворцовой волости, онъ поступилъ на службу сначала въ истопники гатчинскаго дворца, когда Гатчина была какъ бы удѣльнымъ владѣніемъ тогдашняго Наслѣдника Цесаревича. Какими-то судьбами ему удалось привлечь на себя благосклонное вниманіе великаго князя Наслѣдника престола Павла Петровича. Вскорѣ Брызгаловъ былъ сдѣланъ камеръ-лакеемъ, а затѣмъ и гофъ-фурьеромъ. Въ этомъ званіи онъ явился въ Петербургъ въ 1796 году, при воцареніи Императора Павла I. Затѣмъ онъ былъ пожалованъ оберъ-гофъ-фурьеромъ въ Михайловскомъ замкѣ, и вскорѣ назначенъ кастеляномъ внутреннихъ дворовъ этого замка, съ обязанностію наблюдать за своевременнымъ подниманіемъ и опусканіемъ подъемныхъ мостовъ тѣхъ каналовъ, какими окруженъ былъ этотъ замокъ-крѣпость.

Занимая выгодную должность и находясь въ Петербургѣ, Брызгаловъ женился на дочери одного изъ придворныхъ служителей Зимняго дворца. Давъ жизнь двумъ

сыновьямъ и одной дочери, женщина эта умерла еще до оставленія Брызгаловымъ казенной квартиры въ Михайловскомъ замкѣ. Послѣ нея, дѣтки остались малютками сиротками, а Иванъ Семеновичъ почти всю жизнь свою вдовѣлъ. Императоръ Александръ Павловичъ и вдовствующая Императрица Марія Федоровна изъявили готовность опредѣлить сиротъ своими пенсіонерами въ разныя учебныя заведенія, дочь въ Смольный, а сыновей въ кадетскіе корпуса или въ гимназію (какихъ тогда была всего одна въ Петербургѣ, именно нынѣшняя 3-я близь Пантелеймонской церкви и Солянаго Городка). Но хитрый и корыстолюбивый Брызгаловъ, прикидываясь нѣжнымъ родителемъ, какимъ онъ никогда не бывалъ, отзываясь, что онъ не имѣетъ силы разстаться съ своими дѣтьми, уладилъ такъ, что ему была ассигнована на воспитаніе дѣтей весьма круглая сумма. Присоединяя ее къ своей значительной пенсіи и ежегоднымъ пособіямъ, которыя онъ выпрашивалъ, Брызгаловъ являлся обладателемъ дохода въ 10 тысячъ рублей, по тому времени весьма значительнаго. Изъ суммы, назначенной на воспитаніе дѣтей, Брызгаловъ, какъ слышно, рѣшительно не издерживалъ ни копѣйки, потому что ихъ научное воспитаніе ограничивалъ плохимъ изученіемъ русской грамоты, какую онъ имъ втемяшивалъ, при содѣйствіи своей знаменитой трости, которую называлъ „портеромъ“. Почему, неизвѣстно, но дѣти Брызгалова были уродами. Конечно, можетъ быть, маменька не была красавицею; что касается папеньки, то онъ былъ тоже далеко не привлекателенъ; физіономія Брызгалова была крайне невзрачная: сухая, морщиноватая, бурокрасная, съ крючковатымъ, узкимъ, тонкимъ и синеватымъ носомъ въ видѣ птичьяго клюва, бѣлесоватыми глазами, выглядывавшими почти всегда сердито изъ подъ черныхъ широкихъ и густыхъ бровей,

слегка напудренныхъ. Прибавьте къ этому необыкновенно продолговатый, костлявый, узкій, выдавшійся подбородокъ, всегда тщательно выбритый, да во рту у него торчало нѣсколько зубовъ желто-бураго цвѣта, узкія же губы всегда были искусаны въ ранкахъ, изсиня-фіолетовыя, точившія изъ себя кровь, какою нерѣдко была испачкана нижняя часть этого далеко неинтереснаго и непривлекательнаго облика.

Но дѣти превзошли уродливостью своихъ родителей; этому причиной, по всей вѣроятности, были болѣзни, отъ которыхъ они страдали съ самаго рожденія, благодаря отвратительнымъ гигіеническимъ условіямъ, въ какія были поставляемы попечительностью своего милаго папаши. Дѣти Брызгалова à la lettre были уродами, съ ногами въ видѣ обруча, съ руками, волочившимися почти по землѣ, съ громадными головами (почему ихъ въ городѣ звали „Головастиками Брызгаловской кунсткамеры"), покрытыми косматыми, падавшими ниже плечъ волосами, круто завитыми длинными трубками, и съ идіотическими болѣзненными физіономіями, украшенными длиннѣйшими носами и одурманенными глазами.

Съ своими близкими родными господинъ бригадиръ Брызгаловъ поступалъ безсовѣстно. Живя уже на частныхъ квартирахъ, онъ, подъ предлогомъ благотворительности, выписалъ изъ своей родной деревни свою тетку, весьма пожилую женщину, своихъ родныхъ и двоюродныхъ сестеръ, и все это свое деревенское единокровное родство поселилъ у себя. Но послѣ этого родственникъ-благотворитель пересталъ держать наемную прислугу, какую съ этой поры ему замѣнили всѣ эти его родственницы, обращенныя имъ въ кухарокъ, прачекъ, судомоекъ и поломоекъ. И когда которая нибудь изъ этихъ его роденекъ, тетушка, сестрица, племянница, не исполняла своихъ обязанностей съ тою точностью, съ ка-

кою онъ того требовалъ, онъ пускалъ въ дѣло свою бамбуковую трость и жестоко ею колотилъ своихъ единокровныхъ; когда же которая нибудь изъ этихъ несчастныхъ женщинъ осмѣливалась выражать огорченіе свое и угрожала жалобою правительству, почтенный племянникъ, братецъ или дядюшка тотчасъ распоряжался отсылкою своей родственницы въ съѣзжій домъ, для строгаго наказанія тамъ розгами чрезъ полицейскихъ солдатъ, какъ крѣпостныхъ служительницъ чиновника 5-го класса Брызгалова, причемъ, само собою разумѣется, скрывалось близкое родство его высокородія съ наказываемой при полиціи личностью.

Какъ квартирантъ, на сколько знаетъ о томъ Дормидонъ Селифонтьевичъ,—Брызгаловъ былъ для домовладѣльцевъ, у которыхъ жилъ, сущею язвою и имѣлъ съ многими изъ нихъ, въ особенности на Петербургской сторонѣ, гдѣ долгое время жительствовалъ, чуть ли не въ 10—12 различныхъ домахъ,—самые непріятные процессы, производившіеся, какъ водилось въ тѣ времена, административнымъ порядкомъ въ кварталахъ и частяхъ, а иногда и у оберъ-полиціймейстеровъ.

— Vrai Брызгаловъ № 2, говаривалъ Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ (Об. Пол. съ конца 20-хъ по начало 40-хъ годовъ) о лицахъ назойливыхъ и придирчивыхъ,—chicaneur, calomniateur, sans foi, sans loi!...

Любопытно было бы узнать тайну, почему Брызгаловъ обрекъ себя на уличное шутовство и гаерство, а также за какія особыя заслуги онъ пользовался весьма завидной пенсіей, превышавшей значительно существовавшую норму пенсій для отставныхъ чиновниковъ, должность которыхъ состояла въ пятомъ классѣ. Брызгаловъ притомъ пользовался покровительствомъ многихъ вельможъ и царедворцевъ. Изъ числа сановниковъ, особенное расположеніе, хотя иногда съ видимой досадой, оказывалъ

Брызгалову знаменитый Аракчеевъ, который постоянно, въ день ангела Ивана Семеновича, 25 іюня, а также въ Новый годъ и въ Свѣтлое Христово Воскресенье посылалъ къ нему съ адъютантомъ пакетъ, запечатанный гербовою печатью съ девизомъ „Безъ лести преданъ“, заключавшій въ себѣ нѣсколько десятковъ яркорозовыхъ новыхъ ассигнацій.

Когда Аракчевъ былъ на верху могущества, онъ продолжалъ оказывать покровительство Брызгалову. Если Ивану Семеновичу случалось проходить по Литейной, мимо деревяннаго одноэтажнаго дома Аракчеева, гдѣ нынче помѣщается 3-я военная гимназія, онъ спрашивалъ въ открытыя окна сѣней лѣтомъ, а зимою постучавъ тростью у форточки передней:

— А что *баронъ* дома?

Ему отвѣчали, что его сіятельство „графъ“ у себя.

— Никакого Александровскаго графа я знать не знаю, а вѣдаю лишь Павловскаго барона Аракчеева, Алексѣя Андреевича.

Аракчееву докладовали; онъ иногда морщился, а все-таки выходилъ въ залу съ ласковымъ привѣтствіемъ:

— Здравствуй Семенычъ! Не хочешь-ли рюмку тминной? Сей моментъ подадутъ съ знатной закуской; а я страшно занятъ государственными дѣлами. Извини. Спасибо, что зашелъ. Не забывай меня и мою тминную.

Всесильный Аракчеевъ обыкновенно приказывалъ угостить мимоходнаго гостя-чудака, показывалъ ему видъ любезный, хотя, по видимому, тяготился его назойливою фамильярностью.

До устройства Инженернаго училища въ Михайловскомъ замкѣ, Брызгаловъ пользовался тамъ довольно обширною квартирою, вмѣсто которой потомъ ему отпускались довольно крупныя квартирныя деньги. Онъ легко могъ бы нанимать себѣ весьма приличное, по

званію, помѣщеніе; но по чувству прирожденной ему скряжливости, жался въ какихъ нибудь трущобахъ. Онъ жилъ въ весьма невзрачной квартирѣ въ нижнемъ этажѣ во время наводненія 7-го ноября 1824 года. Разсказывали, что онъ успѣлъ спасти многое и, между прочимъ, свой парадный малиновый длиннополый мундиръ. Однажды онъ подалъ въ собственныя руки Императору Александру Павловичу прошеніе о пособіи и при этомъ приложилъ гиперболическое исчисленіе понесенныхъ имъ потерь отъ наводненія, при чемъ настаивалъ на выдачу ему денегъ вмѣсто мундира натурою, на томъ основаніи, что онъ самъ дешевле съумѣетъ построить эту форменную одежду. „Чиновники кабинета Вашего Величества, писалъ Брызгаловъ, конечно, не будутъ жалѣть, при постройкѣ сего одѣянія, денегъ царскихъ, почему всеподданнѣйше прошу повелѣть выдать мнѣ на мундиръ лишь двѣ сотни рублей, обходится же онъ ежегодно казнѣ въ три сотни, и, такимъ образомъ, одну сотню я жертвую на вспомоществованіе людямъ, потерпѣвшимъ еще болѣе моего отъ ярости водной стихіи“. Онъ получилъ вспомоществованіе.

Въ другой разъ Брызгаловъ заявилъ комиссіи о перестройкѣ Михайловскаго замка, выдававшей ему деньги на наемъ квартиры и дрова, для ея отопленія, натурою, что отпускаемые ему дрова не надлежащаго, по его мнѣнію, качества и не опредѣленной мѣры. Комиссія, защищая своего комиссара, потребовала отъ бригадира Брызгалова доказательствъ его жалобы, и вслѣдствіе этого онъ, при формальномъ отзывѣ своемъ, представилъ одно полѣно, припечатанное его печатью, вырѣзанною на плоской части набалдашника огромной бамбуковой трости, съ какою онъ никогда и нигдѣ не разставался, при совершеніи своихъ пѣшеходныхъ рейсовъ по петербургскимъ улицамъ.

Въ 20—30 годахъ директоромъ канцеляріи Капитула Орденовъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Михаилъ Ивановичъ Киселевскій, который во времена Павла Петровича былъ протоколистомъ канцеляріи Мальтійскаго ордена, какъ извѣстно, высокоцѣнимаго Императоромъ, носившимъ званіе Гросмейстера; это могло болѣе или менѣе сблизить Брызгалова съ г-мъ Киселевскимъ, котораго Иванъ Семеновичъ нерѣдко навѣщалъ, обыкновенно выпрашивая у него, по страсти своей въ самому назойливому попрошайничеству, то книгу, то журналъ, то газету, то афишку, то какой нибудь церемоніалъ, какъ напримѣръ, въ началѣ 1826 года церемоніалъ погребенія Императора Александра I, напечатанный на длинной бумажной лентѣ.

Однажды, разсказываетъ „Петербургскій Старожилъ“ (В. П. Б.), въ 1826 году, Брызгаловъ выпросилъ у Киселевскаго послѣдній томъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина, въ ту пору еще живого, хотя уже на ладонъ дышавшаго подъ тополями и липами Таврическаго Дворца, гдѣ онъ временно проживалъ. Брызгаловъ, при встрѣчахъ съ Киселевскимъ въ Лѣтнемъ Саду, гдѣ весною бывало многое множество публики, восклицалъ: „Же ву салю, экселенцъ-генераль“, т. е. единственную фразу, какую онъ во всю жизнь свою заучилъ изъ французскаго діалекта. Спустя нѣсколько времени, Брызгаловъ съ однимъ изъ своихъ уродливыхъ сыновей прислалъ Киселевскому обратно позаимствованный имъ отъ него томъ, Карамзинской „Исторіи“, при слѣдующей курьезной цидулѣ: „Съ благодарностію вашему превосходительству возвращаю книгу сочиненія его превосходительства лейбъ-исторіографа двора Его Императорскаго Величества дѣйствительнаго статскаго совѣтника и различныхъ россійскихъ и, вѣроятно, иностранныхъ орденовъ кавалера Николая Михайловича Карамзина, кото-

раго, однако, другую исторію, именно знаменитаго богатыря земли Русскія Ильи Муромца, я болѣе, по чувствіямъ моимъ, одобряю. Же ву салю, экселенцъ генераль, и остаюсь вашего превосходительства вотръ трезюмбль сервитюръ Іоаннъ Брызгаловъ".

Брызгаловъ умеръ въ началѣ 40-хъ годовъ, будучи крайне ветхъ и дряблъ, имѣя, вѣроятно, около 90 лѣтъ отъ роду. За 8—9 лѣтъ до своей кончины, будучи давно вдовъ и имѣя дѣтей, онъ вздумалъ, на старости лѣтъ— по пословицѣ: „сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро" и слѣдуя мнѣнію наполеоновскаго (т. е. Наполеона I) врача Корвизара (*),—жениться на молоденькой, во внучки ему годившейся, купеческой дочкѣ, папенька которой, лабазникъ-мелочникъ, впрочемъ, очень капитальный, принесъ свое дѣтище въ жертву своему мужицкому тщеславію. Лабазникъ былъ крайне польщенъ тѣмъ, что его Матрена, посредствомъ этого брака, будетъ почти что генеральшею. Старикъ экс-кастелянъ, какъ котъ, влюбился въ эту свѣженькую, жирненькую дѣвочку, которую никому не показывалъ; ревнуя ее ко всѣмъ, онъ держалъ ее всегда подъ ключемъ, никуда не выпускалъ и не довѣрялъ даже никакой прислугѣ, почему, подъ предлогомъ ферлакурства и галантности, самъ служилъ ей даже горничною, при чемъ его высокородіе, какъ разсказываютъ очевидцы, не считалъ унизительными даже такія услуги, которыя въ то время обыкновенно исполнялись прислуживавшими въ барскихъ домахъ ма-

*) По мнѣнію знаменитаго доктора Корвизара, мужчина можетъ надѣяться имѣть дѣтей только до шестидесяти лѣтъ; въ 60 лѣтъ случаи оплодотворенія въ супружествѣ очень рѣдки, если же мужу за семьдесятъ лѣтъ, а женѣ нѣтъ и 30-ти, то никакого не можетъ быть сомнѣнія, что онъ будетъ «папенькой». Корвизаръ не шелъ дальше; но Наполеонъ, задававшій своему лейбъ-медику эти вопросы, добавилъ еще къ слову «рара» слово „*соси*", т. е. рогоносецъ. *Кас. Кас.*

ленькими дѣвочками, которыхъ, въ дни крѣпостного состоянія, водили всегда стриженными и называли потому „Стрижками“. Престарѣлый, мастилтый, едва уже волочившій ноги экс-кастеланъ выносилъ куда слѣдовало ночныя вазы своей прелестной Матреши.

Однакожь, какъ Матреша ни была крѣпка здоровьемъ, она этой затворнической жизни, отравляемой циничными ласками старикашки, выдержать не могла; черезъ годъ такой неволи, съ которою никакое крѣпостное состояніе сравниться не могло, она умерла, какъ сказывали, еще при жизни своей превратясь въ подобіе муміи.

„Петербургскій Старожилъ“, г. В. П. Б. въ статьѣ своей о Брызгаловѣ (Бирж. Вѣд.), между прочимъ, говоритъ, что въ 1863 году, будучи въ главномъ казначействѣ, онъ среди массы многообразныхъ и разновидныхъ пенсіонеровъ и пенсіонерокъ, большею частью, чающихъ движенія воды,—былъ внезапно пораженъ наружностью одного субъекта въ форменномъ фракѣ министерства финансовъ. Субъектъ этотъ имѣлъ ноги колесомъ, громадную голову съ взъерошенными щетинистыми сѣдоватыми волосами, а все лицо и длинный расплюснутый носъ формы колбасы, цвѣли безчисленнымъ множествомъ отчасти нардѣвшихъ, отчасти лопнувшихъ и гноившихся угрей. „Старожилъ“, помнящій хороше все, что было лѣтъ за 30—40, тотчасъ припомнилъ что-то знакомое и когда-то имъ видѣнное и рѣшился спросить угревастаго пенсіонера:

— Позвольте узнать, не сынъ ли вы Ивана Семеновича Брызгалова?

— Сынъ, промычалъ онъ.

— Вашъ родитель здравствуетъ?

— Умеръ, отвѣчаетъ лаконично господинъ съ обручами вмѣсто ногъ.

— Давно?

— Лѣтъ двадцать есть.

— А вашъ братецъ?

— Умеръ, былъ отвѣтъ.

Въ это время раздался голосъ чиновника за стойкой: „Пенсіонеръ г. Брызгаловъ!“ и этотъ полунѣмой собесѣдникъ затерялся въ толпѣ.

Мой достопочтенный Дормидонъ Селифонтьевичъ дополнилъ этотъ разсказъ „Петербургскаго Старожила“ сообщеніемъ довольно курьезнаго свѣденія объ этомъ потомкѣ знаменитаго, въ своемъ родѣ, Ивана Семеновича Брызгалова, — Павла Ивановича, недавно, въ началѣ 70-хъ годовъ, проживавшаго еще въ 9-й улицѣ Песковъ, въ маленькомъ деревянномъ домѣ, на заднемъ дворѣ. Этотъ уродливый субъектъ, повидимому, заразился отъ безцѣннаго своего папашеньки различными самодурствами, къ числу какихъ безспорно принадлежала его страсть къ собакамъ. Павелъ Ивановичъ держалъ пять довольно невзрачныхъ собакъ, которыхъ онъ пріобрѣлъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отъ наслѣдника одного шарманщика-итальянца, въ ту пору умершаго и оставившаго всѣхъ этихъ четвероногихъ танцоровъ своей малолѣтней (лѣтъ 15 однако) дочери, которая, распродавъ шарманку, собачонокъ, китайскія тѣни, „Петрушку“ съ компаніею кукольныхъ комедіянтовъ и пр., вышла замужъ за какого-то фабриканта надгробныхъ памятниковъ, кажется, около Волкова кладбища.

Дормидонъ Селифонтьевичъ, про котораго можно сказать безошибочно, что „на ловца звѣрь бѣжитъ“, какъ-то умудрился, найдя какой-то, болѣе или менѣе, основательный предлогъ,—навѣстить этого чудака Брызгалова № 2, у котораго онъ нашелъ пять собакъ, ублюдковъ изъ шпицевъ, мосекъ, штриксовъ и дворняшекъ,—одѣтыхъ въ тѣ костюмы, какіе имъ были присвоены прежнимъ ихъ владѣльцемъ-воспитателемъ. Такъ

одна была въ свѣтло-голубомъ фракѣ, жолтыхъ штанахъ и красномъ жилетѣ, другая въ сѣрой блузѣ и полосатыхъ штанахъ, третья въ какомъ-то бархатномъ на манеръ французскаго кафтанѣ, вышитомъ шелками и блестками, четвертая въ преогромныхъ фижмахъ, робронѣ и парикѣ круто завитомъ, пятая въ шляпкѣ-колескѣ и капотѣ дамскихъ, какіе были въ модѣ въ тридцатыхъ годахъ у насъ, въ Петербургѣ. Хозяйка квартиры, занимаемой этимъ головастикомъ съ обручевидными ногами, разумѣется, не даромъ, а за деньги, „на кофе“, поставила Дормидона Селифонтьевича въ возможность видѣть слѣдующую прекурьезную сцену. Павелъ Ивановичъ съ своими колесовидными, круглыми ногами, усаживался на низенькій табуретикъ почти по турецки; а на подобные же пять табуретиковъ, разсаживались его костюмированныя собаки, которыя носили различныя названія: „Милитриса Кирбитьевна“, особа въ робронѣ; „Маланья Сидоровна“—та, что въ шляпкѣ-колескѣ и капотѣ; „Елизаръ Естифеичъ“ въ голубомъ фракѣ; „Пахомушка“ въ сѣрой блузѣ и „баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ фон-Кампенгаузенъ“ въ бархатномъ французскомъ кафтанѣ. Посрединѣ стоялъ небольшой низкій столъ, и на немъ шесть приборовъ, одинъ для Павла Ивановича и пять для его гостей, съ которыми, хватая руками, а гости зубами, онъ уписывалъ, какъ видѣлъ Дормидонъ Селифонтьевичъ, цѣлое блюдо студня, только что принесеннаго изъ лавочки, откуда Павелъ Ивановичъ еще, какъ говорила его хозяйка, забираетъ для себя и своихъ столовальниковъ ту вареную говядину, которая въ мелочныхъ лавочкахъ „для бѣдняковъ“ продается по 5 коп. фунтъ.

Во время одной изъ прошлыхъ масляницъ Дормидонъ Селифонтьевичъ уговорилъ меня ѣхать съ нимъ въ общественныхъ саняхъ, ходящихъ какъ дилижансы отъ

Гостинаго Двора къ Александровской Мануфактурѣ, на такъ называемую *„Стеклянку“*, гдѣ на одномъ частномъ стеариновомъ заводѣ служилъ кассиромъ и бухгалтеромъ гостепріимный хлѣбосолъ, въ своемъ родѣ чудакъ; онъ чуть ли не 25 лѣтъ безвыѣздно живетъ на этомъ заводѣ и никогда, съ момента своего опредѣленія на службу при стеариновомъ заводѣ, не бывалъ въ другихъ частяхъ столицы. Хозяинъ завода высоко цѣнилъ такую усидчивость своего „чудака“-подчиненнаго и предоставлялъ ему прекрасное помѣщеніе, гдѣ нашъ оригиналъ жилъ припѣваючи съ коллекціею различныхъ болѣе или менѣе рѣдкихъ и курьезныхъ вещей и вещицъ, собранной имъ въ разное время втеченіи 40 или болѣе лѣтъ.

Такъ, мое вниманіе, по указанію Дормидона Селифонтьевича, обратила на себя, между прочими, литографированная картинка, изображавшая какого-то сутуловаго старика, обращеннаго къ зрителю спиною, такъ, что лица вовсе не было видно. Старикъ этотъ, повидимому, изображенный прогуливавшимся на Адмиралтейской площади (потому что виднѣлся вдали всѣмъ намъ столь знакомый золотой адмиралтейскій шпицъ) поражалъ своимъ костюмомъ, современнымъ царствованію императора Павла Петровича, когда на петербургскихъ улицахъ никого нельзя было видѣть иначе, какъ въ длинноломъ, прусской формы, мундирѣ, ботфортахъ и въ огромной треугольной шляпѣ съ галуномъ, съ шнуркомъ или безъ всякаго украшенія, смотря по рангамъ. На этомъ „спинномъ“ портретѣ длиннѣйшая до таліи коса тянулась во всю широкую спину, перевязанная лентою, и составляла принадлежность бѣлонапудреннаго парика съ эль-депижонами“ (ailles de pigeon). Вся картина нарисована необыкновенно бойко и размашистымъ карандашемъ, повидимому, принадлежавшимъ далеко не дюжинному художнику. Подпись была такая: „A. Orlowsky, delineavit,

1818 anno, St. Petersbourg“ (А. Орловскій, рисовалъ въ 1818 году. С. Петербургъ). Это былъ литографированный рисунокъ бойкаго изъ бойкихъ карандаша извѣстнаго и даже знаменитаго нѣкогда художника-рисовальщика Орловскаго, который послѣ себя оставилъ, кромѣ множества картинъ батальной живописи, не мало эскизовъ съ изображеніями нашей русской тройки во всевозможныхъ позахъ, а также различныхъ вѣрныхъ типовъ русскихъ солдатъ, черкесовъ, казаковъ, башкиръ и пр. въ поэтичныхъ и драматизированныхъ сценахъ военныхъ, степныхъ, горныхъ и такъ далѣе. Подъ этимъ „спиннымъ“ портретомъ была сдѣлана такая надпись на особомъ ярлыкѣ: *„всѣмъ въ Петербургѣ извѣстный малиновый мундиръ временъ павловскихъ, коса котораго лучше его рожи изображаетъ его персону.“*

Съ этою же подписью, какъ объяснилъ мнѣ владѣлецъ картинки, въ 1818 году явился этотъ портретъ въ книжной лавкѣ тогдашняго книгопродавца Заикина, по Садовой, противъ зеркальной линіи Гостиннаго двора. Этотъ „спинной“ портретъ полюбился публикѣ, особенно за забавную надпись, къ нему сдѣланную, которую, будто бы, придумалъ извѣстный острякъ того времени, князь Василій Прокофьевичъ Мещерскій, и вотъ покупатель началъ, какъ выражается наше рыночное купечество, клевать, да поклевывать товаръ. Картинка со „спиннымъ“ портретомъ шла съ рукъ не хуже иного *„Сонника“*, *„Пѣсенника“* или тогдашняго моднаго романа г-жи Радклифъ съ различными таинствами и убійствами. Дядѣ нынѣшняго владѣльца этого „спинного“ портрета съ странною подписью, удалось пріобрѣсти экземпляръ въ самомъ началѣ появленія портрета въ продажѣ. Когда же онъ захотѣлъ, спустя нѣсколько дней, пріобрѣсть другой такой же экземпляръ, то уже съ этою курьезною подписью не нашелъ; а узналъ только слѣдующую легенду отъ бывшаго въ тѣ

времена приказчикомъ или, какъ онъ самъ себя величалъ „подручникомъ“ „въ молодцахъ“ у Заикина, который недавно года три, четыре еще торговалъ на бывшемъ Апраксинскомъ, что нынѣ Маріинскій, рынкѣ, Степана Дмитріевича Тихобразова. Эту легенду, пока мы уписывали блины, нашъ хозяинъ передалъ слѣдующими словами:

— Вотъ они-то, книжники-фарисеи, изволите видѣть, эту самую картинку и выставили въ рамочкѣ за стекломъ даже у самаго входа въ лавку на стѣнѣ, чтобы, извѣстное дѣло, больше приманивать публику, и, ужь правду сказать, какъ говорилъ мнѣ покойникъ-дядюшка, отъ котораго я портретъ этотъ унаслѣдовалъ, приманка въ прокъ пошла: у лавки всегда стояла толпа, и изъ толпы нѣтъ, нѣтъ, да и вывернется кто картинку покупать; иные просто говорили: „Подай-ка Брызгалова въ его малиновомъ мундирѣ“. Синюшки, да серебряные круглячки такъ и летѣли къ намъ на выручку за стойку. Хозяинъ лавки Иванъ Матвѣевичъ самодовольно поглаживалъ свою сивую бороду, а сыновья его, Матвѣй да Михаилъ Ивановичи, также успѣху такому отъ души радовались. Но не попусту, видно, говоритъ русская пословица: „рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла“,—не много дней мы такъ поторговали этою литографіею, которую на камнѣ рисовалъ и печаталъ въ ту пору извѣстный и почти единственный тогдашній литографъ Беггровъ Сдѣдъ нынѣшняго владѣльца великолѣпнаго на Невскомъ проспектѣ художественнаго магазина). Какъ вдругъ въ одинъ день толкнулся къ Заикинымъ въ лавку оригиналъ „спинного“ портрета, самъ Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ, съ лицомъ краснымъ, раскраснымъ, и азартно машетъ своею почти саженною тростью съ серебряннымъ набалдашникомъ и съ золотымъ темлякомъ съ кистями. Изругалъ хозяевъ и прикащиковъ всяческими поскудными

и непотребными словами (въ тѣ патріархальныя времена вѣдь за тычкомъ и за крѣпкимъ словцомъ мелкая сошка не гналась, такъ какъ никакихъ мировыхъ судей и въ поминѣ не было), требуя, чтобы Заикины портрета этого съ оскорбительною для его высокородія подписью не продавали, а спрятали бы и запечатали бы всѣ экземпляры, такъ какъ онъ на рисовальщика, „проклятаго ляха“ Орловскаго челобитную подаетъ и судомъ на немъ искать будетъ. Хозяинъ книжной лавки, Иванъ Матвѣевичъ, и сыновья его и туда и сюда, объясняютъ его высокородію — (онъ, изволите видѣть, при первомъ входѣ въ лавку, громогласно заявилъ, что онъ въ рангѣ бригадирскомъ, что, впрочемъ, и по кокардѣ и по витушкамъ на его треуголкѣ на видъ всѣхъ и каждаго обозначалось,)— что это не ихъ, Заикиныхъ, а художникова собственность. „Знать ничего не хочу, кричалъ отчаянный старикъ, да тростищей-то своей такъ и помахиваетъ,—знать не хочу. Говорятъ, ему покровительствуетъ самъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Но его императорское высочество, сынъ своего безсмертнаго родителя, и, конечно стараго слугу его, вѣрою и правдою служившаго и за подъемными мостами Михайловскаго замка смотрѣніе имѣвшаго, въ посмѣяніе и обиду всякому прощалыгѣ полячишкѣ дать не изволитъ... не дастъ ни за что на свѣтѣ! Несите мнѣ всѣ экземпляры этого проклятаго портрета, да и тотъ выньте, что у васъ за стекломъ на стѣнѣ! Картузной бумаги, голландскихъ нитокъ, сургучъ, свѣчу съ огнемъ давайте! Я моею печатью припечатаю все это и никто не смѣй касаться! Межъ тѣмъ я подамъ челобитную и поведу дѣло процеснымъ порядкомъ за оскорбленіе“. Нечего было дѣлать; Заикины подали крикливому ругателю, высокородному бригадиру, все, что онъ требовалъ, а онъ, когда налилъ на тюкъ сургуча, то повернулъ тростищу свою набалдашникомъ внизъ,

и какъ на этомъ набалдашникѣ была вырѣзана какая-то печать—не то гербовая, не то произвольная, съ надписью въ полукружіи: „Строгое Правосудіе“, то этою печатью въ трехъ мѣстахъ припечаталъ тюкъ и тотчасъ ушелъ, обязавъ всѣхъ хозяевъ и прислугу клятвою передъ образами не смѣть трогать печатей. Заикины, правда, вовсе и не трогали этихъ печатей; но лишь только онъ изъ дверей вышелъ, хозяинъ тотчасъ и велѣлъ Степану Дмитріевичу сѣсть на извощика и скакать въ мраморный дворецъ къ самому художнику, къ господину Александру Казиміровичу Орловскому. Засталъ это Степанъ Дмитріевичъ Орловскаго, одѣтаго, какъ всегда дома, по черкески съ кинжаломъ у пояса, въ его мастерской за живописаніемъ какой-то картины, сраженія что-ли или враки нашихъ казаковъ съ какими-то тамъ лезгинами. *) Степанъ Дмитріевичъ все, какъ было, объяснилъ Александру Казиміровичу и сказалъ, что хозяинъ, Иванъ Матвѣевичъ, купецъ Заикинъ, вѣдь не смѣетъ печатей, наложенныхъ бригадиромъ Брызгаловымъ, снять. Живописецъ Орловскій въ 1818 году былъ еще молодой человѣкъ высокаго, даже ужасно высокаго роста, смуглый, черноглазый и силы голіафовской. Онъ всталъ во весь свой ростище, гаркнулъ на Степана Дмитріевича, обругалъ болванами, т. е. ихъ всѣхъ, и хозяевъ его, и его самого, сбросилъ съ себя все свое черкесское домашнее одѣяніе, да и сталъ повязывать себѣ галстухъ и одѣваться въ обыкновенное статское платье. Степанъ Дмитріевичъ было, знаете, сталъ откланиваться и хотѣлъ ужь на утеч-

*) Здѣсь въ разсказѣ введены подробности относительно знаменитаго въ тѣ времена художника Орловскаго,—подробности, можетъ быть, не вполнѣ здѣсь къ дѣлу идущія, но со всѣмъ тѣмъ интересныя, которыя довольно рельефно живописуютъ весьма не дюжинную личность Орловскаго, который самъ по части самодурства и эксцентричности можетъ занять видное мѣсто

Кас. Кас.

ку: мое, то есть, дѣло сторона. „Нѣтъ, постой, гаркнулъ Орловскій,—постой. Мы вмѣстѣ сію минуту поѣдемъ къ Ивану Савичу, къ генералу Горголи. Ты мнѣ необходимъ, какъ свидѣтель самоуправства этого дурака Брызгалова, этого шута гороховаго. Я дамъ ему знать, старому беззаконнику! Вздумалъ запечатывать, арестовывать мои работы!.. Да кто же смѣетъ до нихъ касаться?.. Самъ Цесаревичъ, самъ Императоръ ихъ цѣнятъ и уважаютъ!“ Пока Орловскій одѣвался при помощи двухъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ желтолицый, узкоглазый, широкорылый калмыкъ въ своемъ одѣяніи, а другой, какъ смоль, черный-пречерный арапъ въ какихъто шальварахъ, куртклѣ и чалмѣ,—Степанъ Дмитріевичъ, какъ самъ разсказывалъ, пялилъ глаза на разныя чудеса въ залѣ, гдѣ за минуту передъ тѣмъ живописалъ и гдѣ теперь ужь одѣвался Орловскій. Чего, чего тутъ не было: всѣ стѣны покрыты были картинами, писанными масляными красками, а въ промежуткахъ картинъ: латы, шишаки, бердыши, мечи, кинжалы, копья, колчаны, стрѣлы, луки, ружья, пистолеты, сѣдла, чепраки, сбруя; а по полу разставлены всякія статуи на подставкахъ, да на столбахъ, и тутъ же чучелы, словно живыя, всякихъ заморскихъ звѣрей, львовъ, тигровъ, кабановъ. И между всѣми этими чучелами лежали тутъ на сафьянныхъ тюфякахъ три большущія-пребольшущія сабачищи,—тѣ, что нынче въ такой модѣ и называются „Сентбернардскими“,—которыя въ швейцарской землѣ, на снѣговой бѣлой горѣ, при монастырѣ состоятъ и помощь свою разнымъ погибающимъ въ снѣгахъ подаютъ (Въ тѣ времена за полстолѣтія до нашего времени въ Петербургѣ эти собаки были еще великою рѣдкостью). Ихъ г. Орловскій привезъ изъ Швейцаріи и смертъ какъ любилъ этихъ разумныхъ животныхъ. Онъ съ этими собачищами на какомъ-то иностранномъ языкѣ разговаривалъ, и онѣ, собачищи, съ

добраго теленка ростомъ, его понимали, словно люди: трубку это одна, другая кисетъ съ табакомъ, третья огнивцо ему подавали, забавныя, право, такія. Затянулся это г. Орловскій разъ нѣсколько турецкимъ душистымъ табакомъ, и, посадивъ Дмитріевича съ собою въ экипажъ, поѣхалъ къ тогдашнему оберъ-полиціймейстеру, генералу Ивану Савичу Горголи. То былъ изъ себя генералъ ражій, какъ лунь бѣлый, привѣтливый и на словахъ мягкій и учтивый со всякимъ, а въ дѣлѣ строгій, не любилъ никакихъ потачекъ. Онъ родомъ былъ изъ грековъ, и хотя тогда былъ уже не молодъ, но очень прытокъ и ловокъ. За тѣмъ, какъ сказывали мнѣ знакомые въ кварталѣ нашемъ, каждый день бралъ ледяную ванну и тотчасъ послѣ ванны, едва одѣвшись на скорую руку, ран нимъ-ранехонько изъ большой Морской бѣжалъ пѣшкомъ на Васильевскій островъ въ жё-дё-помъ въ саду перваго кадетскаго корпуса, играть въ мячь съ кадетами, словно парнишка какой нибудь. Господинъ художникъ Орловскій съ генераломъ Горголи что-то по французскому переговорили; меня потомъ генералъ спросилъ, какъ дѣло было, и когда я все передалъ, его превосходительство изволилъ засмѣяться и сказалъ: „Ну сегодня же у васъ надзиратель Щеголевъ печати сниметъ; а все-таки пока что, на выставку портрета этого не допускать, а продавать его можете всякому, кто спрашивать станетъ?“ И впрямь часа такъ черезъ три, что ли, надзиратель, титулярный совѣтникъ Щеголевъ, тотъ, что потомъ частнымъ былъ на Петербургской сторонѣ (младшій сынокъ его служа артиллеріи прапорщикомъ, отличіе совершилъ въ Одессѣ, въ 1854 году) прилетѣлъ къ намъ на своемъ рысакѣ въ легкомъ экипажѣ и снялъ печати, наложенныя чудодѣемъ Брызгаловымъ съ тюка, заключавшаго сотни двѣ или три экземпляровъ злосчастнаго портрета, который опять долженъ былъ идти, подъ сур-

динкой, въ продажу. Вдругъ въ это самое время, какъ полиція распоряжалась въ лавкѣ Заикиныхъ, вбѣжалъ въ нее опять безпардонный бригадиръ, уже исправно подпивши. Онъ поднялъ гвалтъ такой, что хоть святыхъ выносить. Квартальный чиновникъ Щеголевъ, дѣтина роста удивительнаго, сухой, какъ вяленая треска, желтый, черномазый и серьезный баринъ, объясняетъ ему, что печати его онъ снялъ въ силу даннаго ему предписанія отъ его превосходительства г. оберъ-полиціймейстера, и при этомъ самую бумагу развертываетъ. Куда! Бригадиръ знать ничего не хочетъ и кричитъ благимъ матомъ, что де онъ зналъ коротко оберъ-полиціймейстера генерала Эртеля, а Ивана Саввова сына, Горголи, что изъ какой-то греческой стороны выѣхалъ, знать не хочетъ и никогда ему никакого уваженія не учинитъ. Щеголевъ его уговариваетъ да умасливаетъ, а тотъ еще пуще кипятится и кричитъ, что самъ Царь-батюшка его знаетъ и въ память его вѣрной кастелянской службы ежегодно ему изъ собственнаго кабинета мундиръ шитый по павловской формѣ отпускаетъ, почему онъ, бригадиръ Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ, и требуетъ, чтобы этотъ пасквильный портретъ былъ отобранъ въ лавкѣ, а чтобъ хозяинъ былъ обязанъ подпиской того портрета не продавать до окончанія дѣла судомъ. Чтобы прекратить скандалъ, такъ какъ у дверей лавки собралось народу видимо-невидимо, какъ ни хлопотали и ни надрывались городовые и будочники, Щеголевъ рѣшился дать Заикину росписку въ полученіи отъ него полностью такого-то количества экземпляровъ портрета и вмѣстѣ со всею кипою и съ бригадиромъ Брызгаловымъ отправился на своихъ дрожкахъ къ оберъ-полиціймейстеру. Что тамъ было, Степану Дмитріевичу не вѣдомо; но недѣли черезъ двѣ Заикины отъ художника Орловскаго снова получили этотъ портретъ въ гораздо большемъ еще коли-

чествѣ экземпляровъ, но съ зачерненною уже совершенно насмѣшливою подписью. Потому-то этотъ экземпляръ, что теперь вы, господа, изволите видѣть, составляетъ одну изъ замѣчательныхъ и достойныхъ полнаго вниманія рѣдкостей и, конечно, я, въ качествѣ собирателя или коллектора всего сколько нибудь необыкновеннаго, ни за какія деньги не уступлю этого портрета, который, впрочемъ, и безъ этой подписи въ теперешнее время, какъ всѣ произведенія бойкаго карандаша знаменитаго Орловскаго, отъискивается не легко. Впрочемъ, кромѣ этой вещицы, могу, говоря о Брызгаловѣ, похвалиться вамъ однимъ подлиннымъ его автографомъ, переданнымъ мнѣ недавно, по благосклонному расположенію ко мнѣ, А. П. У***вымъ, въ домашнемъ архивѣ котораго автографъ этотъ находился болѣе сорока пяти лѣтъ. Но прежде чѣмъ дать вамъ на разсматриваніе, я вамъ, Касьянъ Касьяновичъ, продиктую этотъ автографъ, свидѣтельствующій, съ одной стороны, о безграмотности Брызгалова, почему попрошу васъ въ копіи сохранить его орфографію, а съ другой, о томъ, что въ 1829 году, къ которому относится этотъ документъ, т. е. за 11—12 лѣтъ до своей смерти, — почтеннѣйшій бригадиръ, по видимому, былъ близокъ къ помѣшательству, въ какомъ, можетъ быть, отчасти и прежде находился. Во время первой турецкой кампаніи, Брызгалову, изволите видѣть, пришла мысль устроить ни болѣе, ни менѣе, какъ крестовый походъ Россіи противъ Турціи для отвоеванія Гроба Господня. Чтобы имѣть для этого личную аудіэнцію у императора Николая Павловича, Брызгаловъ нашелъ цѣлесообразнымъ обратиться съ письменною просьбою къ А. П. У—ву, тогдашнему адъютанту великаго князя Михаила Павловича, весьма юному, восемнадцатилѣтнему гвардейскому подпоручику, который до нынѣ владѣлъ этимъ курьезнымъ автографомъ, напе-

чатаннымъ извѣстнымъ „Петербургскимъ Старожиломъ“ В. П. Б—вымъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 1873 года (№ 85). При этомъ достойно вниманія, что Брызгаловъ въ 1829 году, повидимому, надоѣвшій всѣмъ своимъ прежнимъ покровителямъ, изъ которыхъ большую часть пережилъ, и встрѣчая вездѣ крѣпко запертыя, отъ своей персоны, двери,—рѣшился au pis aller, обратиться къ почти незнакомому ему юному офицеру единственно потому, что этотъ юноша, какъ сынъ одного изъ высшихъ придворныхъ чиновъ восемнадцатаго вѣка, будучи ребенкомъ, жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, въ огромной казенной квартирѣ своего родителя этажемъ выше надъ квартирою, занимаемою оберъ-гофъ-фурьеромъ и кастеляномъ внутреннихъ дворовъ замка Брызгаловымъ.

Передаю это странное письмо, сохраняя оригинальную орфографію подлинника:

„Милостивый мой государъ Алексѣй Павловичъ!—Напоминаю вамъ о общемъ нашемъ житіи въ именовавшемся Михайловскомъ замке, и посему знакомству (знакомству съ четырехлѣтнемъ младенцомъ, какимъ юный офицеръ былъ въ 1829 году) и по особой пріязни вашей и вашего родителя мне оказываемыхъ, покорнѣйше васъ прошу попросить вашего родителя, чтобъ онъ принялъ бы на себе принять отъ меня на письмѣ прожектъ о составленіи полка и вручить его Государю Императору стемъ чтобъ упросить Его Императорское Величество, дабы всемилостивѣйше соизволилъ удостоить принять меня лично для пополненія словесно о важнѣйшихъ обстоятельствахъ всему прожекту принадлежащихъ, а полкъ сей столь важенъ, что приведетъ къ удивленію весь свѣтъ по примѣру бывшихъ Крестовыхъ походовъ, а втаперешнее время таковой полкъ очинь, очинь надобенъ. Я вамъ объ немъ скажу каротко. 1-е въ семъ полку будетъ 12 хоругвь во имя спасителя нашего сына Бо-

жія Іисуса христа и Пречистыя Богородицы и Архангела Михаила и Святаго Николая Чудотворца! и протчихъ святыхъ 12 избранныхъ, а во всемъ полку назначено быть строевыхъ чиновъ: генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и унтеровъ и рядовыхъ строевыхъ 34,356 человѣкъ, нестроевыхъ разныхъ чиновъ 7,191 человѣкъ, поповъ всякихъ и протчаго духовенства 192, лекарей и медицинскихъ чиновъ 77, при 12 госпиталяхъ разныхъ чиновъ 1,074 мастеровыхъ 4,320; при обозе разныхъ чиновъ 5,020, да деньщиковъ и для ношенія офицерскихъ ружей и для сбереженія офицеровъ вмѣсто караула (???)—оруженосцевъ, всѣхъ 4,217 человѣкъ и всехъ на все составитъ 52,176 человѣкъ и всемъ имъ назначены должности и жалованья, толко надобно выбрать такихъ воиновъ, которые прежде были въ сраженіяхъ; а главнокомандующаго надобно избрать самому Августѣйшему Монарху, а мое мненіе приличнѣе быть Герцогу Винтенбергскому, онъ важнѣйшій инжиниръ и матиматекъ; я совѣтую и вамъ не упускать сего случая просить герцога чтобъ онъ удостоилъ васъ принять къ себѣ въ число своихъ генералъ-адъютантовъ, а я вамъ своихъ двухъ сыновъ поручу, пущай идутъ свами въ Іерусалимъ, выгоняютъ Турковъ и зо всеи Греціи. Пожалуйста молодой воинъ не смѣйтесь сему моему предназначенію ибо оная располагается на Божіе провиденіе, Богъ самъ содевствуетъ навойнѣ, и если бы благоугодно было Государю Императору сей полкъ сформировать, то я надѣюсь на Божію помощь, что сей полкъ перешелъ бы и горы Балканскія. Еслибы только не было измены; но прежди времени ни надо много говорить, и васъ всепокорнейше прошу окроме вашего любезнѣйшаго радителя никому о семъ ни сказать, Я вамъ за важный сикретъ сіе ввиряю. Пожалуйте, поприлежнѣе попросите вашего родителя что бы онъ соизволилъ хотя

словами прежде о семъ моемъ прожектѣ доложить Государю Императору и что соизволитъ отозватца о томъ пожаловать мне чрезъ васъ сказать. Въ протчемъ съ отличнымъ моимъ къ вамъ усердіемъ имею честь быть вашъ милостиваго государя моего

покорный слуга *Іоаннъ Брызгаловъ*.

сего 19 марта
1829 года".

Прежде чѣмъ совершенно кончить эту монографію о Брызгаловѣ, считаю не лишнимъ сказать, что одинъ изъ тѣхъ псаломщиковъ, который участвовалъ съ прочимъ священствомъ при отпѣваніи тѣла бригадира Іоанна Брызгалова, положеннаго въ 1841 году въ гробъ въ томъ самомъ малиновомъ мундирѣ, къ какомъ его всегда всѣ видѣли при жизни,—разсказывалъ своимъ знакомымъ, что въ квартирѣ Брызгалова было нѣсколько какъ большихъ, такъ малыхъ портретовъ, бюстовъ и статуй и статуэтокъ Императора Павла Петровича въ различныхъ видахъ и формататахъ, одинъ же миніатюрный портретъ Павла I, писанный на слоновой кости, былъ, согласно съ духовнымъ завѣщаніемъ покойнаго Брызгалова, положенъ съ нимъ въ гробъ.

Больше того, что здѣсь мною разсказано о Брызговѣ, просамодурствовавшемъ безвыѣздно 40 лѣтъ въ столицѣ—я никакъ не могъ нигдѣ отыскать; но полагаю, что въ архивахъ: Михайловскаго дворца, кабинета Государя Императора, канцеляріи бывшихъ генералъ-губернаторовъ и оберъ-полиціймейстеровъ, а отчасти въ нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ, можно найти массу матеріаловъ для жизнеописанія этой курьезной личности.

IV.

БОЯРСКІЙ ПИРЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

За Пороховыми заводами, верстахъ въ 15-ти отъ Петербурга, есть мыза Рябова. Не знаю, кому она нынче принадлежитъ да и мой почтенный знакомый, сообщающій мнѣ подробности о петербургской старинѣ, Дормидонъ Селифонтьевичъ, не бывшій въ тѣхъ краяхъ ужс больше 25 лѣтъ,—затрудняется сообщить мнѣ объ этомъ сколько нибудь обстоятельно. Онъ только сказывалъ мнѣ, что въ настоящее время это, нѣкогда великолѣпное, Рябово представляетъ, какъ и весьма многія недвижимыя собственности тароватыхъ представителей былого русскаго барства, однѣ лишь печальныя развалины того великолѣпнаго, голландско-англійскаго хозяйства, какое въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія существовало здѣсь по волѣ владѣльца мызы, блестящаго и великолѣпнаго *петербургскаго креза* Всеволода Андреевича Всеволожскаго. И теперь еще можно

видѣть здѣсь слѣды этихъ непроизводительныхъ агрономическихъ затѣй. И теперь еще можно отыскать здѣсь остатки не вполнѣ заросшихъ и не совсѣмъ еще засыпавшихся каналовъ, водоемовъ, водопроводовъ; полуразрушенныхъ, нѣкогда прочно выстроенныхъ великолѣпныхъ мельницъ и заводовъ, вростающихъ въ землю когда-то изящныхъ дворцовъ съ оранжереями и густыми какъ подстриженными, французскими Ленотровскими, такъ и величественными англійскими садами. Все это мертво и уныло, и напоминаетъ собою только тотъ непрочный блескъ, который, по прихоти означеннаго русскаго богача съ свѣжими традиціями XVIII вѣка и чисто Потемкинскими пошибами, стоилъ многихъ милліоновъ рублей, безполезно погребенныхъ во всѣхъ этихъ памятникахъ былой роскоши и былого великолѣпія.

Мой нетербургскій чичероне, „старосвѣтскій Петербуржецъ“, какъ онъ самъ себя величаетъ, Дормидонъ Селифонтьевичъ, сказалъ мнѣ на мой вопросъ объ исторіи Рябова и о біографіи знаменитаго нѣкогда *петербургскаго креза*, т. е. Всеволода Андреевича Всеволожскаго, что, какъ на то, такъ и на другое, отвѣтъ очень обстоятельный я могу найти въ журналѣ Павла Петровича Свиньина „Отечественныя Записки“ 1822 года, равно какъ въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара, еще въ нѣкоторыхъ старинныхъ описаніяхъ Петербурга и его окрестностей, изданныхъ въ началѣ и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

— Да, но все это надобно отыскивать не иначе, какъ въ Публичной Библіотекѣ, замѣтилъ я.—Но вы видите, меня докторъ заарестовалъ, покрайней мѣрѣ, недѣли на двѣ и я не могу теперь воспользоваться вашими указаніями для собранія необходимыхъ матеріаловъ.

— Ну вижу, вижу, засмѣялся своимъ добрымъ, нѣсколько старческимъ и шамкающимъ смѣхомъ Дормидонъ

Селифонтьевичъ,—что надо потѣшить болящаго. Ладно, завтра доставлю вамъ, Касьянъ Касьяновичъ, все, что есть въ моей агендѣ объ этомъ предметѣ, какъ въ смыслѣ историческомъ, такъ біографическомъ. Все это взято мною цѣликомъ изъ тѣхъ источниковъ, какіе я сейчасъ вамъ назвалъ и въ которыхъ вамъ, кажется, нѣтъ ни малѣйшей охоты порыться самимъ. А еще, куда ужь ни шло, прибавлю ко всему этому копію, мною снятую, давнымъ давно, съ описанія *трехдневнаго праздника*, бывшаго въ Рябовѣ, въ октябрѣ 1822 года, по случаю дня рожденія его владѣльца, Всеволода Андреевича Всеволожскаго, о которомъ справедливо можно было сказать вмѣстѣ съ Павломъ Михайловичемъ Фамусовымъ: „Что за тузы въ столицахъ нашихъ живутъ и умираютъ!“ Описаніе это было сдѣлано моимъ дядею, въ тѣ поры очень еще молодымъ человѣкомъ. Онъ самъ присутствовалъ на этомъ веселомъ праздникѣ и, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего, что онъ тамъ видѣлъ, описалъ во всѣхъ подробностяхъ этотъ трехдневный праздникъ. Тогдашній публицистъ, любившій, какъ самъ онъ сознался, „все прикрасить“, Павелъ Петровичъ Свиньинъ, имѣвшій еще слабость загребать жаръ чужими руками или, какъ говорятъ французы, таскать изъ печи каштаны лапками кошки, а иногда позволявшій себѣ, безъ всякой церемоніи, присвоивать своему перу все, что плохо лежало, присвоилъ себѣ описаніе рябовскаго праздника, сдѣланное моимъ дядей и оно, къ удивленію автора, *почти все*, попало въ „Отеч. Записки“ 1822 года; исключены были нѣкоторыя подробности и, конечно, тотъ разсказъ, въ которомъ фигурировалъ самъ Павелъ Петровичъ Свиньинъ, послужившій предметомъ насмѣшки для Ивана Андреевича Крылова.

Я, разумѣется, поблагодарилъ почтеннаго Дормидона Селифонтьевича и на другой день получилъ толстый

свертокъ, въ которомъ заключались всѣ обѣщанные матеріалы.

Я принялся внимательно читать всѣ эти бумаги и нашелъ ихъ очень интересными, въ особенности описаніе *трехдневнаго праздника съ боярскимъ закальцемъ*, какъ отмѣтилъ карандашемъ на полѣ своей копіи почтеннѣйшій мой благопріятель Дормидонъ Селифонтьевичъ. Отъ нечего дѣлать прочитавъ все это еще разъ, я принялся за механическую работу списыванія всего, что заключалось въ этихъ бумагахъ, измѣняя мѣстами, гдѣ было нужно, текстъ, по моему усмотрѣнію снабжая его различными коментаріями.

„Рябово“ имѣетъ свою сто шестидесятилѣтнюю исторію. Во времена Петровскія рябовское имѣніе состояло изъ 20.000 десятинъ земли и къ нему приписано было болѣе 400 душъ русскихъ крестьянъ, переселенныхъ изъ внутреннихъ губерній. Петръ I подарилъ это имѣніе своему знаменитому любимцу Данилычу, т. е. фельдмаршалу князю Александру Даниловичу Меньшикову. Въ исторіи русскаго раскола можно найти свѣденіе, что въ Рябовѣ нѣкогда укрывались отъ преслѣдованія правительства послѣдователи Федосѣевской секты. Когда впослѣдствіи всѣ имѣнія и имущества Меньшикова были конфискованы въ казну, Императрица Анна Іоанновна подарила Рябово своему любимцу Бирону. Послѣ паденія Бирона, мыза Рябово переходила изъ рукъ въ руки къ разнымъ владѣльцамъ, къ Мордвинову (отцу адмирала, сдѣлавшагося впослѣдствіи графомъ, Николая Семеновича), къ барону Фридрихсу, Эртелю (петербургскому оберъ-полиціймейстеру конца XVIII и начала XIX вѣка), наконецъ, госпожѣ Толстой, отъ которой въ 1818 году куплено было извѣстнымъ тогда во всей Россіи и даже въ Европѣ богачемъ, дѣйствительнымъ камергеромъ, Всеволодомъ Андреевичемъ Всеволожскимъ,

заслужившимъ въ столицѣ вообще и при дворѣ прозвище *петербургскаго креза*.

Новый владѣлецъ Рябова, при всей своей эксцентричности, былъ человѣкъ, во многихъ отношеніяхъ опередившій свой вѣкъ. Всеволодъ Андреевичъ, старинный русскій баринъ, былъ сынъ послѣдняго пензенскаго воеводы, погибшаго на службѣ въ пугачевщину. Въ первой молодости онъ служилъ въ военной службѣ офицеромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка — въ конной гвардіи, какъ говорилось во времена Императрицы Екатерины II. Всеволожскихъ было нѣсколько братьевъ, но Всеволодъ отличался между ними необыкновенною дѣятельностью, быстротою соображенія и образованіемъ, по тогдашнему, чисто французскаго склада. Его очень полюбилъ его дядя, бездѣтный, богатый старикъ, сенаторъ Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій; умирая, старикъ, не оставивъ ничего другимъ своимъ племянникамъ, завѣщалъ Всеволоду Андреевичу все свое огромное пермское имѣніе съ его знаменитыми и тогда славившимися желѣзодѣлательными заводами. Само собою разумѣется, что умный молодой владѣлецъ громаднаго состоянія, не остановившійся промѣнять жизнь блестящаго гвардейца въ столицѣ, на болѣе существенную жизнь хозяина заводчика, помышлялъ уже и тогда о различныхъ усовершенствованіяхъ, какъ въ системѣ русскаго патріархальнаго полеводства, такъ и въ заводской производительности. Въ это время онъ женился на дочери тогдашняго астраханскаго намѣстника Бекетова, которая принесла ему въ приданое богатые промыслы, соляной и рыбный, въ пермской же губерніи. По кончинѣ тестя, отлично устроивъ свои имѣнія, Всеволодъ Андреевичъ зажилъ въ Москвѣ, водя хлѣбъ-соль со всѣмъ, что было тогда въ бѣлокаменной аристократичнаго и богатаго. Онъ сначала былъ камеръ-юнкеромъ, а вскорѣ получилъ и камергерскій ключъ, ка-

кой (весь золотой), замѣчу мимоходомъ, въ тѣ времена носился пришпиленнымъ къ огромной розеткѣ изъ голубой андреевской ленты къ одной изъ пуговицъ фрака или мундира на таліи, надъ лѣвымъ карманнымъ клапаномъ. Всеволожскій жилъ въ Москвѣ до 1812 года. Ему было тогда всего только 43 года отъ роду, но онъ, не сознавая въ себѣ никакихъ военныхъ способностей, не принялъ личнаго участія въ войнѣ за отечество, а сдѣлалъ несравненно лучше этого, поставивъ въ ряды ополченія болѣе 2,000 воиновъ и съ ними своего старшаго сына, которому тогда едва минуло шестнадцать лѣтъ; самъ же, какъ заводчикъ, устремилъ все свое вниманіе на усиленіе и улучшеніе выдѣлки оружія и артиллерійскихъ припасовъ, снабженіе которыми армій нашихъ было тогда крайне необходимо. Нѣсколько лѣтъ постоянно проведенныхъ имъ въ пермскихъ заводахъ, много способствовали къ ихъ усовершенствованію. Многія изъ его улучшеній и нововведеній принесли большую пользу, если не непосредственно тотчасъ, то впослѣдствіи. Такъ, ему обязаны устройствомъ и введеніемъ конныхъ машинъ по волжскому судоходству, извѣстныхъ подъ названіемъ „Пуадебаровскихъ“, по имени ихъ изобрѣтателя, француза Пуа-де-Бара, значительно облегчившихъ транспортировку огромныхъ каравановъ. Введенныя имъ усовершенствованія въ способахъ прохода разсолоподъемныхъ трубъ въ соляныхъ промыслахъ пермскихъ, дали способъ углубляться въ копи и достигать богатѣйшихъ разсоловъ, и впослѣдствіи даже доходить до самыхъ пластовъ каменной соли, что дало новое значительнѣйшее развитіе тамошнимъ стариннымъ солянымъ промысламъ. Въ 1815 г., гораздо прежде Берда, Всеволожскій устроилъ *первый пароходъ* въ Россіи, и, совершивъ на немъ путь изъ своихъ заводовъ до Казани, первый практически доказалъ возможность пароходства по Волгѣ. Вообще Всеволож-

скій не упускалъ изъ виду ни одной полезной отрасли отечественной промышленности. Такъ, ему Россія обязана первымъ успѣшнымъ испытаніемъ англійскаго способа выдѣлки желѣза, усовершенствованіемъ паровыхъ машинъ, введеніемъ освѣщенія газомъ, разработкою каменнаго угля въ Уралѣ, открытіемъ въ уральскихъ степяхъ золотоносныхъ розсыпей. Всѣ эти открытія и всѣ эти усовершенствованія имѣли результатомъ, кромѣ общественной пользы, также приращеніе богатства, какимъ уже владѣлъ Всеволожскій.

Но съ пріобрѣтеніемъ въ 1818 году мызы „Рябово", гдѣ Всеволодъ Андреевичъ и поселился окончательно, уже не ѣздя болѣе на свои заводы, его полезная дѣятельность начала принимать характеръ какъ-то менѣе основательный, а все болѣе и болѣе тщеславный, хотя и была, какъ всегда, постоянно проникнута чувствомъ благонамѣренности и искреннимъ желаніемъ всевозможной пользы отечеству. Въ это же время проявлялись иногда его боярскія эксцентричности въ родѣ, напримѣръ, того трехдневнаго праздника, совершавшагося у него всегда въ октябрѣ мѣсяцѣ, по случаю дня его рожденія и привлекавшаго почти все тогдашнее петербургское общество. На этотъ трехдневный праздникъ въ Рябовѣ собиралось болѣе тысячи человѣкъ, считая приглашенныхъ гостей и ихъ прислугу. Праздненство это, описанное ниже, ежегодно уносило нѣсколько сотенъ тысячъ рублей; но за то заставляло говорить о „петербургскомъ крезѣ" нѣ только весь Петербургъ и всю Россію, но,—что въ тѣ времена было вѣнцомъ торжества для русскихъ баръ,—и Парижъ.

Живя съ 1818 года въ Рябовѣ, почти безвыѣздно, и отправивъ на заводы своего старшаго сына, Всеволодъ Андреевичъ обзавелся англійскими земледѣльческими орудіями и запрягалъ ихъ англійскими рабочими конями-

великанами, повыписавъ изъ Англіи цѣлыя семьи землепашцевъ. Въ это же время онъ на рябовскихъ поляхъ ввелъ усиленную голландскую ирригацію и канализацію, надѣлавъ безчисленное множество, обложенныхъ камнемъ, канавокъ и поразбросавъ повсюду сотни легкихъ, красивыхъ мостиковъ. Все это унесло огромные капиталы безъ той выгоды, какую все это могло бы принести въ другомъ климатѣ и въ иной мѣстности. Увлекшись примѣромъ Наполеона I, который, по враждѣ къ Англіи, ввелъ у себя во Франціи (одаренной, какъ извѣстно, отъ природы превосходнымъ климатомъ и удобною почвою) свеклосахарную культуру и производство сахара, Всеволожскій, въ окрестностяхъ сырого Петербурга вздумалъ на осушенныхъ имъ болотахъ, производившихъ успѣшно только овесъ и клеверъ, разводить свекловицу (бѣлую свеклу), требующую, какъ извѣстно, умѣреннаго, нѣжнаго климата и тепло-жирнаго грунта, или наисильнѣйшаго животнаго удобренія. Превозмогая, съ усиліями, достойными лучшаго дѣла, всѣ возможныя трудности и препятствія, противупоставляемыя его капризу и своенравной эксцентричности климатомъ и почвою, зарывая въ неблагодарную землю огромные капиталы, создавая искуственные грунты, изобрѣтенные наукою, Всеволожскій дошелъ, наконецъ, до того радостнаго для него факта, что на своемъ крохотномъ, почти игрушечномъ свеклосахарномъ заводикѣ въ мызѣ Рябово фабриковалъ рафинированный свекловичный сахаръ и восхищался, какъ ребенокъ, что въ своемъ домашнемъ обиходѣ онъ уже не употреблялъ ни фунта колоніальнаго сахара. При этомъ эксцентрикъ-хозяинъ, забывалъ, или не хотѣлъ знать, что каждая голова этого *сѣвернаго сахара* обходилась такъ дорого по работѣ и по добыванію сырого матеріала, что можно было на эти деньги купить почти сотню такихъ головъ, сдѣланныхъ изъ привознаго песку. Конечно, не-

сравненно полезнѣе было бы, если бы тогда же, въ началѣ 20-хъ годовъ, Всеволожскій сталъ разводить свекловицу и строить свеклосахарные заводы, напримѣръ, въ южныхъ губерніяхъ, какъ около того-же времени началъ дѣлать это генералъ Герардъ, счастливымъ подражателемъ дѣятельности котораго былъ покойный графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій, которому благодарные сограждане недавно воздвигнули памятникъ, назначенный къ увѣковѣченію услугъ, оказанныхъ графомъ русской промышленности и русскому земледѣлію.

Убыточныя затѣи Всеволода Андреевича не всегда были безполезны. Услышавъ въ 1836-мъ году (послѣднемъ своей жизни), когда затѣвалось общество газоваго освѣщенія въ Петербургѣ, что русскіе заводчики не въ состояніи будутъ такъ дешево и хорошо отливать газопроводныя трубы для введенія газоваго освѣщенія въ Петербургѣ, какъ это дѣлаютъ англичане у себя въ Англіи, Всеволожскій распространилъ свой маленькій литейный заводъ въ Рябовѣ до того, что привелъ его въ состояніе исполнять самые большіе заказы и даже сталъ отливать трубы по рисункамъ и размѣрамъ, почитаемымъ тогда и въ Англіи за самые трудные въ исполненіи. Рябовскій заводъ въ короткое время произвелъ такое множество прекрасныхъ газовыхъ трубъ, что даже англичане увидѣли въ немъ опаснаго соперника, тѣмъ болѣе, что Всеволожскій понизилъ цѣнность своихъ издѣлій до той нормы, по какой продавали свои трубы англичане.

Всеволодъ Андреевичъ умеръ на 68-мъ году, въ Петербургѣ, послѣ жизни дѣятельной и довольно полезной; но его дѣятельность могла бы быть во сто кратъ полезнѣе, еслибъ не преобладалъ въ немъ пошибъ къ барской эксцентричности. Полезные результаты его дѣятельности обнаружились въ пермской губерніи, на его заводахъ. Но въ Рябовѣ его дѣятельность проявилась только

громадными, но совершенно непроизводительными предпріятіями; конечно, они могли въ далекомъ будущемъ дать нѣкоторые результаты, но для поддержанія ихъ Всеволоду Андреевичу нужно бы было прожить еще съ полвѣка или оставить наслѣдниковъ не только своего состоянія, но и своей кипучей, неизсякаемой дѣятельности. Между тѣмъ сыновья Всеволода Андреевича, при всей ихъ добротѣ, при всѣхъ ихъ благихъ намѣреніяхъ, были люди вовсе не практическіе, чисто свѣтскіе. Имъ трудно было продолжать дѣла отца; пытаясь это дѣлать, они потеряли блестящее состояніе отца и втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ уничтожили все то, что съ такимъ трудомъ и съ такою дѣятельностью созидалъ ихъ отецъ. Заводы и соленарни пермскіе сдѣлались, за долги казнѣ, государственнымъ имуществомъ и процвѣтаютъ по прежнему, а Рябово, предметъ почти двадцатилѣтнихъ постоянныхъ заботъ ихъ отца, пришло въ разстройство, раздробилось, и нынче, какъ слышно, принадлежитъ нѣсколькимъ владѣльцамъ, которые всячески эксплуатируютъ въ свою пользу эту мѣстность, удобряя усиленно всѣми возможными туками натуральными и искуственными здѣшнюю почву и столь же сильно, если еще не сильнѣе, истребляя лѣсъ, какъ насажденный тутъ природою, такъ разведенный стараніями бывшаго владѣльца, предпріимчиваго и настойчиваго въ своихъ предпріятіяхъ Всеволода Андреевича. Эти нынѣшніе хозяева въ Рябовѣ, все люди практическіе, утилизировали и самый паркъ Рябовскій, столь живописный въ прежнее время, а теперь почти совершенно оголенный сѣкирою современныхъ хозяевъ-практиковъ, съ чисто матерьяльнымъ направленіемъ, которые находятъ, что въ нашъ практико-прозаическій вѣкъ сажень дровъ важнѣе и пріятнѣе всякой тѣни, и ужь, конечно, въ сто кратъ полезнѣе всякаго ландшафта. Все это поэтическія бредни въ глазахъ этихъ положитель-

ныхъ господъ, предпочитающихъ, впрочемъ, не безъ изрядной, кажется, дозы справедливости, существенное идеальному, а потому безжалостно разрушающихъ то, что богатые и ни въ чемъ не нуждавшіеся предшественники ихъ созидали въ видахъ чисто и безкорыстно эстетическихъ. Такъ, когда въ 1818 году Рябово сдѣлалось достояніемъ Всеволода Андреевича, здѣсь были обширныя дебри и непроходимыя болота; но втеченіи двухъ лѣтъ дебри изчезли, а болота высохли и все это превратилось въ бархатно-изумрудные луга, роскошныя нивы и поля. Естественно, это очистило воздухъ и дало Рябову какъ бы новый климатъ, который, впрочемъ, и безъ этого лучше климата самой столицы и многихъ иныхъ ея окрестностей, такъ что здѣсь не всегда въ Покровъ бываютъ первые заморозки, тогда какъ повсемѣстно въ Петербургѣ они часто къ Александрову дню побиваютъ въ садахъ георгины. Предпріимчивый владѣлецъ разсчистилъ рощи свои въ видѣ парка и сдѣлалъ въ немъ дорогъ болѣе, чѣмъ на 25 верстъ. По косогору онъ раскинулъ садъ широкою рукою и у подошвы его вырылъ пруды, наполнявшіеся чистою водою, изъ Ладожскаго озера пробивалась безчисленными жилами чрезъ Рябовскія горы и фильтровалась. Тогда выказались разныя живописныя неровности, оживившія ландшафтъ и образовались очаровательные островки. Все это нынче, благодаря новымъ хозяевамъ, желающимъ извлечь, какъ можно больше дохода, далеко не то, что было прежде; но все-таки мѣстами держится довольно стройно, хотя съ характеромъ дикости и запустѣнія. Теперь, конечно, въ фруктовомъ саду уже не произрастаютъ къ грунту (шпалерами), какъ было при Всеволодѣ Андреевичѣ, нѣжныя шпанскія вишни и сливы, покрывавшіяся на зиму однимъ лишь ельникомъ. Точно также нынче не осталось въ Рябовѣ даже и развалинъ той великолѣпной оран-

жереи, которая стоила владѣльцу мызы нѣсколько сотъ тысячь и доставляла Всеволоду Андреевичу, удовольствіе поздравлять императрицу Марію Федоровну 1-го января „съ новымъ годомъ, новымъ счастіемъ“ по русскому обычаю, поднося ей на золотомъ блюдѣ, только что сорванные (когда на дворѣ морозъ доходилъ до 20 и болѣе градусовъ) персики, виноградъ, ананасы...

Барскій домъ, въ мызѣ Рябово, при Всеволодѣ Андреевичѣ состоялъ изъ 160 комнатъ, расположенныхъ въ двухъ этажахъ, кромѣ многочисленныхъ и, большею частью, не маленькихъ комнатъ, которыя находились въ двухъ огромныхъ боковыхъ флигеляхъ. Въ такомъ домѣ, при такихъ флигеляхъ и при принадлежащихъ къ нимъ службахъ, не трудно было размѣстить самымъ комфортабельнымъ образомъ гостей, ежегодно собиравшихся къ Всеволоду Андреевичу на 25 октября, обыкновенно наканунѣ 24-го числа и разъѣзжавшихся 26-го числа, кто утромъ, кто вечеромъ. Но въ 1822 году празднества, начавшіяся 24-го числа, продолжались отчасти до 27-го числа включительно.

Октября 24-го 1822 года, какъ разсказываетъ хроникеръ, дядя Дормидона Селифонтьевича, въ то время крайне юный студентъ С.-Петербургскаго университета, — въ Рябово съѣхалось изъ Петербурга такъ много гостей, какъ не съѣзжалось туда ни одинъ годъ. Для всѣхъ гостей устроены были особыя помѣщенія, при чемъ приняты были мѣры, чтобы привычки и обычаи каждаго гостя и гостьи не встрѣтили ни малѣйшаго стѣсненія, почему предварительно собраны были самыя точныя свѣденія отъ прислуги гостей о томъ, что кто любитъ, какія у каждаго привычки и что для каждаго нужно. Передъ обѣдомъ, пользуясь прекрасною, необыкновенно теплою для 24-го октября, погодою и яркимъ осеннимъ, похожимъ на лѣтнее, солнцемъ, всѣ

сопровождали хозяина въ прогулкѣ по Рябову въ паркѣ, по полямъ и лугамъ, гдѣ вездѣ были превосходнѣйшія шоссейныя дороги, словно въ Царскомъ Селѣ, и гости ѣздили здѣсь, кто въ длинныхъ линейкахъ, кто въ фаэтонахъ, кто въ двуколесныхъ кабріолетахъ, кто верхомъ на превосходно выѣзженныхъ верховыхъ лошадяхъ, наполнявшихъ рябовскія конюшни.

При этихъ конюшняхъ, замѣтимъ мимоходомъ, былъ огромный манежъ, въ родѣ цирка, гдѣ танцовали кадрили на коняхъ и исполнялись разнообразные каруселли и даже костюмированные турниры, причемъ костюмированы были не только кавалеры и дамы, но и лошади, на которыхъ они выѣзжали; лошади были покрыты точно такими же капаросонами, какія были въ употребленіи въ рыцарскіе времена и на которыхъ придѣлывались латы, какъ у самихъ рыцарей. Замѣчательно, что одинъ изъ этихъ турнировъ далъ Александру Николаевичу Бестужеву (впослѣдствіи столь извѣстному подъ псевдонимомъ „Марлинскаго“), идею подробнаго описанія Ревельскаго турнира въ повѣсти его „Замокъ Нейгаузенъ“, напечатанной въ альманахѣ „Полярная Звѣзда“ 1824 года. Не менѣе этого замѣчательно и вниманія достойно то обстоятельство, что, какъ разсказываютъ давно живущіе въ Петербургѣ и хорошо нѣкогда знакомые съ петербургскимъ обществомъ лица, разные „Петербургскіе Старожилы“ и „Старосвѣтскіе Петербуржцы“,—манежъ этотъ, во время одного изъ турнировъ, послужилъ ареной для дѣйствительнаго романа рыцарскаго типа съ гименейнымъ финаломъ. Тутъ были и цвѣта „дамы сердца“ на щитѣ и въ цвѣтѣ шарфа и перьевъ на шлемѣ, тутъ была и роза съ перчаткою, брошенная изъ ложи и въ пылу битвы поднятая ловкимъ и очаровательнымъ рыцаремъ, отдавшимъ своей „дамѣ сердца“ этотъ трофей, выхваченный имъ изъ подъ копій и мечей. Тутъ

были и герольды въ пестрыхъ гербовыхъ нарядахъ, возвѣстившіе имя побѣдителя, псевдонимъ котораго былъ Ромуальдъ, Родригъ или Альфонсъ,—не помню хорошенько—прикрывавшій настоящее имя, принадлежавшее крайне молодому въ то время генералъ-адъютанту Императора Александра Павловича, уже громко извѣстному на поприщахъ, какъ военномъ, такъ дипломатическомъ, салонномъ и... амурномъ, именно Александру Ивановичу Чернышеву,—тому самому, который до 1812 года такъ мастерски съумѣлъ провести осторожнаго и таинственнаго Наполеона и впослѣдствіи былъ графомъ и, наконецъ, свѣтлѣйшимъ княземъ и самымъ высшимъ изъ всѣхъ русскихъ сановниковъ Императора Николая Павловича. Но въ 1820 году, за 55 лѣтъ предъ симъ, это былъ прелестный изъ прелестныхъ крайне молодой генералъ-адъютантъ, покрытый безчисленными орденами и лаврами, перевитыми розами, съ рукою, недавно освободившеюся отъ подвѣнечнаго кольца, но съ сердцемъ, заполоненнымъ молоденькою, почти дѣвочкою, княжною Бѣлосельскою-Бѣлозерскою, владѣлицею громаднаго состоянія. Она не отвергла протянутую ей свободную руку юнаго Александровскаго генералъ-адъютанта и довѣрчиво подала ему свою почти дѣтскую бѣленькую ручку, какъ хроникеры того времени разсказываютъ, во время одного изъ костюмированныхъ турнировъ въ рябовскомъ манежѣ. Не для всѣхъ конечно, влюбленныхъ рыцарей и дамъ ихъ сердца, въ этомъ манежѣ (конюшни котораго вмѣщали до 120 породистыхъ коней), турниры и карусели доставили такіе счастливые результаты.

Осмотрѣвъ все примѣчательное и интересное въ Рябовѣ, гости съ хозяиномъ возвратились въ домъ, гдѣ ихъ ожидалъ столъ, накрытый на 120 кувертовъ. Само собою разумѣется, что обѣдъ былъ превосходный, потому что поваръ Всеволода Андреевича славился въ то время въ

Петербургѣ и Всеволожскому завидовали, какъ графъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (министръ финансовъ), изобрѣвшій безсмертную въ кулинарныхъ лѣтописяхъ „гурьевскую кашу“, такъ и графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде (министръ иностранныхъ дѣлъ), котораго potage à la Nesselrode гремѣлъ во всей просвѣщенной Европѣ не менѣе его дипломатическихъ нотъ. Обѣдъ начался по тогдашнему въ три часа по полудни, а кончился въ пять, т. е. въ пять часовъ по полудни всѣ кейфовали съ чашками мокка, который запивали одни мороженою ароматическою водою, подъ названіемъ, „сорбе“, другіе ликереми и ратафіями, извѣстными подъ названіемъ pousse-café, *толкателями кофе*, какъ ихъ смѣясь называлъ Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, второй сынъ рябовскаго владѣльца, тогда камеръ-юнкеръ, который не могъ даже полчаса воздержаться отъ игры въ слова, какъ бы она ни была неудачна. Въ шесть часовъ пригласили гостей въ театръ, устроенный въ особой залѣ по всѣмъ правиламъ акустики и архитектуры. Когда поднялся занавѣсъ, зрители увидѣли новый, не игранный тогда еще на придворномъ театрѣ, водевиль знаменитаго въ тѣ времена легкой знаменитости драматическаго писателя, Николая Ивановича Хмѣльницкаго,—„*Новый Парисъ*“. Играли *крѣпостные* актеры и актрисы Всеволода Андреевича, составлявшіе у него довольно многочисленную труппу, преимущественно для исполненія водевилей и комическихъ оперъ, не пускаясь ни въ слезоточивыя драмы Коцебу, ни въ Озеровскую трагедію, что было какъ нельзя разумнѣе и обнаруживало художественный тактъ и правильное пониманіе вещей почтеннаго владѣльца этого театра. Эта рябовская труппа вмѣстѣ съ тѣмъ исполняла и обязанности хора пѣвчихъ въ домашней церкви, и отчасти музыкантовъ во время баловъ, хотя, впрочемъ, въ Рябовѣ былъ очень хорошій

концертный оркестръ, находившійся подъ главнымъ наблюденіемъ славнаго въ то время скрипача Маурера, пріѣзжавшаго для этого два раза въ недѣлю въ Рябово. По окончаніи этого водевиля, родственники и близкіе знакомые хозяина дома разыграли особенный прологъ, сочиненный извѣстнымъ, также „знаменитымъ“ въ тѣ времена, писателемъ-мадригалистомъ Федоромъ Николаевичемъ Глинкою, который нынче, близясь къ возрасту Мафусаила (ему теперь по разсчету, кажется, уже за 90 лѣтъ), прозябаетъ въ своемъ тверскомъ имѣніи, окруженный, какъ говорятъ, только своими значительными капиталами, хотя у него, какъ извѣстно, есть нѣсколько бѣдныхъ племянниковъ и племянницъ, оставшихся послѣ его брата Сергѣя Николаевича, этого истинно высокочестнаго до фанатизма русскаго патріота!... Этотъ маститый дѣлатель стиховъ (Федоръ Ник. Глинка), кажется, не перестаетъ еще мадригальничать, покрайней мѣрѣ, 12 лѣтъ тому назадъ онъ, во первыхъ, излилъ какую-то „Каплю“ въ видѣ довольно толстой книжки съ нѣсколькими тысячами нѣжныхъ виршей; а во вторыхъ, воспѣлъ двадцатипятилѣтній юбилей (нынѣ, впрочемъ, уже покойной, умершей въ маѣ 1874 года) Марьи Павловны Леонтьевой, которую онъ съ ребяческою наивностью величаетъ эпитетомъ „благодѣтельницы“ и „благотворительницы“ Смольнаго монастыря. Этому-то самому Федору Николаевичу Глинкѣ въ 1822 году, т. е. за 53 года предъ симъ, было, никакъ не менѣе 40 лѣтъ, потому что въ ту пору полковничьи эполеты если случались на плечахъ двадцатилѣтнихъ джентльменовъ, то развѣ вслѣдствіе какой нибудь архи-громаднѣйшей изъ громаднѣйшихъ протекцій, или вслѣдствіе, напримѣръ, „чернышевскихъ“ успѣховъ; Федоръ же Николаевичъ, сколько извѣстно, ни протекціею, ни особенными успѣ-

хами не могъ похвалиться. Въ ту пору, какъ вспоминаетъ авторъ записки о *трехдневномъ рябовскомъ празднествѣ* (октябрь 1822 года), Глинка былъ маленькій живчикъ въ полковничьемъ мундирѣ адъютантской формы, съ серебрянымъ аксельбантомъ, веревки котораго развѣшаны были на груди, въ бѣлыхъ узкихъ казиміровыхъ панталонахъ, надѣтыхъ подъ пѣхотныя ботфорты со шпорами, при шпагѣ и превысокой треугольной шляпѣ съ весьма высокимъ же и узкимъ чернымъ пѣтушьимъ султаномъ. Онъ былъ въ ту пору адъютантомъ пѣтербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Михаила Андреевича Милорадовича, который въ своихъ сношеніяхъ въ бытовой жизни и въ начальственныхъ отношеніяхъ въ особенности, былъ далеко не такой баярдъ русской арміи, какимъ въ своихъ стихахъ и въ прозѣ представлялъ его этотъ поэтъ-адъютантъ. Между тѣмъ братъ этого Федора Николаевича Глинки, Сергѣй Николаевичъ, въ своихъ посмертныхъ запискахъ, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1872 года,—изображаетъ этого баярда далеко не баярдомъ; онъ снимаетъ его съ ореола обаянія, показывая какъ этотъ баярдъ по часамъ вертѣлся въ пріемной тогдашняго временщика Аракчеева, который своимъ гнусливымъ голосомъ говорилъ: „А! знаю? Этотъ денегъ хочетъ... дырявый мѣшокъ“!..

Бѣда эти мемуары: всѣхъ выводятъ на чистую воду, всѣхъ, безъ всякой церемоніи, за ушко, да на солнышко. Но горе, большое горе и авторамъ мемуаровъ, описывающимъ какой нибудь дикій поступокъ крупнаго барина въ его домашнемъ быту, въ родѣ, напримѣръ, дозволенія домашнему шуту, опорожнившему, въ угоду милостивца, кубокъ съ помоями, въ засосъ цѣловать молоденькую дѣвочку, имѣющую несчастіе быть бѣдною и потому сидящею за столомъ этого сатрапа въ качествѣ наемной гувернантки его дѣтей.

Однако, возвратимся къ описанію *трехдневнаго празднества въ Рябовѣ*. Прологъ, испеченный тогда Ф. Н. Глинкою, носилъ названіе:

ДОБРАГО ИМЯНИННИКА

ПРАЗДНУЮТЪ

ТРИ ДНЯ.

Дѣйствующія лица въ этомъ прологѣ были слѣдующія:

Графъ Сельминъ, пріѣхавшій изъ за границы.

Г-жа Ладова — родственница господина Добромыслова *).

Саша, дочь ея, дѣвочка лѣтъ 12.

Миловъ — отставной гусарскій раненый офицеръ, родственникъ г-на Добромыслова.

Леоновъ, пріятель дома.

Яша Простаковъ, деревенскій слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ селѣ Дружелюбовѣ (читай: Рябовѣ), принадлежащемъ помѣщику Добромыслову (читай: Всев. Андр. Всеволожскому).

Въ первой сценѣ Яша Простаковъ (котораго роль выполнялъ сынъ хозяина Никита Всеволодовичъ, тогда 23-лѣтній молодой человѣкъ,) выбалтываетъ тайну, что праздникъ будетъ не на шутку, что праздновать будутъ его три дня, при чемъ онъ поетъ аріетку, оканчивающуюся такимъ припѣвомъ:

---

*) Подъ этимъ именемъ подразумѣвался хозяинъ дома и владѣлецъ Рябова.

„Нѣтъ, нѣтъ! У Яши Простакова,
Не выманишь напрасно слова!“.

Потомъ идетъ разговоръ между Миловымъ и графомъ Сельминымъ. Въ этомъ разговорѣ à brule pourpoint говорилось много комплиментовъ, сшитыхъ бѣлыми нитками, виновнику праздника г-ну Добромыслову.

Павелъ Петровичь Свиньинъ, по поводу этого разговора, правду сказать, ужь черезъ чуръ пересоленнаго, громогласно, во всеуслышаніе выражалъ свое мнѣніе, восклицая съ своимъ обычнымъ запыхиваніемъ, происходившимъ, преимущественно отъ его чрезвычайной толщины, благодаря которой онъ заплылъ жиромъ и съ трудомъ дышалъ:

— Въ первый разъ въ жизни моей, сопѣлъ Павелъ Петровичъ, во время антракта,—увидѣлъ я искуство говорить въ глаза пріятныя истины—безъ оскорбленія скромности; увидѣлъ разгаданную тайну—хвалить умно, осторожно.

Онъ не удовольствовался громкимъ заявленіемъ этого мнѣнія въ залѣ и нашелъ нужнымъ проявить его еще печатно, въ ноябрьской книжкѣ своего маленькаго ежемѣсячнаго журнальчика „Отечественныя записки“ съ девизомъ:

Любить отечество—велятъ: природа, Богъ!
А знать его, вотъ честь, достоинство и долгъ!

И такъ, въ этомъ пошловатомъ разговорѣ, имѣвшемъ счастіе такъ сильно понравиться тогдашнему публицисту-патріоту, Миловъ разсказываетъ путешественнику (графу Сельмину) о пріятностяхъ рябовской жизни, т. е. села Дружелюбова, о любви Добромыслова къ изящному, о покровительствѣ талантамъ, объ его стремленіи ко всему полезному, прекрасному, и дѣлаетъ очень милые комплименты артистамъ завзятымъ, настоящимъ, и лю-

бителямъ, дилетантамъ, дружбою которыхъ, изволите видѣть, пользуется достойнѣйшій баринъ, господинъ Добромысловъ. Разсказывая объ его семействѣ, онъ довольно аляповато рисуетъ портретъ меньшого сына его, играющаго тутъ же роль Простакова, въ слѣдующихъ стихахъ, пропѣтыхъ извѣстнымъ композиторомъ, впослѣдствіи авторомъ знаменитой русской оперы „Аскольдова могила“, Верстовскимъ, игравшимъ 24 октября 1822 года роль Милова:

Онъ веселъ, любитъ жизнь простую,
И страхъ какъ всѣми онъ любимъ!
И подъ кафтаномъ золотымъ *)
Онъ носитъ душу золотую.
Жеманство, свѣтскія фигуры
Совсѣмъ не нравятся ему!
Онъ, правда, любитъ каламбуры,
Но то не вредно никому.
Зимой живетъ онъ въ Петроградѣ
Для службы, свѣта и связей;
А лѣтомъ онъ гоститъ въ „*Отрадѣ*“ **)
И самъ *отрада* для друзей. ***)

Послѣ этого разговоръ перешелъ ни къ селу, ни къ городу на воспоминанія о незабвенной и свѣжей еще тогда въ памяти всѣхъ русскихъ отечественной войнѣ двѣнадцатаго года. Милову мало прозы, онъ принимается опять за стихи, въ которыхъ описываетъ незабвенную для русскихъ эпоху наполеоновскаго погрома.

---

*) Камеръ-юнкерскій мундиръ.

**) Названіе это носила собственная дача Никиты Всеволодовича, близъ Рябова.

***) Изъ блюдолизнаго желанія подслужиться вкусамъ могучаго и богатаго каламбуриста, авторъ стишковъ и самъ каламбуритъ. *Кас. Кас.*

Стихи Глинки положены были на музыку Маурером, а пропѣлъ ихъ очень мило Верстовскій. Но при сей вѣрной оказіи, по страсти своей „всегда подкрасить“, какъ онъ самъ выражался, Павелъ Петровичъ въ печати прилгалъ, что будто бы Мауреръ былъ такъ растроганъ поэзіею Ф. Н. Глинки и своею музыкою, что скрипка выпала изъ рукъ артиста (NB. впрочемъ, не разбилась) и слезы полились изъ глазъ его. Дормидонъ Селифонтьевичъ, со словъ своего дяди, увѣрялъ меня, что такого казуса на яву вовсе не было, а приснился онъ только почтеннѣйшему издателю тогдашнихъ „Отечественныхъ записокъ.“

Акомпанементъ составленъ былъ, большею частью, изъ шести волторнъ и акорды были, по крайней мѣрѣ, по увѣренію Свиньина, такъ мастерски приноровлены къ смыслу, что будто бы выражали каждое слово. Такъ, напримѣръ, при четвертомъ стихѣ: „И намъ, и намъ грозило покоренье“ слышалось глубокое какъ бы сѣтованіе, а при седьмомъ: „Для насъ звенѣли цѣпи рабства“ словно раздавались звуки цѣпей и стоны. Зрители были внѣ себя отъ восторга и заставили Верстовскаго, забывъ объ его усталости, повторить всю арію. Вотъ эти первыя строфы:

Святая то была у насъ война!
И ты, и ты увидѣла смятенье—
О милый край! О Русская страна!
И намъ, и намъ грозило покоренье...
Враги какъ буря шли волной,
И слѣдъ ихъ былъ—пожаръ и степи.
Для насъ звенѣли рабства цѣпи
И врагъ ругался надъ Москвой...
Но стали русскіе стѣной—
И отстояли тронъ и царство.

Во всей аріи было стиховъ сорокъ, все въ этомъ же родѣ и такого же стихотворнаго достоинства. А какъ

„хорошенькаго по немножку“, то мы и поставимъ здѣсь точку, въ подражаніе знаменитой точкѣ „Гражданина“ князя В. П. Мещерскаго. Намъ, въ 1875 году, т. е. 63 года спустя послѣ 1812 года, черезъ чуръ довольно, для удовлетворенія нашего патріотическаго чувства, и одной строфы, но конечно, зрителямъ этого пролога, одной строфы было недостаточно въ октябрѣ 1822 г., десять лѣтъ спустя послѣ той безпримѣрной въ лѣтописяхъ міра войны, съ которою въ паралель можетъ пойти развѣ великое сидѣнье нашихъ севастопольцевъ, 43 года спустя послѣ нашествія двунадесяти языкъ. Зрители, наполнявшіе тогда собою залу рябовскаго домашняго театра, естественно, кричали: bis и fora! съ простительнымъ изступленіемъ свѣжаго патріотизма; какъ и мы, свидѣтели крымской войны, съ восхищеніемъ аплодировали въ 1857 году разнаго рода патріотическимъ выходкамъ въ драматической формѣ, написаннымъ à propos поставщикомъ подобныхъ произведеній, покойнымъ актеромъ Петромъ Ивановичемъ Григорьевымъ, чернильница котораго, вмѣсто чернилъ, была наполнена патріотическимъ квасомъ. И мы, грѣшные, въ то время на расхватъ разбирали въ магазинахъ карикатуры на Пальмерстона и на Napoléon le petit, какъ прозвалъ его Викторъ Гюго; а также усердно списывали въ свои агенды всѣ эти стихи и стишонки на Плонъ-Плона и его медвѣжью болѣзнь, на Пелисье, на лорда Раглана и tutti quanti. Ихъ уже позабыли, и развѣ только на страницахъ *„Русскаго Архива“* и *„Русской Старины“* сохранятся (да и то, конечно, со временемъ) всѣ эти изліянія патріотическаго негодованія въ болѣе или менѣе удачныхъ виршахъ.

Достойно вниманія, что въ этомъ уморительномъ прологѣ, его авторъ, нашъ почтеннѣйшій піита Федоръ Николаевичъ, съумѣлъ поднести всѣмъ сестрамъ по серь-

гамъ, заставивъ дѣйствующихъ лицъ, между своими разговорами, сдѣлать привѣтствія героямъ двѣнадцатаго года, и именно тѣмъ изъ нихъ, плечи которыхъ украшались генеральскими эполетами и которые сидѣли въ этотъ вечеръ въ первомъ ряду креселъ рябовскаго театра.

Финальные куплеты пролога были пропѣты Сашею, двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою, дочерью г-жи Ладовой по афишѣ пролога, подъ звукъ гитары, на которой мастерски и вполнѣ артистически акомпанировалъ ей сочинитель этой музыки, знаменитый въ то время и дѣйствительно замѣчательный гитаристъ С. Н. Аксеновъ, имя котораго безспорно одно изъ блестящихъ въ исторической галлереѣ русскихъ музыкантовъ и композиторовъ, изобразившій весьма успѣшно въ этой музыкѣ наивное и милое простодушіе дитяти. Роль этой Саши играла тогда молоденькая княжна Хованская, дочь одной изъ дальнихъ родственницъ Всеволода Андреевича, жившей съ своею малюткою въ его домѣ, въ качествѣ хозяйки и распорядительницы при пріемѣ постоянныхъ гостей, наполнявшихъ ежедневно Рябово. Впослѣдствіи эта дѣвочка вышла за мужъ за Никиту Всеволодовича. Вотъ тѣ куплеты, которые она пропѣла въ концѣ пролога:

Когда сбираются всѣ наши
Сердечный праздникъ пировать,
То вѣрно и малюткѣ Сашѣ
Дозволятъ слова два сказать.
Куплетъ кой-какъ и Саша свяжетъ
И повторитъ со всѣми хоръ.
Чтожъ мнѣ сказать,—мнѣ сердце скажетъ
И сердце будетъ мнѣ суфлеръ.

(Обращаясь къ партеру:)

Такъ, милый дядюшка, участье
И Саша въ праздникѣ беретъ.
Всѣ говорятъ: „Быть добрымъ счастье
И добрымъ веселъ Божій свѣтъ!“

И вы вѣдь добры—такъ живите,
И пусть все тѣшитъ въ жизни васъ,
И хоть немного насъ любите,
Какъ всѣ мы любимъ васъ.

Стишки эти были пропѣты маленькой и необыкновенно граціозной пѣвицей съ обращеніемъ къ Всеволоду Андреевичу, который былъ въ величайшемъ восторгѣ и плакалъ, какъ ребенокъ, конечно, не отъ дряхлости, потому что ему тогда было съ небольшимъ 50 лѣтъ, а отъ избытка чувствъ.

По окончаніи пролога, исполнители его явились въ партерѣ и принимали поздравленіе гостей и благодарность хозяина. „Но, говорилъ въ 1849 году, т. е. 27 лѣтъ послѣ этого праздника, Никита Всеволодовичъ моему почтенному чичероне въ лабиринтѣ петербургской старины, Дормидону Селифонтьевичу,—ни чьи похвалы намъ, тогдашнимъ актерамъ и актрисамъ, не были такъ лестны и сладки, какъ радушныя и искреннія заявленія, съ дружескими рукопожатіями, тогдашнихъ настоящихъ артистовъ петербургской императорской сцены, Ивана Ивановича Сосницкаго, Александры Михайловны Колосовой (впослѣдствіи Каратыгиной, жены знаменитаго трагика) и милѣйшей и добрѣйшей Марьи Ивановны Вальберховой, которые одни изъ всей тогдашней трупы посѣтили Рябово. Замѣчу при этомъ, что какъ Сосницкій, такъ Вальберхова, весьма искусно загримировали, онъ актеровъ, она актрисъ, и давали свои совѣты и указанія на счетъ костюмировки и вообще всѣхъ сценическихъ принадлежностей“.

За прологомъ слѣдовало представленіе въ лицахъ, также гостями: a) *шарады*, b) *загадки*, c) *каламбура*, d) *логогрифа*, e) *омонима*, f) *анаграмы* и, наконецъ, g) *романса*.

a) *Шарада* (русская).

На сценѣ представлена была богатая танцовальная зала,

наполненная бальными гостями (дамы въ газѣ и шелкахъ, съ цвѣтами, вуалями и тюрбанами на головѣ, сіяющія брильянтами, даже на башмакахъ; кавалеры въ разноцвѣтныхъ фракахъ съ металическими пуговицами, съ атласными бѣлыми галстуками и батистовыми жабо и манжетами, въ короткихъ штанахъ (culotte), въ чулкахъ и башмакахъ, съ треугольными блинчатыми кляками подъ лѣвою мышкою, тогда какъ правая вертѣла лорнетъ на тончайшей ленточкѣ en bandouillere), танцовавшими: экосезы, вальсы и кадрили (тогда еще съ вальсомъ, потому что французская кадриль съ ея теперешними шестью фигурами появилась въ Петербургѣ только съ 1824 года, когда вездѣ преподавали ее: Огюстъ Пуаро, Дютакъ и Эбергардъ, это знаменитое тріо петербургскихъ танцмейстеровъ того времени, а въ провинціяхъ показалась она едва лишь зимою 1826 года послѣ коронаціи). Потомъ на средину залы выѣхала въ изящной колесницѣ прекрасная богиня славянъ (Лада), сопровождаемая Лелями и Полелемъ. *)

*) Замѣчательно, говорилъ мнѣ Дормидонъ Селифонтьевичъ, что шарада эта была сочинена коротышемъ съ прекарикатурной фигуркой въ очкахъ, Борисомъ Михайловичемъ Федоровымъ, издателемъ многихъ тысячъ экз. дѣтскихъ книжонокъ, кропателемъ какихъ-то розысканій и откапываній по части русской исторіи и древностей, авторомъ нестерпимо скучнаго историческаго романа «*Князь Курбскій*», о которомъ говорили тогда, что настоящій Курбскій бѣжалъ изъ Россіи, а этотъ книжный заставляетъ самъ бѣжать отъ себя читателя. Наконецъ, это тотъ Борисъ Федоровъ, который былъ сотрудникомъ чуть ли не всѣхъ журналовъ и газетъ въ моменты ихъ паденій, тотъ, который въ 20-хъ годахъ былъ хвостикомъ такой кометы, какъ Свиньинъ, въ 30-хъ терся около Воейкова, въ 40-хъ душою слился съ Бурачкомъ, наполняя его снотворный журналъ «Маякъ» своими: снотворною прозою и «гадкими» стихами, по мнѣнію Пушкина, сказавшаго однажды, смѣха ради:

Карликова (читай Федорова) Борьки
Эпиграммы сладки,
Мадригалы горьки,
А стихи всѣ до одного гадки.

Это значило: *баллада* (Балъ-Лада). Но, впрочемъ, такъ какъ тогда (въ 20-хъ годахъ) баллады Жуковскаго были въ сильномъ ходу и въ модѣ, особенно послѣ того, какъ Василій Андреевичъ читалъ своихъ „Людмилу“ и „Свѣтлану“ на половинѣ императрицы Маріи Федоровны, то баллада изображена была здѣсь еще и въ другомъ видѣ, а именно: вышла на сцену прекрасная дѣвица подъ блестящимъ, прозрачнымъ покрываломъ и прочла наизустъ, разумѣется, съ приличнымъ чувствомъ, заимствованнымъ изъ лекцій драматургіи и дикціи знаменитаго тогдашняго сценофила и поставщика всевозможныхъ піесъ, князя А. А. Шаховскаго, балладу Жуковскаго: „Свѣтлана“. Между тѣмъ вокругъ нея, болѣе или менѣе замысловато, посредствомъ живыхъ картинъ и декорацій, представлены были въ лицахъ мечты и видѣнія пламеннаго воображенія знаменитаго стихотворца, изъ числа которыхъ особенно хороша была живая картина, изображавшая различныя наши русскія святочныя гаданья съ башмачкомъ, бросаемымъ за ворота, съ пѣтухомъ, кормимымъ отборнымъ зерномъ, съ зеркаломъ, которое являетъ въ стеклѣ своемъ суженаго и пр., и пр. Чтицею этой стихотворной піесы была дочь тогдашней знаменитой нашей балерины Колосовой, тогда еще дѣвица Александра Михайловна, только что пріѣхавшая изъ Парижа, гдѣ учи-

---

Достойно вниманія, что этотъ „мастодонтъ нашей печатной литературы,“ какъ однажды въ 60-хъ годахъ, въ своей „Иллюстраціи“, назвалъ его Влад. Раф. Зотовъ, послѣ чуть ли не сорокалѣтняго вдовства, обрѣтаясь въ безбрачіи и, во всемъ подобный бывшему нѣкогда другу его, знаменитому и жестокосердому къ печатному слову, цензору Александру Ивановичу Красовскому (см. «Русск. Архивъ» 1873 и 1874 годовъ), вступилъ въ законный бракъ. „Искра“, кажется, 1860 г., дѣлая различныя пожеланія всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ и предлагая имъ свои новогодные подарки, предложила ему, Борису Михайловичу, *„вѣнчальныя свѣчи“*. Много было тогда въ публикѣ по этому случаю хохота.

Кас. Кас.

лась театральному искуству у первѣйшихъ тогдашнихъ драматическихъ знаменитостей. Впослѣдствіи, подъ фамиліею Каратыгиной (второй—въ отличіе отъ матери ея мужа), она сдѣлалась, по справедливости, украшеніемъ нашей драматической сцены, соперничая съ такими превосходными французскими актрисами, каковы были въ ту пору у насъ въ Петербургѣ (въ концѣ 20-хъ и теченіи 30-хъ годовъ) Виргинія, Бурбье и Алланъ-Дюплесси. Къ счастью г-жи Каратыгиной, урожденной Колосовой, она ничего не заимствовала отъ своего великорослаго, тамбуръ-мажороподобнаго супруга, трагика, одареннаго крайне зычнымъ голосомъ и лѣтъ 25 сряду восхищавшаго большинство той публики „россійскаго“ театра, которая любитъ, чтобъ актеръ не изображалъ на сценѣ данное дѣйствующее лицо, а игралъ его.

b) *Загадка* (французская, состряпанная, разумѣется, Никитою Всев. Всеволожскимъ).

Съ одной стороны сцены вышелъ мудрецъ въ черной мантіи, углубившійся въ чтеніе огромной книги (livre), а съ другой разнощикъ съ вѣсами и фунтовыми гирьками. Le livre (книга) и la livre (фунтъ).

c) *Каламбуръ* (русскій). При открытіи занавѣса зрители увидѣли охотника, держащаго ножъ надъ убитымъ тетеревомъ. Потомъ на сцену явился одинъ изъ гостей, на этотъ разъ актеръ любитель, и прочелъ съ невозмутимою важностью и серьезностью, нарочно сочиненную, великолѣпную чепуху, авторомъ которой, какъ всѣ тогда въ одинъ голосъ говорили, былъ никто иной, какъ драгоцѣннѣйшій вышеупомянутый коротышъ въ очкахъ, Борисъ Михайловичъ Федоровъ. Впрочемъ, напрасно устроители праздника для поставки имъ „галиматьи“ хлопотали около Бориса Михайловича, когда имъ слѣдовало раскрыть любую „Оду“, написанную въ то и въ болѣе раннее время на какой либо случай. Какъ бы

то ни было, не трудно было понять, что каламбуръ этотъ значитъ: *дичь поретъ*.

d) *Логогрифъ* (французскій). Съ одной стороны прежній ученый въ мантіи и съ книгой, а съ другой пишущій мыслети пьяница. (Livre—ivre).

e) *Омонимъ* (русскій). Математикъ чертитъ на доскѣ: $^1/_4$, $^3/_6$, $^5/_8$ и тому подобное; мальчикъ бьетъ въ барабанъ очень быстро; охотникъ держитъ въ рукѣ ружейный патронъ. (*Дробь*.)

f) *Анаграмма* (французская). Деревенскій бальи въ треугольной шляпѣ, французскомъ старинномъ кафтанѣ и штиблетахъ, при трости, украшенной огромнымъ бантомъ, отказываетъ толпѣ просителей и просительницъ, говоря: „Je cause au suppliant une douleur extrême. Retournez moi“.

Его оборачиваютъ на другую сторону; тѣ же просители подходятъ и опять получаютъ отказъ; послѣ чего дѣйствующее лицо, играющее бальи, обращается къ партеру и произноситъ:

„Et je suis toujours le même *(non!)*“—и я все одинъ и тотъ же (*нѣтъ!*)

g) *Романсъ*.

Это былъ извѣстный французскій романсъ, „Baron du bas-Poitou“, въ дѣйствіи. Публика очень аплодировала и смѣялась, когда баронъ, пристрастясь къ охотѣ, хлопаньемъ бича, играньемъ на рожкѣ и стрѣльбою изъ ружья не даетъ никому покоя и наконецъ выводитъ изъ терпѣнія смиреннаго мальтійскаго кавалера, живущаго надъ нимъ во второмъ этажѣ. Напрасно кавалеръ уговариваетъ его; онъ не внемлетъ его убѣжденіямъ и говоритъ, что, будучи хозяиномъ у себя въ квартирѣ, можетъ дѣлать въ ней все, что ему заблагоразсудится и

*) Я причиняю просителю ужасное горе. Переверните меня.

даже охотиться (chasser). Мальтіецъ, чтобы унять неугомоннаго сосѣда, прибѣгаетъ къ хитрости: велитъ принести ночью нѣсколько ушатовъ воды и разлить ихъ у себя на полу. Вода протекаетъ чрезъ щели пола и вымачиваетъ спящаго барона до нитки; онъ бѣжитъ въ бѣшенствѣ къ кавалеру, котораго застаетъ сидящимъ на корточкахъ у себя на кровати съ удочкою въ рукѣ. На его выговоры и возгласы странный рыболовъ отвѣчаетъ хладнокровно: „Vous chassez chez vous et moi—je pêche chez moi“ (вы у себя охотитесь, а я у себя ловлю рыбу). Никита Всеволодовичъ на аванъ-сценѣ пѣлъ романсъ, а дѣйствіе его разъигрывали пантомимою: г. Червленка, извѣстный тогдашній кларнетистъ (роль барона-охотника) и Иванъ Евстафьевичъ Жадовскій (роль кавалера). Вода была мастерски сдѣлана изъ крашеной фольги и полотна извѣстнымъ тогдашнимъ декораторомъ Гонзаго.

Наконецъ, въ три четверти 12-го часа, передъ полночью, открылся задній занавѣсъ въ углубленіи театра и глазамъ зрителей представилась богатая живая картина, составленная изъ русскихъ костюмовъ различныхъ мѣстностей имперіи, изображавшая приготовленіе къ празднику. Вслѣдъ за этою картиною, другая, такая же великолѣпная и искусно сгрупированная, представляла самое празднество. Въ ту минуту послышался бой двѣнадцати часовъ ночи, заиграли невидимыя трубы и литавры, явились офиціанты съ подносами, уставленными бокалами съ шампанскимъ, и, при наступленіи 25 октября, т. е. дня рожденія Всеволода Андреевича, которому минуло въ этотъ день 54 года, всѣ бросились поздравлять новорожденнаго, по приглашенію котораго, вмѣстѣ съ нимъ, сѣли за ужинный столъ въ отдѣльной залѣ, великолѣпно освѣщенной, при чемъ ближайшіе друзья и родные пропѣли хоръ, также составленный изъ вир-

шей неистощимаго піиты Ф. Н. Глинки, подъ музыку Маурера. Вотъ текстъ этого семейнаго хора:

Довольны мы судьбою...
Что всѣ, тебя любя,
Старались согласиться,
Чтобъ больше веселиться
И веселить тебя.

*

Довольны мы судьбою...
Когда и насъ любя,
Захочешь согласиться
И съ нами веселиться,
И веселить себя.

Слѣдующій день, т. е. 25 октября, начался, какъ водится, обѣднею въ домовой церкви, которая устроена была въ самомъ верху дома и освѣщалась стекляннымъ куполомъ, при безчисленномъ множествѣ паникадилъ, передъ образами, съ зажженными восковыми свѣчами. Хоръ пѣвчихъ изъ „крѣпостныхъ“ актеровъ и актрисъ ex-professio, отличался стройностью и изящностью въ музыкальномъ отношеніи.—„Когда лѣтомъ, 1849 года, приписалъ тутъ Дормидонъ Селифонтьевичъ, я былъ въ Рябовѣ, церковь эта существовала еще; не знаю существуетъ ли нынѣ или подверглась участи другихъ здѣшнихъ строеній при внесеніи въ роскошное Рябово меркантильнаго духа“. По окончаніи обѣдни былъ сервированъ завтракъ, а послѣ завтрака, подобно вчерашнему дню, совершена по парку и по селу прогулка въ экипажахъ (въ большемъ количествѣ, потому что гостей пріѣхало втрое больше противъ съѣхавшихся 24 числа). Всѣ крестьяне въ праздничныхъ нарядахъ стояли предъ своими, необыкновенно опрятными и красивыми избами, кланялись и желали своему доброму барину многая лѣта и добраго здоровья. Вѣроятно и тогда, пятьдесятъ три

года тому назадъ, нашлись изъ числа зрителей люди простодушные и съ теплымъ чувствомъ, предпочитавшіе эту картину всѣмъ, такъ называемымъ, „живымъ картинамъ“. Искреннія и совершенно простыя и ненарумяненныя привѣтствія крестьянъ должны были нравиться болѣе стиховъ достопочтеннѣйшаго Федора Николаевича. Рябовскіе крестьяне того времени, при всемъ развитіи крѣпостнаго метода, жили, какъ говорится, „словно у Христа за пазухой“, и во всѣхъ ихъ привѣтствіяхъ не было и тѣни какой нибудь аракчеевщины или чего-либо напоминавшаго собою военныя поселенія, гдѣ для обморочиванія посѣтителей разыгрывались столь извѣстныя комедіи съ жареными гусями и поросятами, о которыхъ подробности можно прочесть въ двухъ, трехъ фельетонахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ ноября мѣсяца 1872 года, да еще въ множествѣ статей о графѣ Аракчеевѣ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ и составляющихъ полную коллекцію біографическихъ свѣденій объ этой отрицательно-знаменитой исторической личности.

Когда гости, возвратясь съ гулянья, отдохнули, и иные изъ нихъ перемѣнили туалеты, считая по законамъ этикета, что нельзя быть за обѣденнымъ столомъ въ томъ-же костюмѣ, въ какомъ былъ поутру, или на вечернемъ собраніи въ томъ, въ какомъ былъ за обѣдомъ, — гости были приглашены къ обѣду, сервированному въ громадной театральной залѣ, мгновенно изъ партера превратившейся въ столовую. Объ обѣдѣ этомъ и его „меню“ разсказывать нечего, потому что, само собою разумѣется, онъ былъ верхомъ совершенства; но въ примѣръ изобилія и роскоши стола, можно упомянуть о разварномъ осетрѣ, только что полученномъ, по почтѣ, съ Урала и поданномъ цѣликомъ въ паровомъ котлѣ, который, обверну-

тый массою салфетокъ, былъ принесенъ на какой-то платформѣ, изукрашенной кресъ-салатомъ, изображавшимъ газонъ, — четырьмя дюжими „кухонными мужиками“ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, русскихъ рубахахъ и въ малиновыхъ каленкоровыхъ шароварахъ.

Блюдо это своею гомерическою громадностью, соединенною съ великолѣпною простотою и натуральностью, — конечно, всѣхъ поразило; но оно привело въ какой-то телячій восторгъ знаменитаго нашего квасного патріота и горе-журналиста того времени, Павла Петровича Свиньина, который, облапивъ своими толстыми объятіями коротыша въ очкахъ, то-есть „Борьку“ или, какъ еще его въ интимности называли „Хвостишка Павлущки“, восклицалъ во всеуслышаніе:

— Другъ любезный, Борисъ Михайловичъ, изливаю на васъ мой восторгъ при зрѣлищѣ такой исто-русской роскоши и такого великаго, почти баснословнаго, гостепріимства. Такіе осетры возможны только въ Россіи, и то только за хлѣбосольною трапезою такого мужа, каковъ здѣшній помѣщикъ Добромысловъ.

Эта дикая лесть Всеволожскому, повидимому, понравилась хозяйкѣ дома, княгинѣ Хованской, — она зааплодировала, весело смѣясь и посылая громадно-толстожирному Свиньину воздушные поцѣлуи,—и въ залѣ раздался громъ рукоплесканій, хотя многіе не знали, зачѣмъ они рукоплескали, и крайне удивлялись, видя помиравшую отъ хохота веселую княгиню Хованскую, передъ которой на колѣняхъ не то стоялъ, не то лежалъ Павелъ Петровичъ Свиньинъ, патріотъ, занявшійся, повидимому, на этотъ разъ не „патріотическимъ квасомъ“, а какъ казалось, сильно предпочтившимъ этому нехмѣльному патріотическому напитку бургонскій шамбертенъ. Не довольствуясь, однако, галантерейностью своей жирной особы, Павелъ Петровичъ за пивоторъ

привлекъ къ ногамъ въ ту пору дѣйствительно очаровательной женщины, княгини Хованской, и коротыша въ очкахъ, столь милаго и забавнаго Борьку Карликова, что, какъ казалось, и было преимущественно предметомъ неудержимаго хохота княгини, которая никакъ не могла остановить своего смѣхотворнаго порыва при видѣ у ногъ своихъ жирной туши Свиньина, одѣтаго въ ту пору по всѣмъ законамъ нью-іоркскихъ и вашингтонскихъ модъ и держащаго въ какой-то уморительно долу преклоненной позѣ еще болѣе уморительнаго своего вѣрнаго журальнаго оруженосца „Борьку“.

Но если Павелъ Петровичъ восторгался до послѣдняго пафоса осетромъ 25 октября за обѣдомъ у В. А. Всеволожскаго, то въ своемъ журальцѣ онъ выразился особенно наивно объ этомъ предметѣ, а именно:

„Безъ сомнѣнія, рыба сія у римскаго сибарита былабы смѣряна, вывѣшана и превознесена тутъ-же странствующимъ бардомъ (барды-то у римлянъ, изволите видѣть!..); но мы въ честь ея (т. е. рыбы) скажемъ только, что какъ ни усердно трудились мы надъ нею, но не могли всю ее скушать“.

А! какова благодушная наивность журналистовъ du bon vieux temps!

Вечеромъ въ Рябовѣ былъ спектакль. Даны были извѣстная, считавшаяся тогда прекрасною, комедія Н. И. Хмѣльницкаго: „Нерѣшительный“ и оперетка „Les rendez-vous bourgeois“. Та и другая пьеса исполнены были актерами-любителями, въ числѣ которыхъ явились два тогдашніе извѣстнѣйшіе петербургскіе музыканта: Маурeръ и Червленка. Они играли во французской пьесѣ— первый господина, а второй слугу. Въ антрактахъ не менѣе ихъ знаменитые въ Петербургѣ въ двадцатыхъ годахъ братья Бендеры дали концертъ на кларнетахъ, а волторнистъ Кутель на волторнѣ.

Послѣ спектакля передъ домомъ былъ зажженъ щитъ съ вензелемъ виновника праздника и сожженъ блистательный фейерверкъ. Вечеръ окончился оживленнымъ баломъ, заключившимся безконечнымъ гросфатеромъ, который, съ одною изъ прелестнѣйшихъ дамъ, велъ Никита Всеволодовичъ, блиставшій своимъ камеръ-юнкерскимъ мундиромъ, расшитымъ червоннымъ золотомъ. Никита Всеволодовичъ вообще былъ мастеръ устраивать всевозможныя потѣхи, въ чемъ ему на этотъ разъ усердно помогалъ такой-же, какъ и онъ, молодой весельчакъ, такой-же, какъ и онъ, камеръ-юнкеръ, извѣстный впослѣдствіи, Иванъ Петровичъ Мятлевъ, между прочимъ, прославившійся въ 30-хъ годахъ своимъ премилымъ стихотвореніемъ „*Фонарики*“ и своимъ юмористическимъ произведеніемъ „Мадамъ де-Курдюковъ и ея „*Вояжъ дань л'этранже*“.

На другой день, т. е. 26-го октября, гостепріимные хозяева не хотѣли еще разставаться съ своими милыми гостями, требуя, чтобы они непремѣнно остались. Большинство изъ нихъ, по роду своихъ занятій не обязанные спѣшить въ Петербургъ, исполнили охотно желаніе любезныхъ хозяевъ, тѣмъ болѣе, что подъ рукою распущенъ былъ слухъ о какихъ-то необыкновенныхъ, къ этому дню приготовленныхъ, сюрпризахъ. И дѣйствительно, день этотъ былъ самый веселый, самый шумный изъ всѣхъ дней. Послѣ обѣдни (день этотъ былъ воскресенье) хозяинъ дома, хлѣбосольный Всеволодъ Андреевичъ, очень удивился, что не былъ поданъ своевременно завтракъ. Онъ хотѣлъ обратиться съ вопросомъ къ сыну; но ему сказали весьма серьезно, что Никита Всеволодовичъ уѣхалъ въ городъ по весьма нужному дѣлу, чтобъ принести жалобу генералъ-губернатору на какого-то итальянца синьорино Каламбурини, который открылъ свой ресторанъ въ ихъ правомъ флигелѣ. Этотъ

итальянецъ встрѣтилъ ихъ гостей, въ то время, какъ они возвращались изъ церкви, и нѣкоторыхъ изъ гостей заманилъ къ себѣ въ ресторанъ. Все это, съ свойственною ей граціею и любезностью, какъ нельзя серьезнѣе (отличная была актриса!) сообщила Всеволоду Андреевичу княгиня Хованская. Хозяинъ и гости засмѣялись, поняв въ чемъ дѣло, и поспѣшили пойти въ правый флигель, гдѣ надъ дверями было изображено колоссальными буквами: „*Restauration de m-r Calembourini*“. Синьорини Каламбурини, въ рыжемъ парикѣ, украшенный огромнымъ кошелькомъ и съ тучнымъ пузомъ, встрѣтилъ своихъ гостей привѣтствіемъ на ломаномъ французскомъ діалектѣ съ итальянскимъ акцентомъ и поразилъ ихъ залпомъ каламбуровъ. Какъ ни былъ хорошо гримированъ этотъ каламбуристъ, въ немъ не трудно было узнать любезнаго распорядителя праздниковъ Никиту Всеволодовича, увѣрявшаго при этомъ коверканнымъ русскимъ языкомъ, что фамилія „Каламбурини“ имъ съ честью носится и что собакѣ кличка по шерсти дана. Едва гости разсѣлись у маленькихъ столиковъ, на каждый изъ нихъ была подана карта кушаньевъ и питій. Она наполнена была самыми, какъ говорится, за волосы вытянутыми каламбурами на французскомъ языкѣ, который для фабрикаціи каламбуровъ въ сто кратъ податливѣе нашего. Иные изъ этихъ каламбуровъ смѣшны до нелѣпости, иные-же представляютъ собою совершенную ерунду. Дядя Дормидона Селифонтьевича включилъ въ свою записку эту карту, не попробовавъ воспроизвести ее по-русски, къ чему, впрочемъ, не представлялось никакой возможности. И я теперь здѣсь списываю ее по-французски, снабдивъ только вопросительными знаками тѣ мѣста, гдѣ каламбурная галиматья заходитъ уже за предѣлы возможнаго. Вотъ этотъ гастрономическо-каламбурный документъ 1822 года:

CARTE

de la Restauration de m-r Calembourini.

Tous les plats sont égaux, ce n'est pas la fayence,
C'est ce qui en est dedans, qui fait la différence.
(Berchoud, La „Gastronomie").

a) *Potages.*

Potage à la maitre d'hotel.—Potage au riz (aux ris très sérieux pour les philosophes).—Potage au choux (pour les chouchoux).—Potage aux oeufs (pochés, empochés): — Consonmé, qui n'est jamais assez consommé.

b) *Hors d'oeuvres.*

Rognons rognès.—Jambon (au Bon Jean).

c) *Boeuf.*

Boeuf, piqué d'épine vinette.—Boeuf, braisé au vin des Canaries.—Biefstek elastiques.

d) *Entrées.*

Tendons attendris.—Tête de veau en torture.—Cervelle en papillottes pour les têtes creuses.—Gratin du gratis.—Grue au grueau. — Chévreuil piqué au Rhinocéros. — Choufleurs au souffleur.—Dinde piquee au crocodile.

e) *Poissons.*

Baleine au naturel.—Filets de brochets embrochés.—Ecrevisses de Sibérie.

f) *Rotis.*

Poularde lardée. — Doubles au doublet. — Poulet empoulé (en poulet).—Cailles (callées).—Poule à la guerre.

g) *Patisseries et plats doux.*

Petits patés à l'oeillade assassine.—Patés à la ventriloque.—Patisserie pathétique.—Gelée de Pommes en pomme de terre pour les joueurs de pomme (paume) en Poméranie (?).—Compote de Poire (sans espoir). Laitage à l'étage d'én haut.

Outre cela on trouve au prix de presque pour rien tout un diner complet à la fortune du Pôt.

Les bouteilles et les verres K. C. (cassés) se paient au poid d'argent.

h) *Vingt vins.*

1. *Vins blancs.*

Vin à la blanchisseuse.—Vin au blanc d'espagne.—Vin blanc bec.—Vin vieux du siècle poudré.—Vin sec de graisse, apporté de Grece. — Vin cuit à la glace. — Vin clair en bouteilles vides.—Vin platré au charbon, très stomachique.

2) *Vins rouges.*

Espit de vin en vain, qui en donne à celui, qui n'a pas et ôte à celui, qui en a.—Vin à la crete de coqs.—Vin à la conscience nette.—Vin, qui a beaucoup de vertu contre les péchers mortels. — Vin plat (vingt plats), quoique gros, mais très usités. — Vin Calembourobétissomansé, — vin très à la mode dans les chambres à colonnes crayonnées. — Vin de dessert de serres.—Vin de sellerie au scélérat aimable.—Vin de douceurs galantes.—Vin de dames en demi bouteilles très salé au salon (?).—God-dam, porter véritable, nouvelle apportée de la goddamonie.—Kvas de Versailles en vers sals.—L'eau, l'o, l'os au porteur d'eau très musicale et d'un grand effet, donné gratis.—Eau minérale au corporal en general (?).

Прислугу у Каламбурини составляли товарищи и пріятели Никиты Всеволодовича: они быстро и ловко подавали и перемѣняли блюда, приносили и принимали приборы. Разумѣется, всѣ они были въ костюмѣ, присвоенномъ заграничнымъ гарсонамъ: въ курточкахъ съ короткими зелеными фартуками. Вина же подавали и наливали въ стаканы, рюмки и бокалы молоденькія родственницы хозяина дома, племянницы родныя, двоюродныя, внучатныя (т. е. дочери двоюродныхъ племянницъ) и пр. Всѣ эти Гебы были очень мило, хотя довольно просто одѣты и всѣ отличались молодостью, свѣжестью и отчасти замѣчательною красотою. По этому случаю П. П. Свиньинъ въ печати сказалъ: „Рюмки наши наполнялись изъ рукъ прелестныхъ прислужницъ, коихъ можно бы было принять за самыхъ Гебъ, ежели бы мы могли считать себя богами Олимпа".

Пока гости обѣдали за своими маленькими столиками, въ столовую то и дѣло являлись различные персонажи, въ костюмахъ одинъ другого забавнѣе и замысловатѣе. Напримѣръ, прибѣжала чопорная, tirée à quatre épingles, мадамъ Каламбурини, чтобъ поссориться съ милымъ супругомъ своимъ и дать ему презвонкую пощечину, разумѣется, не заправскую, а театральную, т. е. хлопнуть по своей же рукѣ. Пришли потомъ мистеръ и мистриссъ Ростбифъ; они заставляли всѣхъ до слезъ хохотать, когда принялись разговаривать между собою на исковерканномъ французскомъ языкѣ. Тутъ шатался около столовъ какой-то господинъ съ краснымъ носомъ въ шутовскомъ нарядѣ: онъ былъ украшенъ огромною плакардою на каррикатурномъ желтомъ фракѣ съ надписью: Gastronome ambulant. Этотъ гастрономъ преловко допивалъ недопитыя рюмки у гостей, также выхватывалъ съ колѣней салфетку, чтобъ потомъ поднять ее и подслужиться, за что всегда просилъ себѣ порцію какого-нибудь блюда. Нѣсколько старыхъ французскихъ эмигрантовъ въ шитыхъ шелковыхъ и глазетовыхъ кафтанахъ, въ розовыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ стразовыми пряжками и съ напудренными париками, важно нюхали табакъ и очень забавно разсуждали съ своей точки зрѣнія о всѣхъ тогдашнихъ (1822 года) современныхъ событіяхъ, причемъ, разумѣется, пресмѣшно гнѣвались на карбонаріевъ и презабавно проклинали Боливара, преимущественно за то, что всѣ щеголи того времени носили свои цилиндры не иначе, какъ съ широкими полями à la Боливаръ. При этомъ, какъ бы въ утѣшеніе, они разсказывали другъ другу различные анекдотцы временъ регентства и Людовика XV.

Вдругъ услужливый Каламбурини предложилъ гостямъ, сидѣвшимъ за столиками и кушавшимъ съ апетитомъ,— музыку, при звукахъ которой, какъ онъ забавно объяс-

нялъ,—какъ-то ѣстся пріятнѣе и веселѣе, да и больше, потому что, когда слушаешь Россини, напримѣръ, берешь кусокъ за кускомъ съ особенымъ увлеченіемъ. Получивъ согласіе, онъ воскликнулъ: „Vous serez joués, messieurs!“ — Никита Всеволодовичъ въ 1849 году на вопросъ нынѣшняго старосвѣтскаго петербуржца Дормидона Селифонтьевича, непонимавшаго этой игры словъ, найденной имъ въ запискѣ его дяди,—увѣрялъ, что это каламбуръ вмѣсто словъ servis — joués. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Каламбуръ! Каламбуръ! У Никиты Всеволодовича, впрочемъ, все на свѣтѣ шло за каламбуръ: у него была такая ужь привычка, сдѣлавшаяся второю натурою. Но какъ бы то ни было, joués или servis, какъ ни зови, только хлѣбомъ корми, и вдругъ явилась труппа музыкантовъ-нѣмцевъ, въ родѣ тѣхъ, какихъ нерѣдко случается встрѣчать въ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ они странствуютъ отъ трактира къ трактиру. Всѣ эти господа были прекаррикатурно костюмированы и имѣли презабавныя искуственныя хари, т. е. маски и полумаски. Они разложили ноты и принялись пиликать. Но не взирая на дикость тоновъ, на разладицу звуковъ, въ музыкѣ было что-то забавное, веселое. Замѣчательно, что серьезный Мауреръ нарочно сочинилъ эту музыку „кто въ лѣсъ, кто по дрова“, а музыкантную банду составляли первѣйшіе артисты столицы, только въ превратномъ видѣ: ни одинъ не игралъ на своемъ инструментѣ; напримѣръ: Мауреръ выбралъ себѣ волторну, Червленка віолончель, Кугель скрипку, Верстовскій—басъ и такъ далѣе. Все общество заливалось откровеннѣйшимъ хохотомъ; но всему бываетъ конецъ; такъ и тутъ гостямъ пришлось бѣжать изъ ресторана мосье Каламбурини, потому что онъ прибѣжалъ въ страшныхъ попыхахъ, прося всѣхъ выйти отъ него, потому что подлецъ странствующій гастрономъ за рюмку

вина и котлетку, данныя ему квартальнымъ надзирателемъ, сфискалилъ объ открытіи имъ, Каламбурини, ресторація безъ разрѣшенія полиціи. Для сильнѣйшаго убѣжденія гостей явилась г-жа Каламбурини, плачъ и ревъ которой были такъ оглушительны, что всѣ гости вышли по-добру, по-здорову. Эту крикунью уморительно представлялъ одинъ изъ гостей, одаренный удивительнымъ басомъ.

Гости разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы нѣсколько отдохнуть, а вечеромъ всѣ были приглашены на *Ярмарку*, которая будто бы внезапно устроилась въ Рябовѣ. Театральная зала и сцена были освѣщены разноцвѣтными фонарями, скрытыми въ искуственной зелени, которою отдѣлялись по обѣимъ сторонамъ небольшія лавочки, сдѣланныя декораторомъ и наполненныя готовымъ чаемъ, кофеемъ, шоколадомъ, разнаго рода прохладительными напитками и лакомствами, продаваемыми замаскированными и костюмированными кавалерами и дамами. Всѣ костюмы продавцовъ были довольно строго соглашены съ предлагаемыми предметами. Такъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ дымились ряды самоваровъ и въ фарфоровыхъ чайникахъ заваривался чай, сидѣли китайцы и китаянки; самоѣды, лопари и камчадалы сторожили мороженое, не потому, конечно, чтобъ племена эти знали вкусъ этого итальянскаго лакомства, а потому, что ледъ составляетъ натуральную принадлежность ихъ мѣстности. Далѣе персіяне съ чернѣйшими и длиннѣйшими бородами и шапками, въ пестрыхъ халатахъ-юбкахъ, съ прелестными персіянками, почти такъ-же одѣтыми, какъ ихъ кавалеры, подносили конфекты и фрукты на огромныхъ лоткахъ; турки и турчанки въ чалмахъ (тогда еще фесъ не былъ распространенъ въ Турціи) угощали кофеемъ и шербетомъ. Ярославцы и ярославки въ своихъ щегольскихъ

національныхъ костюмахъ подчивали сбитнемъ и такимъ малиновымъ квасомъ, который и не квасному патріоту казался лучше всякаго лимонада. Съ перваго же взгляда зрѣлище этой ярмарки показалось всѣмъ истинно очаровательнымъ; а вывѣски, поставленныя надъ каждою лавочкою, заняли гостей своею характеристическою живописью и остроумными надписями. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Надъ мелочною лавочкою вывѣска изображала три картинки, довольно искусно намалеванныя: на первой представленъ пьяный мужичокъ, котораго вяжетъ будочникъ, и тутъ же изображенъ огромный башмакъ съ надписью: Le sou-lié. На другой картинкѣ старикъ съ огромнымъ носомъ и надпись: Quel beau nez. Тутъ же виситъ на вѣшалкѣ чепчикъ (bonnet). На третьей—мальчикъ снимаетъ съ сальной свѣчи щипцами и тутъ же носовой платокъ, а надпись: Mou-choir. У выставки самоѣдовъ и лопарей намалеванъ французъ, грѣющійся у огня на русскомъ снѣгу и восклицающій: Quelle glace! У китайцевъ, торгующихъ готовымъ чаемъ, изображена красавица, подающая съ нѣжною улыбкою руку своему возлюбленному, который также восклицаетъ: Quel bon thé (bonté),—и такъ далѣе въ этомъ же родѣ, изобличавшемъ участіе неистощимаго Каламбурини въ составленіи этихъ вывѣсокъ и сочиненіи надписей къ нимъ. Потомъ на сценѣ явились замаскированные: пьерро, пульчинелли, арлекины съ своими дамами: пьеротами, пульчинеллами, коломбинами, и начались разныя арлекинады и попады, превратившіяся въ разнообразные танцы подъ звуки бальной музыки. Къ этой веселой братіи, сошедшей со сцены въ залу, присоединились и некостюмированные гости и тогда танцы, самые оживленные, безцеремонные и веселые, продолжались до трехъ часовъ утра.

Октября 27-го часть гостей разъѣхалась, т. е. та часть,

которую какія-нибудь обязанности отвлекали изъ Рябова въ столицу. Но оставшіеся гости были свидѣтелями прекраснаго праздника, даннаго рябовскимъ владѣльцемъ всей его дворнѣ, всѣмъ работникамъ и работницамъ на фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ, равно какъ крестьянамъ и крестьянкамъ, скотникамъ и скотницамъ, конюхамъ, кучерамъ съ ихъ женами, дочерьми, сестрами и пр. Между прочимъ, было устроено нѣчто въ родѣ лотереи, билеты которой каждому получившему ихъ, а получали ихъ всѣ,—давали право на подарокъ отъ барина; каждому давалась такая вещь, какая ему въ это время была особенно необходима. Кромѣ того устроены были фонтаны, бившіе водкою, пивомъ, бѣлымъ и краснымъ виноградным виномъ, а для обѣда внесены были на огромныхъ платформахъ цѣлые жареные быки, бараны, телята, поросята, куры, индѣйки, гуси, предварительно тщательно изрѣзанные и искусно сложенные въ первоначальную свою форму. Горы различныхъ пряниковъ, яблоковъ и орѣховъ съ другими лакомствами были разобраны очень живо веселыми застольниками. Чай, кофе, сбитень, разные квасы доставляли также всѣмъ истинное удовольствіе. Развеселившіеся простолюдины пустились въ плясъ и затянули пѣсни, двинулись хороводы, и въ этихъ хороводахъ бары, барыни и барышни перемѣшались съ крестьянами и крестьянками, съ лакеями и горничными, поварами, кухарками, кучерами, конюхами, прачками, садовниками, огородниками, скотницами, молочницами, птичниками и веселились безъ соблюденія чиновъ и разнаго рода китайскихъ церемоній. Замѣчательно и достойно вниманія, что тотъ, кто всегда и келейно, и публично, и словесно, и печатно провозглашалъ свою симпатіи къ *доброму народу русскому*, Павелъ Петровичъ Свиньинъ, нашелъ эту „амальгаму сословностей“, какъ онъ выражался, для дорогого

отечества нашего преждевременной, почему онъ предпочелъ сдѣлать партію въ вистъ съ двумя-тремя стариками-звѣздоносцами, непринимавшими участія въ увеселеніяхъ рябовской *младшей братіи*. И выходитъ справедливымъ замѣчаніе, что не одно и то-же *быть* тѣмъ-то или только *казаться* этимъ.

Когда 27-го числа почти всѣ гости, пріѣхавшіе на праздникъ 24 и 25 чиселъ октября, поразъѣхались, на половинѣ Никиты Всеволодовича осталось еще нѣсколько молодыхъ людей изъ его товарищей и пріятелей, съ которыми молодой наслѣдникъ *Петербургскаго Креза* собирался поѣхать къ себѣ въ „Отраду“ съ цѣлью выманить туда и Всеволода Андреевича съ его полуженой, но во всякомъ случаѣ подругой и спутницей жизни, княгиней Хованской, и тамъ кутнуть самымъ оригинальнымъ образомъ, разумѣется, не стѣсняясь ни мало по каламбурной части. Павелъ Петровичъ Свиньинъ, отославшій „Карликова Борьку“, этого своего журнальнаго Санхо-Пансу въ Питеръ, возъимѣлъ желаніе самъ пожуировать съ этой блестящею молодежью, не взирая на то, что въ ту пору ему было безъ малаго сорокъ лѣтъ, и вслѣдствіе этого онъ остался въ „Рябовѣ“ вмѣстѣ съ однимъ весьма молоденькимъ секретаремъ сѣверо-американскаго посольства. Этотъ молоденькій англичанинъ былъ сынъ тогдашняго великобританскаго посланника, аккредитованнаго при петербургскомъ дворѣ, краснолицаго до багровости и сѣдого, какъ лунь, но бодраго и величественнаго старика мистера Бэгота, о которомъ его супруга, посмѣшище нашего тогдашняго, весьма щепетильнаго, высшаго круга, говаривала съ своимъ ужаснымъ акцентомъ, когда ее спрашивали о здоровьѣ ея мужа: „Mister Bagott est un peu ivre aujourdhui“, что означало въ междустрочіи, всѣмъ понятномъ, что почтенный представитель въ Россіи великобританскаго го-

сударства былъ мертвецки пьянъ и уже сутокъ двое безъ просыпу спалъ. Въ такихъ случаяхъ, однако, англійскому винопійцѣ очень хорошо помогалъ кувшинъ нашихъ всероссійскихъ кислыхъ щей съ огуречнымъ разсоломъ, что онъ, по своей лошадиной натурѣ, предпочиталъ всякой soda-water. Сынокъ-же мистера Бэгота былъ совсѣмъ не въ его родѣ, представляя собою смѣсь француза съ гайдпаркскимъ джонъ-булемъ. Павелъ Петровичъ познакомился съ юнымъ Бэготомъ сперва въ Парижѣ, у знаменитаго Лафайета, котораго злые языки считали отцомъ этого юноши, а потомъ укрѣпилъ это знакомство въ Лондонѣ на скачкахъ, на пѣтушьихъ и кулачныхъ бояхъ, въ библіотекахъ и музеяхъ въ лондонскій сезонъ, кажется, 1821 года. Въ Петербургѣ въ то время мало было говорящихъ по-англійски; французскій языкъ преобладалъ во всѣхъ слояхъ общества,—въ высшемъ, вельможномъ, среднемъ, дворянскомъ и негоціантскомъ и низшемъ, чиновничьемъ и купеческомъ. Павелъ Петровичъ болталъ по-англійски довольно бойко и живо, хотя не слишкомъ правильно. Мистеръ Бэготъ № 2 былъ сни сходителенъ къ этимъ ошибкамъ противъ англійскихъ просодіи и грамматики и, за неимѣніемъ въ Питерѣ лучшаго сотоварища, видѣлся съ Свиньинымъ чуть не ежедневно. Отецъ молодого Бэгота съ женою и сыномъ жилъ въ домѣ Рибаса, гдѣ теперь дворецъ принца Ольденбургскаго; а Павелъ Петровичъ Свиньинъ, le patriote du kwass, какъ его въ шутку называло тогдашнее высшее общество, квартировалъ въ верхнемъ этажѣ дома Жербина, противъ нынѣшняго сквера Михайловскаго дворца, гдѣ у Свиньина была квартира въ 10 комнатъ, наполненныхъ его болѣе или менѣе замѣчательнымъ историко-этнографическимъ музеемъ и довольно богатою русскою картинною галерею. Paul Svignine съ Arthur Bagott были почти не-

разлучны до 30-хъ годовъ, когда Павлу Петровичу пришла мысль жениться и обзавестись семействомъ. Одна изъ его дочерей замужемъ за литераторомъ Писемскимъ, который самъ, да и старики его въ галичскомъ уѣздѣ, костромской губерніи, съ Свиньиными были всегда близкими сосѣдями.

Не излишнимъ считаю здѣсь сказать, что въ 1822 году всѣ дамскія моды были очень изящны, не будучи снабжены неестественными тальями подъ мышками à la Josephine, ни тальями à la guêpe (осиными) 30-хъ годовъ, ни отвратительными кринолинами 40—50-хъ годовъ, ни японскими костюмами 60—70-хъ годовъ; онѣ отличались натуральною пропорціональностью и вполнѣ подражали граціознымъ костюмамъ древнихъ гречанокъ, какъ изображаетъ ихъ классическая скульптура. Я разсматривалъ картинки модныхъ журналовъ 20-хъ годовъ и находилъ, что, по моему, по крайней мѣрѣ, убѣжденію, наши дамы, изъ уваженія къ изящному вкусу, не должны были съ этого времени подчиняться капризамъ парижскихъ модистокъ, а остановиться разъ на всегда на модахъ двадцатыхъ годовъ. Того же нельзя сказать о нарядахъ мужскихъ, состоявшихъ, какъ я уже сказалъ, изъ довольно граціозной шляпы-цилиндръ à la Боливаръ, разноцвѣтныхъ суконныхъ, а отчасти, въ парадъ, и бархатныхъ фраковъ съ металлическими и перламутровыми пуговицами, при панталонахъ изъ казимира или шелковаго трико, или черныхъ, или цвѣтныхъ, но всегда не одного цвѣта съ фракомъ, надѣваемыхъ подъ сапоги въ видѣ ботфортъ съ желтыми иногда отворотами по утрамъ, но безъ нихъ послѣ обѣда. Черный галстухъ не существовалъ при фракѣ, а былъ въ употребленіи бѣлый, или атласный, или батистовый, съ батистовою рубашкою, манжетами и накрахмаленными брыжжами. Въ 21-мъ и 22-мъ годахъ начали появляться изрѣдка нынѣшніе брюки

сверхъ сапоговъ со штрипками и черные атласные галстухи съ брильянтовыми булавками. Это называлось *американскою модою*, и П. П. Свиньинъ, вмѣстѣ съ мистеромъ Бэготомъ младшимъ, былъ ея иниціаторомъ въ Петербургѣ, точно такъ какъ онъ ввелъ обычай не опрокидывать чайную чашку, а класть въ нее ложечку, à l'anglaise. По крайней мѣрѣ онъ увѣрялъ въ этомъ всѣхъ и каждаго, и не только словесно, но даже печатно, именно въ предисловіи къ книгѣ, изданной имъ въ 20-хъ годахъ, иллюстрированной видами Петербурга съ подробнымъ, хотя и очень мало точнымъ и невѣрнымъ описаніемъ, гдѣ всѣ цифры или увеличены, или убавлены въ громадныхъ размѣрахъ, по произволу и по капризу автора-издателя. Изъ числа рябовскихъ гостей только онъ и его англійскій пріятель были въ черныхъ галстухахъ и въ длинныхъ брюкахъ. На англичанинѣ былъ фракъ цвѣта Marie-Louise, т. е. васильковаго съ золотыми пуговицами, а панталоны изъ свѣтлобронзоваго казимира; а на Павлѣ Петровичѣ фракъ былъ цвѣта варенаго кофе безъ сливокъ, т. е. чернаго кофе, темнокофейнаго значитъ, а брюки цвѣта café au lait (кофе съ молокомъ) или свѣтлокофейнаго, очень нѣжнаго.

Почтенный Павелъ Петровичъ безпрестаннымъ расхваливаніемъ самого себя въ эти трое сутокъ такъ набилъ всѣмъ оскомину, что, несмотря на его вычурные комплименты Рябову и его амфитріонамъ, меньшой изъ нихъ, Никита Всеволодовичъ, искренно пожелалъ, чтобы г-нъ издатель патріотическаго журнала былъ бы теперь хоть въ Вашингтонѣ или въ салонѣ Лафайета, о которыхъ почти безъ умолку болталъ, но никакъ не у нихъ въ домѣ. О своемъ желаніи онъ сообщилъ своимъ пріятелямъ и товарищамъ, камеръ-юнкерамъ: Мятлеву и Жадовскому *), собиравшимся сѣсть на подведенныхъ имъ пре-

*) Это былъ Иванъ Евстафьевичъ Жадовскій, рано умершій въ Петер-

лестныхъ англійскихъ гунтеровъ, чтобъ сдѣлать horse-beak promenade передъ полдникомъ, въ видахъ усиленія апетита. Они порѣшили отдѣлаться отъ надоѣдливаго гостя. Не прошло и четверти часа, въ которые Павелъ Петровичъ успѣлъ уже съ три короба наболтать объ Америкѣ, разыгрывая гоголевскаго Хлестакова, о которомъ въ ту пору, конечно, и помина не было, молодые люди возвратились, объявляя, что въ Рябово ѣдетъ пріютинскій сосѣдъ **), Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, le petit poucet, какъ его называли, по причинѣ его крохотнаго роста, и везетъ съ собою колоссальнаго Ивана Андреевича Крылова, живущаго въ Пріютинѣ въ особомъ домикѣ, называемомъ *Крыловскою кельею*.

— Да развѣ Алексѣй Николаевичъ возвратился изъ Рима, Парижа и Дрездена, куда ѣздилъ, по высочайшему повелѣнію, какъ директоръ академіи художествъ? спросилъ Свиньинъ.

— Вчера только вечеромъ возвратился, отвѣчалъ И. П. Мятлевъ, — и узнавъ о празднествахъ, бывшихъ въ Рябовѣ, ѣдетъ къ его высокопревосходительству Всеволоду Андреевичу для принесенія ему поздравленія, хоть запоздалаго, но il vaut mieux tard que jamais (лучше поздно, чѣмъ никогда), и везетъ съ собою знаменитаго фабулиста, который обѣщаетъ прочесть какую-то новую басню или сказку „Мѣдный лобъ“. Мы съ Жадовскимъ ѣхали подлѣ

бургѣ, между тѣмъ какъ братъ его, недавно, въ 1873 году, умершій въ Царскомъ Селѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, Анастасій Евстафьевичъ, попалъ въ книгу г-на Лютецкаго: «Замѣчательнѣйшіе уголовные процессы» М. 1867 г.

**) Пріютино, мыза въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рябова, принадлежавшая Алексѣю Николаевичу Оленину, который лѣтомъ тамъ всегда жилъ и устроилъ домикъ для своего пріятеля И. А. Крылова. Въ 1849 году, когда Пріютино принадлежало доктору Ф. М. Адамсу,—были еще слѣды этого домика, служившаго сараемъ для картофеля.

оконъ ихъ кареты; они на шестерикѣ древнихъ Россинантовъ плетутся шагомъ, а мы присвакали сюда во весь карьеръ нашихъ британцевъ, чтобъ предупредить хозяевъ Рябова о такихъ милыхъ гостяхъ.

— Предвареніе необходимо, особенно о Крыловѣ, нѣсколько сконфузясь и поблѣднѣвъ, сказалъ Свиньинъ,— потому что онъ жретъ за пятерыхъ, о чемъ необходимо предупредить метръ д'отеля. Какую это сказку онъ хочетъ читать? Я что-то въ городѣ слышалъ, что не онъ, Иванъ Андреевичъ, а воспѣватель пьяныхъ квартальныхъ, тривіальный и циничный Александръ, Ефимовъ сынъ, Измайловъ, издатель-редакторъ такъ-называемаго имъ „Благонамѣреннаго", недавно что-то настрочилъ подъ этимъ названіемъ и даже уже читалъ много мечтающимъ о своемъ геніальномъ умѣ братьямъ Княжевичамъ *).

Затѣмъ Павелъ Петровичъ переговорилъ по-англійски съ своимъ спутникомъ англичаниномъ, мистеромъ Бэготомъ № 2, который жегъ уже, кажется, пятисотую соломенную пахитоску, такъ-какъ тогда не было въ обычаѣ курить что-либо болѣе солидное, трубку или сигару (о папиросахъ, явившихся съ 40-хъ годовъ, никто и понятія не имѣлъ), въ домахъ истинно порядочныхъ. Результатъ этихъ переговоровъ выразился въ томъ, что

*) Братья Княжевичи, чешскаго происхожденія, всѣ служили, преимущественно въ министерствѣ финансовъ. Они занимались русской литературой очень успѣшно и особенно превосходно переводили съ нѣмецкаго для Гречева «Сына Отечества» разныя повѣсти и цѣлые романы Старшій изъ нихъ былъ Дмитрій Максимовичъ, умершій лѣтъ 20 назадъ. Онъ былъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Послѣ него остался сыновья, изъ которыхъ одинъ, кажется, шталмейстеромъ при дворѣ. Второй Княжевичъ, Александръ Максимовичъ, умершій въ 1872 году, былъ министромъ финансовъ. Владиславъ и Николай Максимовичи Княжевичи были предсѣдателями казенныхъ палатъ, первый—екатеринославской, второй—рязанской. Всѣ эти Княжевичи были люди замѣчательные и достойные, оставившіе о себѣ хорошую память и слѣды въ литературѣ.

Кас. Кас.

Павелъ Петровичъ и Бэготъ, наскоро распрощавшись съ хозяевами, подъ предлогомъ какихъ-то важныхъ дѣлъ, въ своей коляскѣ четверней быстро ускакали въ Петербургъ, гдѣ Павелъ Петровичъ разсказывалъ всѣмъ, кто только хотѣлъ его слушать, что будь онъ одинъ, онъ остался бы въ Рябовѣ и съумѣлъ бы вынести, по долгу патріота, омерзительный цинизмъ Ивана Андреевича Крылова, съ которымъ невозможно благовоспитанному человѣку быть за столомъ,—такъ онъ неряшливъ, такъ онъ грязно и прожорливо ѣстъ, напускаясь на всѣ блюда съ какимъ-то неистовствомъ и забрызгивая сосѣдей.

— Изъ чувства святого патріотизма, говорилъ, запыхиваясь, Павелъ Петровичъ,—я не могу сдѣлать свидѣтелемъ такого свинячества, совершаемаго знаменитымъ русскимъ Лафонтеномъ и Федромъ, иностранца, англійскаго гражданина, которому надо у насъ показывать все съ казоваго конца, а всю дрянную сторону нашего быта и нашей жизни будемъ знать про себя. Il faut laver notre linge sale en famille (т. е. надобно у себя въ семьѣ стирать свое грязное бѣлье), словомъ, не выносить сора изъ избы.

Пока Павелъ Петровичъ катилъ въ Петербургъ, въ Рябовѣ гостепріимные хозяева съ радостью принимали своего пріютинскаго сосѣда, только-что прибывшаго изъ чужихъ краевъ и пріѣхавшаго теперь вмѣстѣ съ своимъ постояннымъ лѣтнимъ гостемъ, чудакомъ изъ чудаковъ, столько же богатымъ странностями и оригинальностью, какъ и талантомъ, Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ. Никита Всеволодовичъ, зная вкусы русскаго Лафонтена, распорядился угостить его настоящими русскими щами, бараньимъ бокомъ съ кашей, уткой съ груздями, поросенкомъ подъ хрѣномъ со сметаной и подовыми пирогами. Все это богатырь (физіономія котораго всѣмъ хорошо извѣстна по его портретамъ и по па-

мятнику въ Лѣтнемъ саду), въ сѣромъ испачканномъ и испятнанномъ, широкомъ, какъ балахонъ, съ нѣсколькими заплатками фракѣ, съ салфеткою, заткнутою во все полотнище за бѣлый грязный галстухъ, ѣлъ съ гомерическимъ апетитомъ, запивая ковшами ледяного русскаго кваса. Такъ наѣвшись и такъ напившись, Крыловъ, не принимая участія въ обѣдѣ à la française, ни въ бесѣдѣ, напоминавшей собою всѣ тонкости разговора suprême bon ton, какимъ отличались всѣ гости и сами хозяева Рябова,—крѣпко всхрапнулъ въ креслахъ, не вынувъ даже салфетки изъ-за галстуха. Когда онъ выспался и выпилъ со сна добрый графинъ воды прямо съ ледника, холодной, какъ ледъ, то крякнулъ и спросилъ:

— А будетъ-ли дозволено мнѣ, мужику невоспитанному, трубочкой позабавиться или сигару пососать да подымить?

— Все къ услугамъ Ивана Андреевича, былъ отвѣтъ,— да та бѣда, что у насъ во всемъ Рябовѣ, даже у литейныхъ и иныхъ мастеровъ иностранцевъ, нѣтъ сигаръ, а водится только табакъ кнастеръ.

— Сигара имѣется со мною, объяснилъ Крыловъ, вынимая ее изъ расшитаго по канвѣ шелками портъ-сигара, вмѣстѣ съ фосфорическою зажигалкою, какія любители куренія носили при себѣ;—мнѣ нужно было только разрѣшеніе.

И онъ тотчасъ зажегъ толстую бременскую сигару и окружилъ себя огромнымъ и густымъ облакомъ дыма.

— Хорошо-ли вы выспались, Иванъ Андреевичъ? спрашивали Крылова.

— Превосходно, отвѣчалъ онъ, — и во снѣ окончательно сочинилъ начатую мною на яву одну сказочку, про того бѣлаго бычка, который, какъ разсказалъ намъ это римлянинъ Федръ по-латыни и какъ передалъ потомъ намъ Лафонтенъ по-французски,—любилъ больно

врать и заврался до того, что его самого волки съѣли. Ха! Ха! Ха!

— Такъ вы, Иванъ Андреевичъ, эту басню: „Молодой быкъ лжецъ“, передѣлали на русскіе нравы и въ русскіе стихи?

— Ну, не то, чтобъ передѣлалъ, а тѣмъ паче перевелъ, улыбался Крыловъ,—а только перекроилъ на другой салтыкъ: изъ басни сдѣлалъ сказку и назвалъ ее, какъ я давеча по дорогѣ говорилъ Ивану Петровичу: „Лгунъ“.

— Но, сказалъ Мятлевъ,—Павелъ Петровичъ Свиньинъ, который еще сегодня утромъ былъ здѣсь и которому, винюсь, я разболталъ о вашей сказкѣ, говорилъ, что сказка эта написана Измайловымъ, а не вами, Иванъ Андреевичъ. А впрочемъ, Павелъ Петровичъ такъ часто грѣшитъ противъ правды, что, можетъ быть, и тутъ что-нибудь да не такъ.

— Ха! Ха! Ха! грохоталъ Крыловъ,—ха! ха! ха! Это уморительно! Павлуха Свиньинъ сказалъ въ первый разъ правду, а Иванъ Крыловъ солгалъ! Уморушка! Ха! Ха! Ха! Я въ лжецы, какъ куръ во щи, попался! И дѣло: не въ свои сани не садись, Крылову не мѣсто въ свиньинскихъ пошевняхъ. Ну, точно это сказка не моя, а Измайлова, который написалъ ее надняхъ и мнѣ только-что вчера привезъ, прося пока выдавать за мою, хотя шутъ гороховый, мастодонтъ въ очкахъ, самъ сознался, что какъ только написалъ ее на той недѣлѣ во вторникъ, читалъ у такого же толстяка, какъ мы съ нимъ, именно у Дмитрія Максимовича Княжевича. Да, на счетъ нашихъ громадныхъ размѣровъ, насъ всѣхъ троихъ, рядомъ за ужиннымъ столомъ сидѣвшихъ, много зубоскалилъ извѣстный нашъ фигляръ Николай Иванычъ Гречъ, когда мы у него 5 октября нынѣшняго года всѣ собрались на его вечерину по случаю десятилѣтня-

го юбилея его журнала „Сынъ Отечества“. Своихъ басенъ я почти никогда въ обществахъ не читаю, а если и читаю, то только въ Пріютинѣ Оленину, да въ Павловскѣ императрицѣ Маріи Федоровнѣ. Но чужую, и не басню, а сказку, извольте прочту вамъ, господа, въ благодарность за сальникъ и за свиного Веніамина подъ сметаной. Чуръ только, не повторяйте ее Павлу Петровичу Свиньину, а то тогда его никакимъ калачемъ въ Рябово не заманите, хотя Измайловъ и увѣряетъ, что Свиньинъ ни за что въ поднесенномъ ему Александромъ Ефимовичемъ зеркалѣ себя узнать не захочетъ.

И Крыловъ началъ наизустъ читать своимъ пріятнымъ и необыкновенно яснымъ голосомъ:

ЛГУНЪ.

Павлушка-*мѣдный лобъ* (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда-же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды... Ахъ, его лукавый побери!..
Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный.
„Представьте, говорилъ,—какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!.. Что? Нѣтъ, мало!—
А дѣлалъ кто его?—Мужикъ,
Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь
Въ день имянинъ Наполеона.

На шарѣ вышиты: гербъ, вензель и корона.
Я *срисовалъ*... Хотите, покажу...
Но послѣ... Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ—и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою,
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ,—
Канатъ въ мигъ попеламъ; раздался ружей громъ,
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: „Vive! Vive Napoléon!
Bravo, bravo, Monsieur Sophron!
Шаръ выше, выше все—и за звѣздами скрылся.
А знаете-ли, гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да опускаясь къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ;
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ-же мужичекъ *Кумикъ*?“
— „Повѣсилъ-бы тебя на сосну за языкъ,
Сказалъ одинъ старикъ;—
Ну, Павелъ, исполать! Какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ-бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!..
Какъ шаръ-то былъ великъ?“
„Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объемѣ будетъ съ полверсты“.
— Ну какъ-же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ, что-ль, насъ считаешь?

Прямой ты *медный лобъ*. Ни крошки нѣтъ стыда!
„Э! полно, миленькій *), неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда*“.

Личности, достойныя полнаго довѣрія и владѣющія письменными фактами, а именно „*Мемуарами А. Е. Измайлова*“, при жизни его имъ веденными, разсказывали мнѣ этотъ замѣчательный случай литературнаго быта двадцатыхъ годовъ, бывшій въ Рябовѣ, почему я и счелъ за нужное включить его въ эту статью о трехдневномъ рябовскомъ празднествѣ въ октябрѣ 1822 года.

*) Выраженіе, которое П. П. Свиньинъ, по привычкѣ, въ нецеремонномъ разговорѣ безпрестанно употреблялъ.

САВВА ЯКОВЛЕВЪ.

Въ одно, какъ сейчасъ помню, майское утро 1870 года сидѣлъ я въ Лѣтнемъ саду. Я кутался въ байковое пальто, находя, что какъ ни ярко и весело играло солнышко, а все-таки теплое верхнее платье было весьма не лишнимъ, какъ это почти всегда бываетъ въ маѣ мѣсяцѣ въ нашемъ любезномъ Петербургѣ. Вдругъ ко мнѣ подсѣлъ Дормидонъ Селифонтьевичъ, одѣтый въ теплый сюртукъ. Холодная не по сезону погода заставила насъ обоихъ толковать въ стотысячный разъ на тему, что „наше сѣверное лѣто—каррикатура южныхъ зимъ“, какъ вдругъ къ намъ подвернулся одинъ изъ услужливыхъ разносчиковъ газетъ, въ ту пору не носившихъ еще той однообразной формы съ разными цвѣтами, по своимъ хозяевамъ, какою снабжены они, кажется, съ 1874 года. Газетчикъ предложилъ намъ нумера новыхъ газетъ, бывшихъ въ его пузатой сумкѣ, и мы, взнеся ему нашу пятаковую лепту, принялись пробѣгать свѣжіе листки съ болѣе или менѣе свѣжими новинками.

Вдругъ мой партнеръ вскричалъ:

— Ну можно-ли такъ ужасно врать? Здѣсь напечатана статья, трактующая о безобразіяхъ и безобразникахъ нашей столицы, разумѣется, не сегодняшнихъ, а о тѣхъ, которые могутъ считаться моими современниками.

— Ну, такъ что-жь, спросилъ я,—должно быть, статья любопытная.

— И въ особенности курьезная своимъ враньемъ, преимущественно по части разсужденій, заявилъ старикъ, вынувъ изъ своего, неразлучнаго съ нимъ портфеля-агенды карандашъ въ серебряномъ рейсфедерѣ и отмѣтивъ въ статьѣ, имъ цитированной, нѣсколько строкъ.— Прочтите-ка, да погромче, вслухъ, а не про себя, тѣ мѣста, что я очертилъ, сказалъ онъ, суя мнѣ „Листокъ“.

Я прочелъ вслухъ, какъ того требовалъ мой сѣдовласый собесѣдникъ, слѣдующее:

„Савва Яковлевъ былъ послѣднею отраслью древняго дворянскаго рода. Съ нимъ прекратился родъ Яковлевыхъ, да пожалуй, и къ лучшему.

„Савва Яковлевъ служилъ въ молодости въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ. Говоря *служилъ*, мы этимъ хотимъ только сказать, что онъ бывалъ на ученьяхъ, на разводахъ и на парадахъ. *Будучи красавцемъ* (?!), онъ часто назначался ординарцемъ. Этимъ и заканчивалась его служебная дѣятельность.

„Несмотря на то, что служба была легка, Савва въ три года такъ утомился, что заблагоразсудилъ выйти въ отставку. Въ отставкѣ-же онъ предался всѣмъ прелестямъ кутежа, на который ухлопавъ свои милліонныя богатства, оставилъ намъ въ воспоминаніе нѣсколько дикихъ своихъ выходокъ, которыя совершаемы имъ были въ виноизступленіи.“

Кончивъ чтеніе, я обратился къ Дормидону Селифонтьевичу съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ну такъ что-же?

— Да, тоже-съ, что тутъ нѣтъ ни слова вѣрнаго, все перепутано, однимъ словомъ, авторъ этой статьи „слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ!“

— Однако, замѣтилъ я,—мнѣ случалось много слышать о Саввушкѣ Яковлевѣ, и я нахожу, что эта характеристика его вѣрна.

— Вѣрна, вѣрна! По-вашему, господа, всякая поверхность достаточна, было-бы подано горячо, а за вкусъ не ручаемся. Въ этомъ случаѣ вы, господа, всѣ смахиваете на такихъ разскащиковъ, какъ покойный (не тѣмъ будь помянутъ!) Филиппъ Филипповичъ Вигель, графъ Соллогубъ и г-нъ Инсарскій, возбудившій противъ себя такую страшную бурю гоненій, „Петербургскій Старожилъ“, которому вѣдь досконально доказывали журнальные зоилы, что онъ Ермолова видѣлъ въ Орлѣ не въ 1826, а въ 1827 году, что стихотворца Якубовича звали не Лукою, а Лукьяномъ, что журналистъ-сатирикъ Воейковъ носилъ очки въ золотой, а не въ черепаховой оправѣ и проч., и проч., нѣтъ числа промахамъ этого рода, не считая самаго громаднаго—съ г-мъ Прошевскимъ, родившимся въ началѣ 30-хъ годовъ то въ того, то въ другого изъ петербургскихъ второстепенныхъ поэтиковъ, какихъ тогда было черезъ край много. „Петербургскій Старожилъ“ 35 лѣтъ сряду, если не болѣе, прожилъ въ увѣренности, что онъ, „Петербургскій Старожилъ“, въ 1829 и 30-хъ годахъ зналъ въ Петербургѣ г. Подолинскаго и съ полнымъ апломбомъ заговорилъ объ этомъ въ статьѣ своей: „Пятницы у Воейкова“. Тутъ-то и вышла комедія: статья эта заставила забытаго и литературою, и печатью, и свѣтомъ г. Подолинскаго откликнуться и напомнить о своемъ существованіи. Весь

этотъ комическій quiproquo напечатанъ П. И. Бартеневымъ въ 8 № его „Русскаго Архива“ 1872 года. А всему причиною небрежность всѣхъ этихъ господъ къ почтенной и всякаго уваженія достойной привычкѣ—вести акуратный дневникъ, снабженный документами печатными и рукописными, какъ pièces justificatives. Нѣтъ, имъ, этимъ Тацитамъ моей эпохи, не вѣрится въ важность записокъ и мемуаровъ, они слишкомъ довѣрчивы къ своей памяти, а она-то, лукавая плутовка, и играетъ съ ними шутки, иногда далеко не пріятнаго свойства.

— Но, позвольте, Дормидонъ Селифонтьевичъ, позвольте, засмѣялся я,—теперь рѣчь о тѣхъ промахахъ, какими наполнена, какъ вы изволите говорить, небольшая газетная замѣтка о нѣкогда знаменитомъ петербургскомъ самодурѣ Саввѣ, или, какъ его всѣ звали, Саввушкѣ Яковлевѣ.

— Да, да, ваша правда, согласился старикъ,—и вотъ-съ въ чемъ дѣло...

Я не стану утомлять вашего вниманія многословнымъ разсказомъ 65 или почти 70-лѣтняго старика Дормидона Селифонтьевича, который разъ десять сбивался съ панталыку и заносился въ совершенно иныя сферы, благодаря обилію его воспоминательнаго матерьяла, а представлю лишь квинтъ-эссенцію изъ его критическихъ замѣтокъ на ту коротенькую статейку о Саввушкѣ Яковлевѣ, которую сейчасъ вы прочли.

1) Савва Яковлевъ, названный въ статьѣ этой послѣднею отраслью древняго дворянскаго рода, былъ вовсе не послѣднею отраслью этого, не слишкомъ древняго, а довольно средняго дворянскаго рода, далеко не связаннаго съ историческою знатью узами кровнаго родства. Представителемъ этого рода остается еще старшій братъ Сав-

вы,—Иванъ Алексѣевичъ, пожертвовавшій въ 1850 году мильонъ рублей сер. для покрытія бреши, сдѣланной въ инвалидномъ капиталѣ тогдашнимъ правителемъ дѣлъ комитета раненыхъ Политковскимъ. За это Иванъ Алексѣевичъ получилъ, какъ офиціально извѣстно, каммергерскій ключъ. Правда-ли, нѣтъ-ли, Дормидонъ Селифонтьевичъ не знаетъ, а слышалъ, что и послѣ смерти Ивана Алексѣевича родъ его не погаснетъ, такъ-какъ, говорятъ, онъ усыновилъ одного молодого человѣка. Отецъ Ивана и Саввы, — Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ былъ отставной гвардіи корнетъ конногвардейскаго полка. Онъ одинъ изъ всѣхъ оберъ-офицеровъ Россійской Имперіи былъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3 ст., т. е. такой, при которой орденъ носится на шеѣ, а не въ петлицѣ, и дается большею частью лицамъ въ генеральскихъ чинахъ или, по крайней мѣрѣ, полковникамъ гвардіи и статскимъ совѣтникамъ. Яковлевъ заслужилъ эту незаурядную награду за незаурядное дѣло: онъ на свой счетъ въ 1812 году покрылъ желѣзомъ изъ своихъ сибирскихъ желѣзныхъ заводовъ во всей Москвѣ всѣ казенныя строенія, крыши которыхъ пожраны были историческимъ пожаромъ. Этимъ пожертвованіемъ Яковлевъ доставилъ казнѣ нѣсколько мильоновъ экономіи. Старшая его дочь была замужемъ за графомъ А. Н. Мордвиновымъ, сыномъ извѣстнаго графа Николая Семеновича Мордвинова. Она умерла въ тридцатыхъ годахъ, а другая его дочь, самая меньшая, въ замужествѣ за графомъ Штейнбокъ-Ферморомъ.

2) Статейка *Листка* гласитъ, что „Савва въ три года службы такъ утомился, что заблагоразсудилъ выйти въ отставку“ изъ того кавалерійскаго полка, въ которомъ находился, и что, *будучи красавцемъ*, онъ часто назначался ординарцемъ. Во-первыхъ, этотъ кавалерійскій полкъ былъ не какой-нибудь поселенскій бѣдный улан-

скій полкъ, какъ изъ статьи можно-бы заключить, а первый полкъ всей русской кавалеріи, какъ преображенскій есть первый полкъ всей русской пѣхоты, именно л.-гв. кавалергардскій, въ рядахъ котораго въ тѣ времена служила самая богатая и блестящая молодежь. Вышелъ же Савва Яковлевъ въ отставку вовсе не по причинѣ утомленія, потому что не отъ чего было утомляться, а потому, что онъ почему-то счелъ себя обиженнымъ. Дѣло въ томъ, что Саввушкѣ хотѣлось во что-бы то ни стало имѣть флигель-адъютантскій аксельбантъ. Отецъ его то и дѣло говорилъ ему: „Савва! Не пожалѣю мильона за твой флигель-адъютантскій аксельбантъ!“ Старикъ былъ честолюбивъ, спалъ и видѣлъ только своего Саввушку въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ. Представился случай Саввушкѣ великолѣпно отличиться при помощи мильона папаши. Командиръ полка, аристократъ, графъ Апраксинъ, назначилъ поручика Яковлева ремонтеромъ. Саввушка, почти не выѣзжая изъ Петербурга и страшно шаля на свободѣ, при содѣйствіи безграничнаго кредита, открытаго отцомъ, а также при сотрудничествѣ пяти-шести нанятыхъ имъ спеціалистовъ ремонтной премудрости,—представилъ въ кавалергардскій полкъ такихъ коней, какихъ ни этотъ полкъ, ни какой другой никогда не видали. Великій князь Михаилъ Павловичъ ахнулъ отъ восхищенія и разцѣловалъ ремонтера, сказавъ, что за такой приводъ онъ не знаетъ награды. Всѣ были въ восторгѣ; флигель-адъютантскіе эполеты и аксельбантъ изъ чистѣйшаго серебра были куплены на случай старикомъ Яковлевымъ. Но всѣ эти восторги прошли, когда императоръ Николай Павловичъ, посмотрѣвъ равнодушно превосходныхъ коней и назначивъ ихъ всѣхъ подъ фланговыхъ унтеръ-офицеровъ, сказалъ графу Апраксину, шептавшему уже о флигель-адъютантствѣ Яковлева: „На деньги отца-миль-

онера и не такихъ лошадей можно накупить!“ Оказалось, какъ разсказалъ графъ Бенкендорфъ (большой пріятель А. И. Яковлева), что государь зналъ, что мертвая кошка въ кулькѣ, пущенная въ нѣмецкой оперѣ изъ верхняго яруса боковой ложи къ ногамъ крайне неказистой нѣмецкой пѣвицы Нерейтеръ,—дѣло рукъ и изобрѣтательности Саввушки. Флигель-адъютантскій аксельбантъ остался для Саввушки и его отца въ миражѣ, почему Саввушка, считая себя обиженнымъ, улетучился изъ полка и вышелъ въ отставку.

Теперь слова два о красотѣ Саввушки Яковлева, котораго авторъ статьи, конечно, никогда не видалъ или не имѣетъ понятія о томъ, что такое „красавецъ“ по законамъ изящнаго, иначе онъ никогда не назвалъ-бы его „красавцемъ“. Только въ шутку Саввушка Яковлевъ могъ быть названъ „красавцемъ“, въ доказательство чего, перевернувъ нѣсколько страницъ, вы прочтете самое фотографически-вѣрное описаніе физіономіи Саввы Алексѣевича Яковлева и убѣдитесь, что менѣе всего на свѣтѣ можно было назвать его „красавцемъ“.

Велико было число друзей у Саввы, но никто не въ состояніи былъ „перепить“ его. Савва гордился этимъ, и одному изъ друзей своихъ, который опредѣлялъ искусство много пить, сравнивая питуховъ съ Савушкой, передъ которымъ, по его словамъ, они все-таки дрянь дрянью, Савва ни съ того, ни съ сего подарилъ капиталъ въ 100 т. руб. Другъ этотъ былъ отставной гвардіи сапернаго баталіона капитанъ Бемъ.

Савва гордился въ особенности тѣмъ, что къ концу вечера или, скорѣе, ночи, послѣ страшнаго истребленія шампанскаго, онъ одинъ могъ „плюнуть дальше бороды“.

Въ искуствѣ много пить онъ имѣлъ одного соперника,

именно вышеименованнаго Бема. Эта личность была совершенное подобіе Саввы Яковлева. Тотъ-же цинизмъ, та-же лѣнь, та-же неспособность ни къ чему серьезному, то-же неуваженіе къ личности и чужой чести и репутаціи. Словомъ, если-бы подошедшаго къ нему Яковлева зеркало отразило Бемомъ, то оно было-бы прекрасное, необыкновенно вѣрное зеркало, само собою разумѣется, въ смыслѣ нравственномъ, такъ-какъ въ физическомъ между ними не было никакого сходства: Яковлевъ былъ роста нѣсколько меньше средняго, но тонокъ, худощавъ и сухъ; цвѣтъ лица его былъ блѣдновато-смуглый съ желтовато-свинцовымъ гемороидальнымъ оттѣнкомъ и съ постоянными багровыми пятнами на щекахъ и на лбу, покрытомъ всегда какими-то худосочными волдырями и прыщами; глаза у него были темносѣрые, впрочемъ, совершенно тусклые, прикрытые очками въ довольно толстой черепаховой оправѣ; волосы Яковлевъ имѣлъ темнокаштановые, которые онъ то стригъ подъ гребенку, à la mal content, какъ этого рода стрижка тогда называлась; то отпускалъ, не стригъ волосъ по мѣсяцамъ и носилъ прическу сен-симонистовъ, à la père Enfantin. Страшное, непомѣрное употребленіе вина сдѣлало то, что Яковлевъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, изъ худощаваго и довольно тоненькаго превратился въ обрюзгшаго и не то, чтобы разжирѣлъ, а сдѣлался какимъ-то опухлымъ, раздутымъ, что необыкновенно безобразило его носъ, въ прежнее время довольно правильный и хорошо поставленный, съ легкою горбинкою; его носъ до неимовѣрности расширился, распухъ, покрылся румянцемъ въ видѣ какихъ-то темнобагровыхъ черточекъ и словно налакировался. Послѣ этого Саввушка менѣе всего могъ считаться „красавцемъ“. Бемъ-же, будучи почти одного съ Яковлевымъ роста, былъ отъ природы изрядно толстъ, необыкновенно бѣлъ,

румянъ и имѣлъ превосходные густые бѣлокурые волосы, а глаза ярко-голубые, на выкатѣ. Попойки и кутежная жизнь, заставлявшая постоянно дѣлать изъ ночи день и обратно, не такъ сильно подломили жирнаго Бема, какъ сухопараго Яковлева. Бемъ, хотя и умеръ нѣсколько раньше друга своего, Яковлева, однако, до конца жизни, благодаря, вѣроятно, нѣсколько лимфатической своей натурѣ,—сохранилъ достаточно свѣжести и бойкости, совершенно утраченныхъ Яковлевымъ задолго еще до смерти, послѣдовавшей здѣсь въ Петербургѣ, въ концѣ 1848 года, среди скверныхъ обстоятельствъ, въ какія мотъ-самодуръ самъ себя поставилъ, промотавъ еще при жизни отца значительную часть того громаднаго состоянія, какое ему было назначено духовнымъ завѣщаніемъ отца, и надѣлавъ еще ранѣе на счетъ этого состоянія долги, отъ уплаты которыхъ отецъ его, Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, отказался. Саввушка при помощи своего двоюроднаго брата, также отставного гвардейца, служившаго потомъ по дипломатической части, Угрюмова, надавалъ множество долговыхъ обязательствъ за подписью Угрюмова съ своимъ удостовѣреніемъ. Въ своемъ домашнемъ архивѣ я недавно отыскалъ 188 нумеръ „Сѣверной Пчелы“ 1861 года, тогда издававшейся уже не Гречемъ съ Булгаринымъ, а П. С. Усовымъ, нынѣшнимъ издателемъ-редакторомъ газеты „Биржа“. Въ этомъ нумерѣ усовской „Пчелы“ напечатанъ преинтересный юридическій разсказъ, взятый изъ „Журнала Министерства Юстиціи“, изъ котораго ясны, какъ нельзя болѣе, гадкія продѣлки Саввушки съ своимъ простодушнымъ и нѣсколько сумасброднымъ двоюроднымъ братомъ Угрюмовымъ, который, благодаря Саввушкѣ, былъ арестованъ и содержался въ исправительномъ заведеніи, откуда въ арестантской каретѣ былъ возимъ для допросовъ и дачи отвѣ-

товъ сначала въ надворный уголовный судъ, а потомъ въ уголовную палату. Отъ тогдашняго товарища предсѣдателя этой палаты Вл. Аф. З—на (тогда еще недавно сошедшаго съ скамей училища Правовѣденія, нынѣ дѣйст. ст. сов. въ отставкѣ и живущаго за границею въ Ниццѣ) я слышалъ, что Угрюмовъ носилъ на себѣ печать самой привлекательной симпатичности, и за услугу, однажды оказанную ему его кузеномъ Саввою Алексѣевичемъ, онъ, благодаря шаткости правилъ и быстрой перемѣнчивости мнѣній этого милаго кузена,—погибъ. Когда все это скандальное дѣло, производившееся въ уголовной палатѣ съ примѣрною и рѣдкою для того времени законностью, приходило къ своему концу и назначалось къ передачѣ въ сенатъ,—Угрюмовъ распорядился своею жизнью, отнявъ тѣмъ возможность у палача исполнить надъ нимъ, у столба эшафота на Зимней Конной, оскорбительный обрядъ лишенія правъ состоянія: онъ, говорятъ, отравился, успѣвъ, какъ тогда разсказывали въ городѣ, передать записочку на имя Саввы Яковлева. Прочитавъ эту записочку, Савва, говорятъ, расхохотался своимъ хриплымъ смѣхомъ и закричалъ: „Après moi le néant!“ Затѣмъ онъ, уже нѣсколько времени необѣдавшій, довольствовавшійся одною чашкою бульону, ничего кромѣ зельтерской воды непившій,—заказалъ повару очень изящный, тонкій обѣдъ по всѣмъ законамъ кулинарнаго искуства и велѣлъ подать къ столу цѣлую батарею бутылокъ превосходнѣйшихъ винъ, въ числѣ которыхъ шампанское играло главную роль, какъ и всегда во всѣхъ его оргіяхъ. Всего одинъ кувертъ былъ поставленъ въ огромной залѣ, гдѣ обыкновенно собиралось множество гостей и гдѣ совершались разнаго рода сатурналіи. Съ этой минуты Яковлевъ оставилъ всякую діэту, опять зажилъ своею кутежною жизнью, и въ это-то время познакомился съ Людовикою Слопачинскою

изъ цирка Кюзана и Лежара. Объ этомъ знакомствѣ курьезныя подробности вы найдете подальше, почти въ концѣ этой статьи, такъ-какъ увлеченіе этою очаровательною полькой-парижанкой, отецъ которой былъ отставной польскій уланъ наполеоновскихъ армій, а мать чистокровнѣйшая гризетка изъ quartier Latin,—ускорило конецъ жизни Саввушки. Трудно понять почему, но Саввушка любилъ ее такъ, какъ не любилъ ни одной женщины на свѣтѣ. Правда, эта Тальони на конѣ (состоящая въ труппѣ такъ-называвшагося „парижскаго“ цирка въ Петербургѣ, въ отличіе отъ другого, именно „Олимпійскаго“, у Семіоновскаго моста, принадлежавшаго Гуэррѣ) была дѣйствительно очаровательна, соединяя съ красотою, граціозностью, ловкостью и игривостью блестящій и довольно даже образованный умъ, при полнѣйшемъ безсердечіи и при самомъ отчаяннѣйшемъ кокетствѣ, но всѣ эти достоинства недостаточно очевидно объясняютъ привязанность къ ней циника Саввушки. Впрочемъ, на ускореніе смерти Яковлева, кромѣ этого любовнаго эпизода изъ его жизни, еще болѣе повліяли: исторія съ векселями Угрюмова и смерть Угрюмова. Саввушка былъ даже недоволенъ, что дѣятельность суда шла черепашьимъ шагомъ, благодаря другой дѣятельности—золотой агентуры старика Яковлева.

Все это изрядно надломило удалого самодура Саввушку, противъ своего обычая отдавшагося совершенно своей очаровательницѣ, у которой и съ которою онъ проводилъ всѣ свои дни и ночи. Разъ онъ пріѣхалъ къ Людовикѣ, и пока былъ у нея, вдругъ къ ней прикатилъ полковникъ гвардейской конной артиллеріи Вадковскій, очень тучный, но чрезвычайно красивый мужчина, необыкновенно счастливый въ любви, котораго Людовика полюбила безъ кокетства, тѣмъ болѣе, что онъ могъ соперничать съ Саввушкой и тѣми цѣнными подарками,

какіе онъ дѣлалъ красавицѣ. На этотъ разъ въ Яковлевѣ разыгрались его дикіе инстинкты: онъ заперъ прелестницу на ключъ, и, не взирая на ея крики и вопли, увезъ ключъ съ собою въ циркъ, гдѣ объявилъ, что mademoiselle Людовика больна и въ этотъ вечеръ представлять не будетъ. Затѣмъ Яковлевъ преспокойно помѣстился въ своей ложѣ, имѣя подлѣ себя своихъ вѣрныхъ ассистентовъ-факторовъ: Бема и Эльжана. Вдругъ въ ложу съ шумомъ вошелъ Вадковскій, восклицая:

— Если ты, Савва, не отдашь мнѣ сейчасъ ключа отъ спальни Людовики,—ты подлецъ!

— Это твое требованіе, захрипѣлъ Яковлевъ,—доказываетъ, что ты принимаешь меня за такого-же дурака, какъ ты самъ.

Вадковскій отвѣчалъ полновѣсной, на весь циркъ, оплеухой, сбившей шляпу-цилиндръ съ головы Яковлева и повергшей его на коверъ ложи. Поднявшись съ пола и придерживая щеку, Яковлевъ объявилъ во все горло:

— Завтра утромъ на Поклонной горѣ на пистолетахъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! хохоталъ толстый Вадковскій и, дразня Яковлева роковымъ ключомъ, выпавшимъ изъ жилетнаго кармана послѣдняго, вышелъ изъ ложи. Но онъ не ушелъ далеко: его потребовали къ коменданту и посадили на адмиралтейскую гауптвахту. Яковлева отвезли домой въ болѣзненномъ припадкѣ. Здѣсь онъ былъ подвергнутъ домашнему аресту; одинъ изъ городовыхъ Васильевской части сдѣлался безсмѣннымъ обывателемъ лакейской въ домѣ Яковлева-отца въ Загибенинномъ переулкѣ.

Эта катастрофа такъ подѣйствовала на Саввушку, что онъ впалъ въ маразмъ и ипохондрію и въ этомъ состояніи духа онъ, между прочимъ, находилъ дикое удовольствіе въ томъ, что стрѣлялъ изъ пистолета по дра-

гоцѣннымъ горкамъ отцовскихъ чертоговъ, покрытымъ превосходными фарфорами и хрусталями.

Въ то время, когда Саввушка былъ въ этомъ экзальтированномъ положеніи, разъ онъ велѣлъ подать себѣ одиночный обѣдъ, занялся имъ исправно и вдругъ крикнулъ, какъ-бы во времена былыхъ сатурналій, столь знакомое его прислугѣ слово: „Гробъ!..“

Дѣло въ томъ, что когда у Яковлева происходили его обычныя ночныя сатурналіи, послѣ ужина, кончавшагося обыкновенно часовъ въ восемь утра,—Саввушка, ощущая позывъ ко сну, хрипѣлъ: „Гробъ!!!“

Въ это мгновеніе трое слугъ подходили и, взявъ Яковлева вмѣстѣ съ кресломъ, на которомъ онъ сидѣлъ, относили его къ дверямъ залы; трое другихъ вносили ящики съ шампанскимъ, а одинъ, именно камердинеръ, несъ на позолоченномъ подносѣ *серебряный гробъ*, вмѣщавшій въ себѣ ровно бутылку шампанскаго, другой на подносѣ-же вносилъ пистолетъ (тогда еще о револьверахъ и помина не было), порохъ, пули и пистоны. Съ одной стороны хозяина помѣщался „Нептунъ“, огромный, любимый бульдогъ, дерзкій и злой; съ другой—закадычный другъ Яковлева, вышеописанный Бемъ. Яковлевъ начиналъ заряжать пистолетъ пулями. Входилъ камердинеръ, знавшій всѣхъ гостей поименно. „Господинъ такой-то, напримѣръ, хоть Константинъ Александровичъ Булгаковъ!“ (этотъ веселый, забавный и остроумный человѣкъ постоянно присутствовалъ на яковлевскихъ оргіяхъ) восклицалъ камердинеръ. Яковлевъ поднималъ пистолетъ, одинъ изъ лакеевъ откупоривалъ бутылку и выливалъ ее въ гробъ. Гость подъ поднятымъ надъ нимъ пистолетомъ выпивалъ гробъ до дна и, поцѣловавъ Яковлева, выходилъ изъ залы. Если-же гость, будучи черезчуръ нагружонъ, осушивъ гробъ, падалъ, то Яковлевъ, хохоча во все горло, приказывалъ „подобрать убитаго“. Это

значило, что свалившагося съ ногъ гостя лакеи укладывали въ одной изъ спаленъ, назначенныхъ для гостей. Проводивъ всѣхъ гостей, Яковлевъ хрипѣлъ снова: „Гробъ!“ и, выпивъ, откидывался на спинку кресла. Тогда его торжественно несли въ спальню. Онъ почти всегда засыпалъ въ этомъ креслѣ, совершенно раздвигавшемся и принимавшемъ видъ кровати или кушетки. И вотъ въ этомъ-то *серебряномъ гробѣ* погреблись милліонныя богатства самымъ самодурнѣйшимъ образомъ.

Продѣлка съ гробомъ, вмѣщавшимъ въ себѣ бутылку шампанскаго, была повторена Яковлевымъ и въ этотъ разъ, хотя не совершенно по той-же програмѣ, а съ нѣкоторыми, и даже довольно значительными видоизмѣненіями. Какъ всегда, страшно-хриплымъ голосомъ онъ прокричалъ: „Грробъ!“ Какъ обыкновенно, слуги внесли ящики съ шампанскимъ; одновременно съ знаменитымъ „гробомъ“ явились еще два подноса, одинъ съ бутылкою шампанскаго, другой съ пистолетомъ, порохомъ, одною пулею и однимъ пистономъ. Яковлевъ зарядилъ пистолетъ пулею и, держа его въ лѣвой рукѣ, осушилъ „гробъ“, придерживая его правою рукою. Затѣмъ, отдавъ „гробъ“ слугѣ, онъ перенесъ пистолетъ изъ лѣвой руки въ правую и сказалъ, обращаясь къ своему камердинеру, на котораго устремилъ сонно свои мутные, въ это время, однако, казавшіеся сверкавшими чрезъ очки, глаза: „Если Угрюмовъ или Вадковскій придутъ и не захотятъ „грррроба“, то я ихъ застрѣлю вотъ такъ!..“ Потомъ онъ быстро повернулъ дуло пистолета къ своему рту, раздался выстрѣлъ и Савва, смертельно раненый, весь въ крови, свѣсился съ кресла, успѣвъ, однакожь, проговорить то приказаніе, какое онъ всегда отдавалъ: „Подобрать убитаго“.

Кстати нѣсколько словъ объ Элькань, имя котораго упоминалось въ началѣ этой монографіи. Имя *Эльканъ*, этого крайне загадочнаго Протея, сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ уже съ двадцатыхъ годовъ. Здѣсь почти не было ребенка, который-бы не зналъ, что подъ именемъ „Элькана“ извѣстенъ сутуловатый, темнорусо-кудрявый, гладко выбритый, румяный, съ толстыми ярко-красными губами, съ строгими, всегда оскаленными бѣлыми зубами, смѣющійся, веселый, постоянно чему-то радующійся господинъ въ очкахъ съ черною оправою, встрѣчаемый повсюду и почти одновременно, вѣчный посѣтитель всѣхъ театровъ, концертовъ, маскарадовъ, баловъ, раутовъ, dejeuners dansants, загородныхъ поѣздокъ, зрѣлищъ всякаго рода и сорта, господинъ-юла, неутомимый хлопотунъ, исполнитель возможныхъ и невозможныхъ (для деликатныхъ и уважающихъ себя людей) порученій, всеобщій факторъ, сводчикъ, знакомый всему Петербургу, со всѣми на cher ami, владѣющій превосходно французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, польскимъ и итальянскимъ языками, умѣющій болтать и на многихъ другихъ языкахъ; что-же касается русскаго языка, то этотъ Протей говорилъ на немъ такъ чисто, такъ пріятно, какъ не умѣютъ говорить даже многіе коренные русскіе люди; онъ зналъ всѣ оттѣнки чистаго русскаго говора, всѣ особенности, тонкости, всѣ поговорки, всѣ пословицы, всѣ русскія мѣстныя присловья, подражалъ всѣмъ акцентамъ, цокалъ, чокалъ, говорилъ на *о*, на *а*, на *е*, на *я*, смотря потому, съ представителемъ какой именно мѣстности ему приводилось говорить. Онъ обладалъ самыми энциклопедическими познаніями: не существовало той науки, того искуства, которыя не были-бы ему извѣстны, конечно, поверхностно. Правда, Элькань ничего не зналъ основательно, а со всего на свѣтѣ понахваталъ множество вершковъ, казавшихся саженями

въ глазахъ людей малообразованныхъ или вовсе необразованныхъ, какими наше общество, хоть и болтавшее бойко по-французски,—кишмя-кипѣло. Элькanъ, всѣмъ извѣстный, выводимый на сцену, напримѣръ, Мартыновымъ и Самойловымъ въ шутливой пьескѣ à propos „Ложа перваго яруса на первое представленіе Тальони“, предметъ сатирическаго карандаша Неваховича, Тима, Степанова, имѣлъ полуобезьянью-полукошачью фигуру и мордочку, которыя такъ удачно укладывались въ карикатуру. Но фигурка Элькана являлась не только на страницахъ карикатурныхъ журналовъ, не только на нотахъ, на ламповыхъ абажурахъ, на вывѣскахъ Христофорова, торговавшаго ваксою въ Гороховой, на фарфоровыхъ чашкахъ, но (о! верхъ публичности!) одинъ продавецъ фаянсовой посуды въ Гостиномъ дворѣ пустилъ въ продажу ночныя вазы съ весьма вѣрнымъ портретомъ Александра Львовича Элькана, въ очкахъ и въ форменномъ свѣтло-синемъ фракѣ министерства путей сообщенія, гдѣ онъ служилъ переводчикомъ, хотя всѣ тамошніе чиновники называли его не иначе, какъ „сводчикомъ“. Однакожь, продажа этихъ вазъ была тотчасъ-же воспрещена, потому что фигура на нихъ изображенная была одѣта въ форменномъ фракѣ, присвоенномъ государственной службѣ. Но если правительство нашло неприличнымъ продажу такой посуды, то самъ Элькanъ нисколько не обидѣлся и поспѣшилъ, шутки ради, пріобрѣсть нѣсколько экземпляровъ этой вещицы, сдѣлавшейся вдругъ рѣдкою, когда ее запретили въ продажѣ и велѣли уничтожить рисунокъ. Такъ-какъ извѣстно, что ничего нѣтъ милѣе запрещеннаго плода, сосуды эти сдѣлались торговою рѣдкостью, и находчивый Элькanъ, не даромъ бывшій еврейскаго происхожденія, съ сильною склонностью ко всякому гандельству,—продавалъ въ своемъ пріятельскомъ кружкѣ свои экземпляры по очень хоро-

шей цѣнѣ, въ десять разъ противъ первоначальной. Когда гуттаперчевый магазинъ Риттера на Адмиралтейской площади выпустилъ гуттаперчевыя статуэтки Фаддея Булгарина, разумѣется, въ страшной каррикатурѣ, Булгаринъ жаловался куда слѣдовало за оскорбленіе личности и достигъ того, что статуэтки эти исчезли изъ торговаго обращенія. Узнавъ объ этомъ, Элькапъ поскакалъ къ Риттеру съ просьбою сдѣлать его статуэтку въ какомъ угодно видѣ, и желаніе его было удовлетворено вполнѣ: гуттаперчевая фабрика выпустила двѣ статуэтки Элькана—одну, изображавшую его въ свѣтло-коричневомъ рединготѣ, съ зонтикомъ и съ шляпою въ рукахъ, а другую, представлявшую Элькана въ очкахъ, только съ козьею черною бородкою Юліи Пастраны и въ ея андалузскомъ короткомъ костюмѣ, выдѣлывающимъ какое-то замысловатое па изъ фанданго. Ежедневно можно было видѣть Элькана у витрины этого магазина, поясняющаго всласть проходящимъ на всевозможныхъ діалектахъ и съ самыми забавными ужимками и кривляньями, чья это статуэтка; при этомъ онъ рекомендовалъ свою личность и старался завязать съ вами знакомство, что ему часто и удавалось. Впрочемъ, онъ за тычкомъ не гнался и если ему говорили: „Я вовсе не желаю, сударь, вашего знакомства и прошу нигдѣ и никогда не показывать вида, что вы меня знаете“,—то онъ раскланивался и, хохоча, восклицалъ: „Была-бы честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ“.

Элькана какъ-то назвали „Juif errant“ и „Вѣчный жидъ“; то и другое прозвище были усвоены ему публикою. Когда въ началѣ 60-хъ годовъ его хоронили по лютеранскому обряду (онъ умеръ на 88-мъ году отъ роду, хотя всегда казался несравненно моложе), кто-то изъ публики спросилъ:

— Кого это хоронятъ?

— Статскаго совѣтника Элькана, былъ отвѣтъ.

— Да вѣдь онъ былъ „Вѣчный жидъ“, а хоронятъ-то по христіанскому обряду. Что это за исторія?

Такъ-то эта мѣтко данная кличка усвоилась Элькану. Когда-нибудь, если мнѣ удастся къ той массѣ свѣденій объ этой личности, какія имѣются въ моемъ портфелѣ, прибавить нѣсколько новыхъ данныхъ, въ одинъ изъ будущихъ выпусковъ „Нашихъ чудаковъ“ я непремѣнно включу подробную и обильную курьезными фактами монографію покойнаго Александра Львовича Элькана, который всю жизнь свою добивался того, чтобы его считали шпіономъ, фискаломъ. Элькан распускалъ о своихъ мнимыхъ отношеніяхъ къ тайной полиціи слухи по городу; но чѣмъ больше онъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи себѣ этой репутаціи, тѣмъ менѣе толковые люди вѣрили его забавнымъ хвастовствамъ, очень хорошо понимая, что такого болтуна никакой Фуше не допуститъ въ свои секретные кабинеты. Со всѣмъ тѣмъ огромное знакомство Элькана во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества и особенно та короткость, въ какой онъ находился со всѣми представителями всѣхъ возможныхъ родовъ артистическаго міра, какъ туземнаго, такъ пріѣзжаго изъ за границы, — доставляли ему возможность быть тѣмъ, чѣмъ его въ Петербургѣ прозвали: *„Ходячею петербургскою газетою“*.

Заключу мой разсказъ объ Эльканѣ маленькимъ анекдотомъ объ немъ, тѣмъ болѣе, что анекдотъ этотъ тѣсно связанъ съ дѣяніями Саввушки. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе оплеухи, данной Вадковскимъ Яковлеву, и громкаго вызова послѣднимъ драчуна на дуэль,—было произведено слѣдствіе, къ которому привлеченъ былъ и Элькан.

— Что вы можете, какъ свидѣтель, сказать о пощечинѣ, данной гвардіи полковникомъ Вадковскимъ от-

ставному гв. шт.-ротмистру Яковлеву? спросилъ слѣдователь.

— Ровно ничего, отвѣчалъ увертливо Эльканъ;—я никакой оплеухи не слыхалъ, и ежели она-бы и была дана, то я, въ шумѣ аплодисментовъ публики вольтижеркѣ Леопольдинѣ Лезенской, пролетавшей чрезъ бумажную бочку, принялъ оплеуху за аплодисментъ.

Для лучшей характеристики Саввушки Яковлева считаю не излишнимъ сообщить резюме уголовнаго дѣла, производившагося въ надворномъ судѣ, въ уголовной палатѣ и въ V деп. сената и напечатаннаго во многихъ періодическихъ изданіяхъ того времени, начиная съ „Журнала Министерства Юстиціи“ и съ тогдашнихъ „Сенатскихъ Вѣдомостей“.

Это резюме судебнаго дѣла лучше всякихъ разсказовъ и описаній знакомитъ съ чувствами, правилами и характеромъ нашего героя.

Въ Сѣверной Пчелѣ 1861 г. № 188 было напечатано слѣдующее:

Вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей помнятъ еще громкое когда-то дѣло о заемныхъ письмахъ, выданныхъ когда-то колежскимъ совѣтникомъ Угрюмовымъ, за поручительствомъ двоюроднаго его брата, отставного гвардіи штабъ-ротмистра Саввы Яковлева.

Дѣло это, когда-то скрывавшееся подъ густымъ и непроницаемымъ мракомъ канцелярской тайны, передавалось и почти доселѣ передается изъ устъ въ уста, съ самыми разногласными и одно другому противорѣчащими дополненіями и прикрасами, на ряду съ другими, частію казусными, а частію эксцентрическими, судебными производствами, всегда возбуждало общій интересъ публики, въ особенности петербургской, такъ давно знакомой съ самодурною дѣятельностью главнаго актера (Яковлева) этой юридической драмы.

Но вотъ, что передаетъ намъ „Журналъ Министерства Юстиціи“.

Съ декабря 1843 г. въ 1-й департаментъ здѣшней управы благочинія начали поступать ко взысканію разныя заемныя письма, выданныя г. Угрюмовымъ, за поручительствомъ Саввы Яковлева. Савва Яковлевъ расплачивался по нимъ безотговорочно, а иногда и сами кредиторы отсрочивали платежи. Но вдругъ, именно 13 апрѣля 1845 года, Савва Яковлевъ, по предъявленіи ему исковъ, вступившихъ въ управу благочинія послѣ 20 марта, подалъ приставу васильевской части объявленіе, что до его свѣденія дошло о составленіи фальшивыхъ, подъ его руку, подписей и что поэтому, для удостовѣренія въ подлинности подписей его на предъявленныхъ ко взысканію заемныхъ письмахъ онъ самъ явится въ 1-й департаментъ управы.

Но въ управу Савва Яковлевъ явился не тотчасъ, а уже 7-го мая; разсмотрѣвъ здѣсь всѣ вступившіе на него иски, нѣкоторые изъ нихъ онъ призналъ правильными, а о большей части заемныхъ писемъ, на сумму 457,150 р. сер., отозвался, что подписи на этихъ письмахъ сдѣланы не имъ и что по этимъ обязательствамъ онъ никогда не ручался, подложность же почерка онъ узнаетъ по несходству почерка нѣкоторыхъ буквъ и вообще по лучшему, болѣе чѣмъ его, каллиграфическому письму.

Между тѣмъ по дошедшимъ до Императора Николая Павловича слухамъ, что Угрюмовъ выдалъ на милліонъ векселей съ фальшивымъ поручительствомъ Саввы Яковлева, Высочайше повелѣно было Угрюмова арестовать, а дѣло разсмотрѣть судебнымъ порядкомъ.

Шефъ жандармовъ (графъ, впослѣдствіи князь Ал. Фед. Орловъ), передавая это повелѣніе военному генералъ-губернатору (графу П. К. Эссену), препроводилъ къ нему и собственноручное письмо Угрюмова къ Саввѣ Яковлеву.

Письмо это таково:

„Любезнѣшій Савва! Благодарю тебя за твое доброе расположеніе. Я предъ тобою виноватъ: бывъ увлеченъ страстями и ужасными прижимками кредиторовъ, я давалъ фаль-

шивыя ручательства на моихъ векселяхъ отъ твоего имени, и оставляю объявленіе, писанное и подписанное моею собственною рукою, чтобъ не имѣть тебѣ никакихъ непріятностей въ случаѣ моей смерти.

„Преданный тебѣ Алексѣй Угрюмовъ“.

Объявленіе, приложенное къ письму, содержитъ въ себѣ слѣдующее:

„Я, нижеподписавшійся, объявляю, по собственному согласію, что давалъ поручительства за подписомъ штабъ-ротмистра Саввы Алексѣева Яковлева, въ чемъ и подписуюсь собственноручно. Колежскій совѣтникъ Алексѣй, Ивановъ сынъ, Угрюмовъ“.

На счетъ этихъ, такъ-сказать, показательныхъ документовъ Угрюмовъ объяснилъ, что онъ, узнавъ объ отзывѣ, данномъ Саввою Яковлевымъ, 13 апрѣля, полиціи, поспѣшилъ заявить о несправедливости его, въ письмахъ отъ 16 того же апрѣля, предсѣдателю 1-го департамента управы, и 18 апрѣля, дядѣ своему, отцу Саввы, отставному корнету Алексѣю Яковлеву. Уже послѣ этого, именно 25-го апрѣля, Угрюмовъ случайно встрѣтился съ Саввою Яковлевымъ у подъѣзда квартиры штабъ-ротмистра Евреинова, котораго онъ посѣщалъ, но не засталъ дома. Савва Яковлевъ, держа въ рукахъ свертокъ бумагъ и указавъ на нихъ Угрюмову, сказалъ: „Подпиши ихъ — и дѣло все кончено; и процесса не будетъ, и ты со всѣми долгами квитъ—даю тебѣ честнѣйшее и благороднѣйшее слово, только обѣщай подписаться безусловно“. Взойдя вмѣстѣ съ Яковлевымъ въ квартиру Евреинова, Угрюмовъ собственноручно переписалъ изготовленныя Яковлевымъ бумаги, а на вопросъ: „для чего ему эти бумаги?“ Савва Яковлевъ отвѣчалъ: „Это ужь мое дѣло; будь покоенъ!“ Ему, Угрюмову, и въ голову не приходило, чтобы Савва Яковлевъ самимъ же имъ приготовленныя бумаги употребилъ какъ обвинительный актъ, переданный имъ въ тайную полицію.

Письмо, которое Угрюмовъ писалъ къ дядѣ, было слѣдующаго содержанія:

„Крайняя необходимость заставляетъ меня къ вамъ писать.

Сынъ вашъ, Савва Алексѣевичъ, поручился за меня почти на милліонъ рублей серебромъ. (Всего на 991,363 руб. 38 коп. сер.). Когда онъ получилъ письменное ваше согласіе на отправленіе его на Кавказъ *), то объявилъ мнѣ самъ, что долги мои причиною того, что онъ ѣдетъ туда на вѣрную смерть. Тогда я сказалъ Саввѣ Алексѣевичу, что я пишу вамъ о всѣхъ долгахъ и самъ застрѣлюсь. Онъ весьма одобрилъ мое намѣреніе и впослѣдствіи нѣсколько разъ понуждалъ меня какъ можно скорѣе его исполнить. Объ этомъ я неоднократно говорилъ сыну вашему, Ивану Алексѣевичу, и онъ дивился жестокосердію и эгоизму брата. Будучи въ полной увѣренности, что я застрѣлюсь, Савва, по внушенію, вѣроятно, нѣкоторыхъ людей, началъ распространять слухи, что не помнитъ, на какихъ заемныхъ письмахъ онъ подписывался порукою, а потомъ будто бы есть и такія, которыхъ онъ не подписывалъ. Въ такомъ уже родѣ далъ онъ отзывъ 13-го апрѣля въ васильевскую часть, и я письменно предувѣдомилъ предсѣдателя управы о странномъ и непонятномъ для меня отзывѣ Саввы Алексѣевича. Теперь, любезный дяденька, долгомъ считаю изложить, какъ я буду дѣйствовать. Если Савва Алексѣевичъ, въ первое присутствіе управы, т. е. 23 апрѣля, объявитъ, что заемныя письма не имъ будто бы подписаны, то я, если буду живъ, буду утвердительно отвѣчать, что они дѣйствительно Саввою подписаны, если же меня не будетъ въ живыхъ, то, для огражденія моей чести и послѣ смерти, у меня ко всѣмъ кредиторамъ приготовлены письма, которыя непремѣнно будутъ имъ доставлены по назначенію. Я знаю, что какъ сынъ вашъ, такъ и я, пойдемъ подъ уголовный судъ; процессъ этотъ извѣстенъ будетъ

*) Изъ приводимыхъ „Журналомъ Мин. Юстиціи“ допросовъ видно, что Савва Яковлевъ просилъ у отца милліонъ рублей сер. на уплату долговъ отецъ ему ихъ не далъ. Тогда Савва просилъ отпустить его на службу на Кавказъ; отецъ на это не согласился; сынъ повторилъ просьбу и получилъ отъ отца дозволеніе на бумагѣ; поэтому Савва Яковлевъ, еще въ первыхъ числахъ марта 1845 года, объявилъ Угрюмову, что больше ручаться за него не будетъ.

всей Европѣ; по стеченію всѣхъ обстоятельствъ, которыя теперь мнѣ трудно вамъ объяснить, сынъ вашъ, останусь-ли я въ живыхъ или нѣтъ, будетъ принужденъ къ уплатѣ всей суммы, а можетъ быть, и строгой отвѣтственности за несправедливый извѣтъ; дѣла, разъ начатаго, нельзя будетъ прекратить никакими деньгами". И прочее.

Мы не станемъ приводить здѣсь изъ „Журнала Министерства Юстиціи" какъ всѣхъ показаній на слѣдствіи, такъ мнѣній разныхъ присутственныхъ мѣстъ, пока дѣло не поступило въ Сенатъ. Но при этомъ замѣтимъ, что угроза застрѣлиться, какъ объяснялъ на допросѣ Угрюмовъ, „сказана была въ первомъ пылу, совершенно необдуманно; разсудивъ по долгу христіанина, говорилъ онъ, я не привелъ ея въ исполненіе". Онъ умеръ 26 декабря 1846 года, въ исправительномъ заведеніи, какъ говорили тогда въ городѣ, отъ принятаго имъ скоротечнаго яда.

Пятый департаментъ сената въ апрѣлѣ 1849 года, нашелъ, что въ этомъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію два главные вопроса: 1) доказалъ-ли Савва Яковлевъ фальшивость непризнанныхъ имъ поручительныхъ подписей на заемныхъ письмахъ Угрюмова и могутъ-ли быть приняты за доказательство представленныя имъ въ III отдѣленіе собственной Его И. В. канцеляріи письмо и объявленіе Угрюмова? и 2) заслуживаетъ-ли уваженія домогательство кредиторовъ Угрюмова о признаніи отставнаго гвардіи корнета Яковлева участникомъ въ преступленіяхъ сына и объ удовлетвореніи ихъ на семъ основаніи изъ имущества Алексѣя Яковлева?

Соображая показанія Яковлева и Угрюмова съ обстоятельствами дѣла, правительствующій сенатъ принялъ во вниманіе:

1) Что показанія Яковлева о прекращеніи ручательствъ въ концѣ января или началѣ февраля и о сдѣланномъ ему въ то-же время Угрюмовымъ сознаніи въ составленіи фальшивыхъ подписей невозможно согласить съ собственнымъ его же удостовѣреніемъ о подлинности подписей на заемныхъ письмахъ, совершенныхъ въ концѣ февраля.

2) Что Яковлевъ причину молчанія своего о проступкѣ Угрюмова объяснилъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ обнаружить его при первомъ-же сношеніи съ присутственными мѣстами, что и исполнилъ 13-го апрѣля; но изъ дѣла видно, что онъ до сего числа имѣлъ неоднократныя, также какъ и 13 апрѣля, сношенія съ полиціею, по поводу поступавшихъ ко взысканію исковъ. При томъ же, если-бы дѣйствительно Яковлевъ намѣренъ былъ молчать о фальшивомъ поступкѣ Угрюмова до перваго сношенія съ присутственными мѣстами, то онъ не сталъ бы, при свиданіяхъ съ кредиторами, до 13-го апрѣля, говорить имъ о фальшивости подписей, о чемъ, однакожъ, онъ самъ показалъ и удостовѣрили кредиторы. Послѣднее обстоятельство при видимой несообразности въ показаніяхъ Яковлева, можетъ скорѣе служить подтвержденіемъ показаній Угрюмова о томъ, что Яковлевъ распускалъ неблагонамѣренные слухи о фальшивости ручательствъ, полагая навѣрное, что онъ застрѣлится.

3) Что по объясненію Угрюмова, заслуживающему, по обстоятельствамъ дѣла, вѣроятія, Яковлевъ прекратилъ ручательство не потому, что онъ сознался въ фальшивомъ поступкѣ, а по причинѣ неуспѣха въ просьбѣ у отца миліона рублей серебромъ и принятаго вслѣдствіе того намѣренія ѣхать на Кавказъ. Въ письмахъ своихъ къ предсѣдателю управы, къ отцу Саввы Яковлева, къ нему самому, наконецъ, предъ генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ (главнымъ своимъ картежнымъ кредиторомъ) Угрюмовъ рѣшительно утверждалъ о несправедливости отрицательства Саввы Яковлева отъ подписей своихъ.

5) Что генералъ-адъютантъ Сухозанетъ показалъ, что, при откровенномъ его съ Угрюмовымъ объясненіи, послѣдній не только не сознался въ составленіи фальшивыхъ подписей, но, напротивъ, съ оскорбленнымъ чувствомъ, приличнымъ исключительно лишь честному и благородному человѣку, убѣдительно и смѣло доказывалъ, что онъ никакой не имѣлъ надобности прибѣгать къ такому постыдному средству, ибо Савва Яковлевъ всегда безотговорочно подписывался поручителемъ по немъ на заемныхъ письмахъ.

6) Что Яковлевъ дѣйствительно и самъ не показалъ, чтобы онъ когда-либо отказывалъ Угрюмову, до января или февраля 1845 года, въ своемъ ручательствѣ, и множество писемъ, выданныхъ до сего срока и самимъ Яковлевымъ признанныхъ, очевидно, доказываютъ всегдашнюю готовность его ручаться за Угрюмова, а въ такомъ случаѣ нельзя не уважить представленнаго Угрюмовымъ довода, что онъ и не имѣлъ надобности составлять фальшивыя подписи, когда Яковлевъ всегда безотговорочно за него ручался; наконецъ, нельзя не принять во вниманіе и того, что за Угрюмова ручался и братъ Саввы, Иванъ Яковлевъ, почему же Угрюмовъ, рѣшившись выдать заемныя письма съ фальшивыми поруками, сдѣлалъ ихъ отъ имени одного Саввы—это объяснить трудно

7) Что сознаніе Угрюмова, выраженное въ письмѣ и объявленіи, не согласно съ собственными его предъ тѣмъ дѣйствіями; что данное имъ объясненіе о причинахъ, побудившихъ его къ принятію на себя мнимаго преступленія, представляется правдоподобнымъ и всѣ его показанія о стеченіи обстоятельствъ, предшествовавшихъ сознанію и оное сопровождавшихъ, подтверждаются, въ малѣйшихъ подробностяхъ, фактами, слѣдствіемъ обнаруженными, тогда какъ, напротивъ, Яковлевъ объяснялъ событіе и несогласно съ дѣломъ, и безпрестанно самъ себѣ противорѣчилъ, въ особенности на счетъ изустнаго предъ нимъ сознанія Угрюмова, и даже приведенное имъ въ подкрѣпленіе своихъ показаній обстоятельство, что онъ, въ началѣ того года, говорилъ кредиторамъ о фальшивости подписей, обращается въ улику противъ него-же самого, и что, наконецъ, при такихъ видахъ дѣла, письменное сознаніе Угрюмова, по смыслу 1,181 и 1,184 ст. XV т. св. зак. угол., не имѣетъ силы доказательства.

8) Что корнетъ Яковлевъ дѣйствительно платилъ, въ прежнее время, долги сына и при производствѣ настоящаго дѣла платилъ за него по признаннымъ имъ обязательствамъ, что готовность корнета Яковлева уплачивать долги сына послужила сему послѣднему къ безмѣрному ручательству за Угрюмова, а кредиторамъ послужила основаніемъ вѣрить сему ручательству; но все это не обязываетъ корнета Яковлева, пла-

тить оставшіеся послѣ смерти сына его долги по заемнымъ письмамъ Угрюмова, которыя, несмотря на отрицательство сына, не признаются подложными. По смыслу 178 ст. X т. Св. Зак. Гражд. родители отвѣтствуютъ по заемнымъ письмамъ и вообще по всякимъ долговымъ актамъ неотдѣленныхъ дѣтей въ такомъ только случаѣ, когда сіи письма и акты даны съ ихъ согласія и уполномочія; согласіе же, какъ сказано въ 170 ст., удостовѣряется или собственноручною подписью родителей на актахъ, или же, въ случаѣ безграмотства, законно совершенною довѣренностью. Но такимъ законно-установленнымъ порядкомъ корнетъ Яковлевъ согласія своего не выражалъ и, слѣдовательно, уплата въ прежнее время долговъ сына, отъ которыхъ онъ не отрекался, и установленіе тѣмъ кредита къ поручительству его не составляютъ законнаго основанія къ обязанію корнета Яковлева платить и нынѣ долги сына по обязательствамъ, хотя сыномъ отвергнутымъ, но подложность которыхъ по суду не доказана, а какъ въ прежнее время зависѣла, такъ и нынѣ зависитъ отъ его воли.

9) Что извѣтъ Саввы Яковлева о фальшивости подписей сдѣланъ 13 апрѣля; получено отцомъ его отъ Угрюмова письмо съ увѣдомленіемъ объ этомъ извѣтѣ, а не объ умыслѣ Саввы Яковлева отрекаться отъ своей руки,—18-го числа; видѣлись Савва Яковлевъ съ Угрюмовымъ и первый получилъ отъ послѣдняго признаніе 25-го апрѣля; слѣдовательно, извѣтъ не былъ послѣдствіемъ сего признанія. Въ случаѣ представленія корнетомъ Яковлевымъ правительству письма Угрюмова не существовало бы, можетъ быть, письменнаго признанія, но извѣтъ чрезъ то предупрежденъ быть не могъ, ни самый процессъ, развѣ предположить, что Савва Яковлевъ отказался бы отъ своего извѣта, при объявленіи правительству о полученномъ отцомъ его отъ Угрюмова письмѣ; но подобнаго предположенія нельзя допустить, если принять въ соображеніе, что Савва Яковлевъ, рѣшившись отрекаться отъ своей подписи и давъ о фальшивости подписей 13-го апрѣля отзывъ, не хотѣлъ перемѣнить этого отзыва ни 14-го

числа по письму Угрюмова, ни 17-го по личной его просьбѣ, какъ это видно изъ показанія Угрюмова.

По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи приведенныхъ законовъ, какъ равно статей 1169 XV т. св. законовъ уголовныхъ и 160 улож. о наказ. уголовн. и исправит., правительствующій сенатъ опредѣлилъ:

1) Отрицательство отставного штабъ-ротмистра Саввы Яковлева отъ поручительныхъ подписей на заемныхъ письмахъ, выданныхъ коллежскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Угрюмовымъ, признать недоказаннымъ и заимодавцамъ предоставить получить удовлетвореніе изъ того имущества, какое Угрюмову и Яковлеву принадлежащимъ окажется, на основаніи законовъ гражданскихъ.

2) Сужденіе о личной отвѣтственности Саввы Яковлева и Алексѣя Угрюмова оставить, за смертію ихъ.

3) Отставного корнета Алексѣя Яковлева отъ всякой отвѣтственности, по обвиненіямъ въ учиненныхъ преступленіяхъ, какъ личной, такъ и денежной, освободить.

На это опредѣленіе кредиторы Саввы Яковлева принесли всеподданнѣйшія жалобы, добиваясь осужденія корнета Алексѣя Яковлева и взысканія съ него денегъ по заемнымъ письмамъ Угрюмова.

Въ общемъ собраніи прав. сената, куда дѣло по Высочайшему повелѣнію было перенесено на разсмотрѣніе, мнѣнія сенаторовъ раздѣлились. Къ соглашенію ихъ не привело и предложеніе, данное министромъ юстиціи (графомъ В. Н. Панинымъ), отстаивавшимъ опредѣленіе 5-го департамента сената. Вслѣдствіе этого дѣло было внесено въ государственный совѣтъ, который своимъ, Высочайше утвержденнымъ 19-го января 1853 года, мнѣніемъ, положилъ: рѣшеніе пятаго денартамента сената утвердить.

Теперь будемъ говорить только о Яковлевѣ, полномъ жизни и наполнявшемъ эту жизнь подвигами нелѣпѣйшаго и безобразнѣйшаго самодурства.

Амикошонство Яковлева съ Бемомъ не имѣло предѣловъ. Промотавъ или, скорѣе, какъ говорится, убивъ тѣ 100 т. руб., какія Яковлевъ ему подарилъ, Бемъ вскорѣ нашелся въ необходимости жить въ домѣ Яковлева, пользуясь всѣми роскошными удобствами такого сожительства. Затѣмъ онъ какъ тѣнь былъ неразлученъ съ Яковлевымъ. Сзади Саввы и Бема, въ близкомъ отъ нихъ разстояніи, имѣла право находиться постоянно только одна третья персона—громадный и омерзительно-безобразный буланый бульдогъ „Нептунъ“, какъ я уже сказалъ, второй другъ и любимецъ Саввы Яковлева. Иногда однако случалось встрѣчать Саввушку, окруженнаго пятью-шестью его пріятелями, преимущественно офицерами и актерами, какъ Александринскаго, такъ и Михайловскаго театровъ.

Яковлевъ отъ перепоя потерялъ голосъ и не говорилъ, а хрипѣлъ, или, правильнѣе, ворчалъ по-собачьи. Когда онъ кричалъ: „Бемъ! Бемъ!“, то „Нептунъ“ вскакивалъ и начиналъ обнюхивать воздухъ.

— Дурашка, ісі... Это я... Ты думаешь, что собака лаетъ... А вѣдь похоже... Ха! ха! ха! зычно-хриплымъ хохотомъ заливался Саввушка.

Саввушка былъ большимъ почитателемъ одной изъ спеціальнѣйшихъ русскихъ потѣхъ, извѣстной подъ общимъ названіемъ *„закидыванія тони“*, обставляемой, въ былыя времена, всѣмъ тѣмъ, что какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ всероссійскому распрелюбезному *моему вдраву не препятствуй*!

О потѣхахъ на тоняхъ и вообще всѣхъ обычаяхъ тоней, равно какъ о томъ, что изволилъ продѣлывать, преимущественно на тонѣ, до сихъ поръ именующейся „Козлы“, пониже Крестовскаго острова, Савва Алексѣевичъ Яковлевъ, я узналъ отъ сѣдого какъ лунь рыбака, „дяди Михѣича“, имѣющаго свое пребываніе на жи-

ворыбномъ садкѣ г-на Демидова, по Фонтанкѣ, близъ Семеновскаго моста. Этотъ „Михѣичъ“, самъ страстный любитель „закидыванія тони“, съ увлеченіемъ разсказываетъ о петербургскихъ тоняхъ, причемъ непремѣнно вспомнитъ о томъ „прекрасномъ“ времени, когда ни одинъ коренной петербуржецъ не могъ провести лѣто, не побывавъ, преимущественно съ компаніею, на которой-нибудь изъ больныхъ тоней, гдѣ обыкновенно заказывался неводный ловъ *„на счастье“*, что называлось *„закидывать тоню“*. Это блаженное время, по словамъ Михѣича, было лѣтъ за 40—45 тому назадъ. Изъ числа любителей пытать счастье въ „закидываніи тоней“ въ Петербургѣ славились: знаменитый сахарный заводчикъ г. Молво и г-жа Политковская, жена извѣстнаго въ тѣ времена игрока, прозваннаго „Петербургскимъ Монте-Кристо“, который окончилъ жизнь самоубійствомъ, растративъ огромную сумму денегъ, принадлежавшихъ комитету раненыхъ, гдѣ онъ былъ правителемъ дѣлъ. Но больше Молво и больше Маріи Ивановны Политковской, урожденной Маркеловой (дочь купца), на тоняхъ гремѣло имя Саввы Алексѣевича Яковлева. Такіе любители, конечно, не стѣснялись цѣною платежа и за десять тоней охотно платили сто рублей, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, случалось счастливцу вытянуть рыбы цѣнностью не менѣе, какъ на уплаченную сумму. Впрочемъ, деньги играли здѣсь послѣднюю роль. Прелесть потѣхи заключалась главнымъ образомъ въ оригинальности обстановки и сопровождавшемъ ее кутежѣ. Компанія отправлялась на тоню или въ нѣсколькихъ щегольскихъ экипажахъ сухимъ путемъ, или на собственномъ катерѣ водою. Въ томъ и другомъ случаяхъ она непремѣнно захватывала съ собою ящикъ, два или три съ шампанскимъ и нѣсколько корзинъ съ различными винами и съѣстнымъ; кто побогаче, брали съ собой

складные столы, диваны, кушетки, стулья, мягкіе ковры и даже иногда изящный шатеръ, подъ сѣнью котораго устраивался буфетъ и разставлялись ломберные столики для карточной игры. Безалаберная роскошь здѣсь проявлялась во всемъ своемъ безобразномъ разгулѣ; случалось нерѣдко, что каждому изъ рыбаковъ, подносившихъ пудового лосося заказчику тони, выдавалось по бутылкѣ клико, которую онъ и долженъ былъ выпить изъ огромнаго ковша; кутежъ, какъ водится, оканчивался жженкой, тутъ-же сваренной въ позолоченномъ серебряномъ котелкѣ. Но среди этой роскоши, блеска и мотовства проявлялась замѣчательная оригинальность въ строгомъ до педантства соблюденіи нѣкоторыхъ особенностей, свойственныхъ спеціально потѣхѣ *„закидыванія тони“*. Такъ, напримѣръ, хотя домашній Ватель или Каремъ находился непремѣнно на лицо, на всякій случай, для приготовленія того или другого эстетическаго яства, но „классическая“ *уха*, безъ которой тоня не тоня, варилась непремѣнно брадатымъ и болѣе или менѣе грязнымъ кашеваромъ тони и подавалась на столъ гостямъ имъ-же, кашеваромъ, съ его товарищами рыбаками. Расхлебывалась эта уха посѣтителями не съ собственныхъ фарфоровыхъ тарелокъ и не собственными серебряными ложками, а съ простыхъ глиняныхъ глубокихъ тарелокъ, самыми простыми желтыми деревянными ложками, принадлежащими тонѣ. Впрочемъ, нѣкоторые привозили съ собою свои деревянныя, совершенно новыя ложки. Блестящіе господа отдавали потомъ свои ложки на память кашевару тони, вмѣстѣ съ какою-нибудь кредитною бумажкою, за трудъ и безпокойство, а болѣе за мастерское умѣнье варить уху такъ, какъ никто ея не варитъ. Остатки ухи обыкновенно дохлебывались кашеваромъ съ его товарищами рыбаками, громко славившими въ своихъ пѣснях щедрость

амфитріона, заказчика тоней, употребляя извѣстный припѣвъ: „Нѣтъ такого молодца, какъ...“ (имя рекъ прославляемаго субъекта). Послѣдній на величанье отвѣчалъ позолоченными ковшами дымящейся жжонки, съ прибавкою полуимперіала, а иногда и цѣлаго имперіала, находимаго на днѣ каждаго ковша.

Другая особенность кутежа на тоняхъ состояла въ томъ, что если гости хотѣли пить чай, то хотя бы съ ними и былъ ихъ собственный серебряный самоваръ, они непремѣнно употребляли для заварки своего чая кипятокъ изъ мѣднаго, иногда очень невзрачнаго самовара, находящагося на тонѣ; самоваръ этотъ подносился хозяиномъ или прикащикомъ тони тароватымъ „гостямъ“ *даромъ*, въ видѣ особеннаго уваженія, за какое и онъ самъ, т. е. хозяинъ тони или его представитель, бывалъ *уваженъ* съ процентами и въ убыткѣ не оставался.

Саввушка Яковлевъ, какъ истый любитель „закидыванія тони“, въ точности слѣдовалъ всѣмъ этимъ обычаямъ и считался однимъ изъ самыхъ тароватѣйшихъ гостей; онъ, напримѣръ, за варку ухи платилъ не десятирублевую, а сотенную бумажку, вливалъ не по бутылкѣ клико въ глотки рыбаковъ, а накачивалъ ихъ шампанскимъ до тѣхъ поръ, пока всѣ они упивались до положенія; наконецъ, вмѣсто шатра ставилъ цѣлый складной домикъ – шале, причемъ дюжина прибывшихъ въ его свитѣ работниковъ - садовниковъ, вооруженныхъ заступами и пешнями, принималась тотчасъ хозяйничать, по-своему, въ ближайшей рощѣ, и — глядь!—часа черезъ полтора переносный домикъ былъ окруженъ премиленькимъ садикомъ, съ дорожками изъ малиноваго искуственнаго песку (съ собою же привезеннаго), съ клумбами цвѣтовъ, также привезенными въ катерѣ. У Яковлева между его желаніемъ и исполненіемъ этого

желанія никогда не было большого пространства времени, такъ-какъ, рычалъ онъ, the times is money (время—деньги).

Изъ всѣхъ безобразій, какія чинилъ Яковлевъ во время своихъ вакханалій на тоняхъ, самой памятной для Михѣича было безобразіе, учиненное, кажется, въ 1837 году. „Савва Алексѣевичъ были ужь черезчуръ выпимши, когда изволили продѣлать его“, говорилъ Михѣичъ.

Послѣ жжонки, Яковлевъ, почти голый, лежалъ въ зальцѣ своего американскаго переноснаго домика на пушистомъ коврѣ, окруженный цвѣтущими олеандрами и льстивыми физіономіями своихъ прихвостней - прихлебателей. Долго онъ только пыхтѣлъ, наконецъ зарычалъ:

— Мнѣ пришла одна изъ самыхъ богатыхъ мыслей, какая самому лорду Байрону, конечно, никогда не приходила въ голову. Я хочу, чтобъ сейчасъ сюда явилось пять, шесть, ну десять, двѣнадцать гетеръ изъ Зелейной улицы и съ Крестовскаго острова. Привезти ихъ сюда на катерѣ. Когда катеръ будетъ причаливать уже къ этому берегу, приготовить здѣсь невода и мережи и съ катера столкнуть въ воду крестовскихъ сиренъ. Ха! Ха! Ха! То-то будетъ криковъ и воплей! Ха! Ха! Ха! Въ Петербургѣ будетъ слышно. Тогда рыбаки не зѣвать; они проспались, я думаю, послѣ шампанскаго, и пусть они живо и ловко ловятъ въ сѣти этихъ размалеванныхъ красавицъ. Каждая изъ нихъ на берегу обсохнетъ въ мощныхъ объятіяхъ рыбаковъ, ихъ поймавшихъ. Ну же, Бемъ, ну же, Эльканъ, живо маршъ въ экспедицію, и чтобъ мнѣ видѣть теперь же на яву здѣсь все то, что я вамъ разсказалъ; я все это во снѣ видѣлъ послѣ жжонки.

Нечего и говорить, что приказаніе самодура - Креза,

при помощи его въ то время еще неистощившагося кошелька, было въ точности исполнено такими старательными лейтенантами, каковы были гг. Бемъ и Элькань: на катерѣ привезено было 12 дачныхъ гетеръ, оглашавшихъ воздухъ и окрестности самыми скабрезными пѣснями, смѣнившимися вслѣдъ за тѣмъ ужасными криками и воплями, когда несчастныя жертвы дикой потѣхи самодура летѣли въ воду и путались въ рыболовныхъ сѣтяхъ громадной мотни. На берегу съ нѣкоторыми изъ нихъ сдѣлались припадки легкой истерики, лечить которую Яковлевъ велѣлъ стаканами рому, и лекарство это подѣйствовало такъ успѣшно что на послѣдующую часть яковлевской вакханаліи слѣдуетъ опустить густой занавѣсъ.

Яковлевъ въ 40-хъ годахъ выстроилъ на Черной рѣчкѣ огромную дачу, подъ которую скупилъ, какъ тогда говорили, пять или шесть сосѣднихъ дачъ. Дача эта была построена архитекторомъ Боссе въ родѣ не то швейцарскаго шале, не то русской избы, что, впрочемъ, не помѣшало ей быть до небесъ превознесенной и изображенной ксилографически въ „Иллюстраціи“, издаваемой А. П. Башуцкимъ. Слѣды этой яковлевской дачи, кажется, и теперь существуютъ на берегу мутной Черной рѣчки, гдѣ до поселенія этого самодура жилось сколько патріархально, столько пріятно, незатѣйливо, семейно. Большая часть жителей Черной рѣчки давнишняго времени, т. е. 20-хъ — 30-хъ годовъ, состояла преимущественно изъ членовъ такъ-называемой французской колоніи (colonie française), въ средѣ которой были: учителя, гувернантки, актеры, актрисы, негоціанты средней руки, архитекторы, живописцы, хозяйки магазиновъ модъ и др. На второй же годъ послѣ посе-

ленія здѣсь Саввушки началось бѣгство съ Черной рѣчки мирныхъ и отличавшихся истинно милымъ и изящнымъ, чисто-парижскимъ тономъ и типомъ ея обитателей. Они съ отвращеніемъ отнеслись къ шуму, гаму, крику, гвалту, вѣчному пьянству, самодурскимъ продѣлкамъ, циничнымъ, грязнымъ, нахальнымъ и вовсе нестроумнымъ выходкамъ необузданной молодежи, которая подъ защитою богатствъ своего патрона Саввушки чинила такія неистовства, что поневолѣ всякая семейственность, всякое умѣнье, при ограниченныхъ средствахъ, жить въ свое удовольствіе, всякая приличность и сдержанность въ самыхъ шаловливыхъ веселостяхъ должны были обратиться въ бѣгство и искать для себя другихъ пріютовъ на лѣтній сезонъ. Такъ и сдѣлали французы, переселясь съ Черной рѣчки въ Лѣсной, напоженный въ то время членами преимущественно нѣмецкой колоніи.

Яковлевъ, кромѣ своего безсмѣннаго „Нептуна“, имѣлъ нѣсколько мартышекъ, которымъ надавалъ различныхъ кличекъ, большею частью состоявшихъ изъ фамилій обывателей Черной рѣчки, съ какимъ-нибудь нелестнымъ имъ прилагательнымъ. Такъ, напримѣръ, актриса мадмуазель Луиза, отличавшаяся своей чрезмѣрной полнотой, проходя мимо дачи Яковлева, сама видѣла одну изъ яковлевскихъ обезьянъ, необыкновенно толстую и пузатую, вырядившуюся въ тотъ самый туалетъ, въ какомъ она, мадмуазель Луиза, прогуливалась на дачѣ послѣ ванны. Яковлевъ, замѣтивъ приближеніе толстой актрисы, захрипѣлъ на всю Черную рѣчку, подергивая за цѣпь свою обезьяну: „Allons donc! Mademoiselle Louise la Dodue, donnez donc un petit baiser bien tendre à ce pauvre Boutou le vérole *). И при этомъ онъ тащилъ другую уродли-

*) Ну-же, мамзель Луиза толстопузая, поцѣлуйте-же поплотнѣе этого бѣднаго, рябого Буту.

вую обезьяну въ модномъ сюртукѣ, называя ее по фамиліи тогдашняго извѣстнаго столичнаго портного, дѣлившаго славу съ Оливье и Сарра, такъ тщательно и подробно описанныхъ въ запискахъ Ив. Ив. Панаева. Все это были еще только цвѣточки, а къ ягодкамъ принадлежитъ то, что ни мужчинѣ, носившему парикъ, ни дамѣ съ фальшивыми буклями, бывшими тогда въ такой же модѣ, какъ нынче шиньоны, нельзя было пройти мимо яковлевской дачи: тотчасъ науськивалась которая-нибудь изъ выдресированныхъ для того обезьянъ—и въ одно мгновеніе шляпа или чепецъ срывались, а съ ними вмѣстѣ парикъ, накладка или букли. Кромѣ семьи обезьянъ, у Яковлева всегда находились три-четыре молодыхъ медвѣдя, которые подъ руководствомъ его необыкновенно нахальной дворни (tel maitre, tel valet) *) задавали часто кровавую и нерѣдко смертельную трепку всѣмъ собакамъ, собачкамъ и кошкамъ сосѣднихъ дачъ. Владѣльцы и владѣлицы париковъ, накладокъ, буклей, собакъ и кошекъ подавали жалобы куда слѣдуетъ; но гласъ ихъ оставался гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Кончилось тѣмъ, что Яковлевъ одержалъ побѣду надъ патріархальностью, Черная рѣчка сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ загороднаго продолженія Лиговки и тому подобныхъ мѣстностей около Глазова кабака. На Черной рѣчкѣ явились во множествѣ мелочныя лавчонки съ своею вонью и грязью, трактиры, харчевни, портерныя и въ особенности кабаки и кабаки, подъ всевозможными наименованіями. Тутъ-же поселились ростовщики и множество „милыхъ, хотя и падшихъ созданій“.

Вотъ этихъ-то „милыхъ, хотя и падшихъ созданій“ Яковлевъ отъ времени до времени, разумѣется, за болѣе или менѣе крупныя деньги, собиралъ у себя на дво-

*) Каковъ попъ, таковъ и приходъ.

рѣ, гдѣ онѣ, въ костюмѣ Еввы, даже безъ виноградnаго листка, водили хороводы и орали во все горло пѣсни самаго нецензурнаго содержанія. Гости, достойные хозяина, заливались самымъ гомерическимъ хохотомъ и дозволяли себѣ такіе lazzis, описанія которыхъ не терпитъ мало-мальски честное печатное слово. Опущу на все это завѣсу, хотя никакъ не могу не сказать, ради историческо-этнографической полноты, что эти „падшія, но милыя созданія", плясавшія и пѣвшія на дворѣ яковлевской дачи, вертѣлись около довольно большой березки, убранной лентами, пряниками, леденцами и апельсинами, на подобіе елки; тутъ-же висѣли восковыя фигуры весьма неприличнаго содержанія.

Въ числѣ гостей Яковлева, состоявшихъ преимущественно изъ тогдашней кутежной и богатой молодежи, было не мало гвардейцевъ, находящихся еще на службѣ и отставныхъ. Здѣсь кстати сказать, что нельзя не согласиться съ вполнѣ справедливымъ заявленіемъ, сдѣланнымъ княземъ Ник. Иллар. Васильчиковымъ въ газетѣ „Голосъ" въ январѣ 1875 года, по поводу нелѣпѣйшаго мнѣнія Болеслава Маркевича въ 12 № „Русскаго Вѣстника" 1874 года, относительно гвардейскаго офицерства 30—40-хъ годовъ, которое тогда будто-бы *„печоринствовало"*, т. е. проникалось духомъ Лермонтова. Масса этой молодежи кутила вмѣстѣ съ Яковлевымъ, у котораго, сколько извѣстно всѣмъ знавшимъ Лермонтова, нашъ незабвенный поэтъ, жившій въ Петербургѣ во время апогея яковлевскихъ оргій, никогда не бывалъ, между тѣмъ какъ убійца Пушкина Дантесъ-Геккеренъ, этотъ бывшій кавалергардъ и, слѣдовательно, товарищъ по полку Яковлеву, до дуэли и высылки въ 1837 году, по военному суду, изъ столицы, былъ постояннымъ участникомъ въ оргіяхъ Саввушки, у котораго, какъ тогда ходили слухи, этотъ французскій фатъ, начавшій свою

карьеру пажемъ герцогини Беррійской и кончившій впослѣдствіи камергеромъ второй имперіи, находилъ нерѣдко удобнымъ занимать крупныя суммы. Скорѣе можно сказать, что масса нашихъ юныхъ гвардейцевъ той эпохи ставила своимъ кумиромъ этого Дантеса, бывшаго совершеннымъ антиподомъ всякаго печоринства. Высокія-же идеи Лермонтова были ей совершенно чужды.

Но пора возвратиться на дачу Яковлева. Проснувшись послѣ ночной оргіи, захватившей часть дня, Саввушка выходитъ на терасу вмѣстѣ съ Бемомъ и „Нептуномъ“. Имъ приносятъ чай, коньякъ и сигары. Говоря „имъ“, я понимаю и Нептуна, потому что бульдогъ, возсѣдая на заднихъ лапахъ, одною изъ переднихъ ловко держалъ ручку чайной кружки, наполненной смѣсью воды съ крѣпкимъ коньякомъ, а другою — зажженную сигару, которая сильно дымилась, потому что песъ, прихлебывавшій изъ кружки грогъ, дышалъ на отрѣзанный конецъ сигары и дымилъ что твоя труба тайваневскаго невскаго парохода. Это были плоды дрессировки Бема, который очень кичился своимъ умѣньемъ довести собаку до такого совершенства, повторяя всегда слова: „Трудно, очень трудно было“ и прибавляя съ усмѣшечкой девизъ графа Клейнмихеля: „Усердіе все превозмогаетъ!“

— Да, да, извѣстное дѣло, хрипѣлъ, пуская клубы дыма изъ своей сигары, Яковлевъ,—ты, Бемъ, преусердная животина; однакожь не выучилъ еще моего „Нептуна“ затягиваться; онъ совсѣмъ по-нѣмецки куритъ, гляди, только дымитъ, а въ свое нутро не принимаетъ. Да что это нищіе не идутъ? Запропастились, черти!

— А вотъ, Саввушка, смѣялся Бемъ, — по твоему щучьему велѣнью и нищій мужичонка показался. Пари держу, что этотъ нищій прячетъ въ голенищѣ не одну сотню рублей.

Нищій подходитъ.

— Ты что? спрашивалъ его Яковлевъ.

— Христа ради, баринушка, отвѣчаетъ нищій, кланяясь.

— Ты это видишь?

Яковлевъ вынималъ красненькую ассигнацію, т. е. кредитку на серебро.

— Вижу, батюшка.

— Хочешь получить ее, всю? А?

Нищій молчитъ и только низко-низко кланяется.

— Я могу ее тебѣ отдать, могу, если хочешь.

— Коли милость ваша, баринушка... Пошли вамъ Господи...

— Только—стопъ! Не даромъ!.. Видишь эту собачью образину?

Яковлевъ оборачивался и хрипѣлъ: „Нептунъ, ici!“

Изъ-подъ кресла вылѣзаетъ бульдогъ и мрачно взглядываетъ на нищаго.

— Видишь, я дамъ тебѣ эту кредитку. Она ходитъ десять рублей на серебро, а по-старому 35 рублей. Шутка-ли—35 рублей!.. Только пусть мой Нептунъ на тебѣ промнется. Онъ, видишь, что-то заспался, а будь онъ не такимъ соней, такъ давно-бы уже далъ тебѣ трепку.

Нищему тунеядцу получить деньги хочется и кромѣ того онъ почти увѣренъ, что если откажется, то „Нептунъ“ все-равно налетитъ сзади и даромъ прокуситъ ему ногу; немного подумавъ, онъ соглашается.

— Изволь, батюшка, коли милости твоей такъ угодно.

— Нептунъ, ату его! хрипитъ этотъ обрюзглый, красноносый баринушка, швыряя нищему ассигнацію. „Нептунъ“ въ мигъ перерождается и, ощетиня шерсть и оскаливъ зубы, бросается на нищаго. Онъ тотчасъ сбиваетъ нищаго съ ногъ, валитъ его подъ себя и начи-

наетъ драть на немъ его отрепья, добираясь и до мяса. Нищій визжитъ, кричитъ, оретъ благимъ матомъ, барахтается, между тѣмъ какъ Яковлевъ и Бемъ хохочутъ.

— „Нептунъ“, tout beau (тубо)!.. ici!

Нептунъ, при всей свирѣпости своей, превосходно выдресированъ Бемомъ и вторымъ камердинеромъ Яковлева — Феклистомъ, послушенъ и исполнителенъ, какъ нельзя болѣе. И вотъ „Нептунъ“ кротко подходитъ къ своему владыкѣ, а владыка гладитъ его нѣжно по шерсти.

Являясь въ театръ, Савва Яковлевъ спалъ въ креслахъ со всхрапомъ на весь театръ и, пробуждаемый во время антрактовъ музыкой, отправлялся въ буфетъ пить шампанское. Онъ никогда не имѣлъ при себѣ ни кошелька, ни бумажника. Театральный буфетчикъ записывалъ долгъ и на другой день подавалъ счетъ въ контору Яковлева, гдѣ ему уплачивалось тотчасъ-же.

Саввушка рѣдко отлучался изъ Петербурга, считая, что ему только и житья, что въ Петербургѣ, съ которымъ онъ свыкся, да и Петербургъ съ нимъ свыкся. Разъ, однакожь, онъ слеталъ въ Парижъ, въ то время, когда въ Россіи еще не было желѣзныхъ путей, да и въ западной Европѣ ихъ было немного. Въ столицѣ вселенной нашъ самодуръ прежде всего, разумѣется, занялся лоретками, попойками и картами. Эти наслажденія, какъ извѣстно, часто группируются вмѣстѣ, такъ что не выпуская Цирцеи изъ объятій и не отнимая бокала отъ устъ, можно было весьма пріятно ставить на карту все, что угодно. Покрываемый поцѣлуями красавицы, сидѣвшей у него на колѣняхъ, запивая ихъ бокалами съ пѣнящимся шампанскимъ, Яковлевъ не задумавшись поставилъ на карту (бездѣлицу!) мильонъ фран-

ковъ—и проигралъ!.. Онъ откровенно сознался, что съ нимъ нѣтъ столько денегъ, что визировать на своего банкира онъ тоже не можетъ, потому что не аккредитованъ на такую сумму отъ отца.

— Mais le nom de notre maison à Petersbourg n'est pas un sécret, j'espère et sait faire honneur à chaque paiement, tel que cela, воскликнулъ онъ,—et voila tenez mon document! *)

Оригиналъ во всемъ, онъ и документъ далъ оригинальный, написанный имъ мѣломъ на зеленомъ сукнѣ ломбернаго стола и выраженный такъ: „Million de francs perdus à Paris. Dette d'honneur payable à Pétersbourg. Sawa Jakowleff“ **).

Сукно было тщательно срѣзано и отклеено, вставлено подъ стекло и отослано въ Петербургъ, гдѣ мильонъ франковъ былъ въ тотъ-же день уплаченъ предъявителю въ конторѣ Алексѣя Ивановича Яковлева на Васильевскомъ острову въ Загибенинномъ переулкѣ. Тогда говорили, что эта штука, выкинутая въ Парижѣ сыномъ милiонера, хотя и въ припадкѣ самодурства, понравилась милiонеру, который разсчиталъ своимъ практическимъ умомъ, что кредитъ въ денежныхъ дѣлахъ стоитъ капитала.

Саввушка въ Петербургѣ любилъ посѣщать публичные маскарады, гдѣ его постоянно окружали гетеры всѣхъ возможныхъ сортовъ и разрядовъ, всѣ-же мало-мальски порядочныя женщины бѣгали отъ него, какъ отъ чумы. Однакожь, какъ-то разъ одна порядочная женщина рискнула подойти къ нему.

---

*) Но вѣдь имя нашего дома въ Петербургѣ, надѣюсь, не тайна, онъ всегда отвѣчаетъ уплатою всякаго требованія, каково-бы оно ни было. А вотъ вамъ и мой документъ.

**) Милiонъ франковъ, проигранный въ Парижѣ. Долгъ чести, уплачиваемый въ Петербургѣ. Савва Яковлевъ.

— Я тебя знаю, сказала она Яковлеву.

— Ну, это тебѣ не дѣлаетъ чести: меня кромѣ публичныхъ женщинъ ни одна не знаетъ *).

Изъ маскарада Яковлевъ отправлялся домой въ сопровожденіи кучи гостей. Каждый гость обязанъ былъ привезти съ собою даму, *взятую на прокатъ*. Иныхъ дамъ Яковлевъ не терпѣлъ. Устраивался самый циничный вечеръ: каждая дама обязана была явиться предъ толпою въ костюмѣ прародительницы и плясать *патагонскій танецъ*. Это называлось: „Не выѣзжая изъ Петербурга, быть въ гостяхъ у дикаря въ южной Америкѣ“.

Вечеръ заканчивался великолѣпнымъ ужиномъ, при которомъ лакеи служили въ пудрѣ и шелковыхъ чулкахъ съ бальными башмаками. Дамы-же кушали въ натуральныхъ костюмахъ, даже безъ „виноградnаго листка“. На этихъ-то „вечеркахъ“, какъ называлъ ихъ Саввушка, разыгрывалась глупо-грязная продѣлка съ *серебрянымъ гробомъ*.

Не всѣ проказы Саввушки были дики, грубы и циничны; случались иногда довольно забавныя, какъ, напримѣръ, слѣдующая:

Разъ, гуляя по Невскому съ цѣлою ватагою своихъ постоянныхъ гостей, по большей части его прихвостней, что, впрочемъ, онъ дѣлалъ очень рѣдко, предпочитая общество Бема и „Нептуна“ въ публикѣ обществу всѣхъ этихъ господъ, изъ которыхъ большую часть онъ глубоко презиралъ и цѣнилъ по достоинству, Яковлевъ зашелъ въ одну изъ модныхъ парикмахерскихъ, кажется, Грильона у Казанскаго моста. Здѣсь онъ выстригся совершенно гладко, подъ гребенку, хотя за пять минутъ

*) Къ сожалѣнію, этотъ справедливый отвѣтъ чудака Саввушки понравился нашей молодежи и сдѣлался между нею весьма употребителенъ въ маскарадахъ. *Авт.*

передъ тѣмъ щеголялъ и хвастался своею густою сенсимонистскою гривою. Выстригся, всталъ и осмотрѣлся.

— Хорошо? спросилъ онъ у друзей-прихлебателей.

— Прелестно! отвѣчали ему.

— Нравится?

— Какъ нельзя болѣе, послышалось громко.

— Ну, а если нравится, стало быть, нечего и разговаривать. Стригите и ихъ всѣхъ подъ корень, какъ выстригли меня. Эта прическа называется, кажется, à la mal content. А я между тѣмъ выкурю нѣсколько штукъ пахитосовъ.

Онъ разсѣлся, закурилъ соломенную испанскую сигареточку, пока ножницы кривого Грильона и трехъ его помощниковъ, согласно данному приказанію, прекоротко выстригли всѣхъ этихъ господъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, актеръ Максимовъ (нѣкогда лучшій нашъ „Гамлетъ“, спившійся съ кругу и умершій отъ злой чахотки), никогда короткихъ волосъ не носили.

Къ числу шуточекъ другого рода принадлежала, напримѣръ, слѣдующая грязно-циничная шутка. Саввушкѣ пришла шальная фантазія велѣть повару изготовить весь ужинъ для многочисленныхъ гостей на касторовомъ маслѣ. Это сдѣлано было такъ тайно, что ни Бемъ, ни Элькань, яковлевскіе наперсники, ничего объ этой штукѣ не знали и вмѣстѣ со всѣми сдѣлались ея жертвою. Между тѣмъ Саввушкѣ подавали особенныя блюда: бульонъ, крылушко цыпленка и компотъ, такъ-какъ онъ прикинулся нездоровымъ и неимѣющимъ потому возможности ужинать. Затѣмъ Савва Алексѣевичъ изволилъ кататься отъ хохота, видя, какъ всѣ эти гости, одинъ за другимъ, блѣднѣли и стремительно убѣгали изъ залы. Какъ ни гадка эта потѣха, но все-таки она была цвѣточкомъ передъ, напримѣръ, слѣдующимъ безобразіемъ:

Въ ряды саввушкиныхъ завсегдатаевъ, не за долго

передъ концомъ карьеры этого самодура, поступилъ одинъ замѣчательно умный и образованный человѣкъ, личность котораго вполнѣ вѣрно охарактеризована въ статьѣ г. Эртаулова: „Воспоминанія объ А. Е. Измайловѣ“ (журналъ „Дѣло“ 1874 г., № 4-й). Въ 1826 г., т. е. за 20 лѣтъ до участія въ яковлевскихъ сатурналіяхъ, эта личность могла быть изображена только въ свѣтломъ и симпатичномъ видѣ остроумнаго и образованнаго человѣка. Но въ эпоху знакомства съ Яковлевымъ этотъ несчастный до крайняго излишества предавался пьянству, которое привело его къ ужасному концу: онъ умеръ въ 1849 году на улицѣ, сгорѣвъ, какъ нерѣдко сгораютъ люди, предающіеся слишкомъ неумѣренному употребленію спиртуозныхъ напитковъ. То былъ отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Сѣровъ, отецъ нашего знаменитаго музыкальнаго композитора, умершаго пять лѣтъ тому назадъ. Въ 1846 и 1847 годахъ Николай Ивановичъ сдѣлался, какъ я уже сказалъ, однимъ изъ завсегдатаевъ Яковлева, который восхищался его неистощимымъ запасомъ всегда забавныхъ анекдотовъ изъ общественной жизни, его блестящею начитанностью и его находчивымъ остроуміемъ, которымъ онъ превосходилъ извѣстнаго въ свое время острослова Греча. Все это, однакожъ, нисколько не мѣшало Саввушкѣ потѣшаться надъ Сѣровымъ, пользуясь его непомѣрной страстью къ вину, водкѣ, грогу, пуншу и жжонкѣ, и онъ дѣлалъ при этомъ часто изъ умнаго человѣка своего, какъ онъ говаривалъ, „превосходительнаго Балакирева“. Разъ зимою, во время масляницы, Яковлевъ днемъ повезъ всю свою ватагу, разумѣется, въ пяти или шести пошевняхъ, запряженныхъ тройками съ колокольцами и бубенчиками, на свою чернорѣченскую дачу, гдѣ гостей ожидали ледяныя горы, устроенныя на рѣчкѣ противъ саввиныхъ лѣтнихъ палатъ, бли-

ны съ зернистой икрой, только-что полученной съ яковлевскихъ уральскихъ заводовъ, и попойка на славу съ жженкою, въ которую пошло чуть-ли не полсотни ананасовъ, залитыхъ едва-ли не ведромъ рома, коньяку, арака и шампанскаго. Во время поѣздки Яковлевъ замѣтилъ, что на Сѣровѣ старая, вся вылѣзшая и истертая енотовая шубенка.

— Мнѣ гадко сидѣть съ твоимъ превосходительствомъ въ однихъ пошевняхъ, сказалъ Яковлевъ. — Меня тошнитъ отъ твоей шубенки! Брось ее на дорогу.

— Нѣтъ, братъ, молода, въ Саксоніи не была, смѣялся Сѣровъ, еще довольно трезвый, — вотъ выдумалъ что—бросать мнѣ мою шубенку на дорогу и ѣхать по морозу въ одномъ сюртучонкѣ. Съ ума ты, Савка, спятилъ или креста на тебѣ нѣтъ!.. Дай мнѣ твои бобры, такъ и перестанетъ тебя тошнить отъ моей бѣдной, заслуженной шубки.

— Изволь, сказалъ Яковлевъ,—изволь, ваше превосходительство, одарю тебя бобромъ; отдамъ его тебѣ сейчасъ-же, какъ ты кинешь свою пакость; да только съ условіемъ: когда пріѣдешъ на дачу и примешься за блины, ты долженъ будешь исполнить то, что я отъ тебя потребую. Обѣщай—и моя бобровая шуба сейчасъ съ моихъ плечъ перейдетъ на твои, хотя она тебѣ будетъ не впору, такъ-какъ если у тебя много ума и способности пить хмѣльное съ ранняго утра до ранняго утра, то ростомъ ты вышелъ совсѣмъ карапузъ. Ха! ха! ха!

— Ладно, ладно, ухмылялся Сѣровъ, — было-бы что шить, да кроить, а твою шубу портной Бригель, что шьетъ штаны съ гульфомъ для Вигеля, перешьетъ ми гомъ мнѣ на мой ростъ.

— Какой это портной Бригель, что работаетъ штаны

съ гульфомъ для Вигеля,—для того, вѣрно, святоши, что у моего старика часто бывалъ въ домовой церкви?

— Для него самаго, для Филипа Филиповича. Только этотъ святоша совсѣмъ ужь не святъ, доказательствомъ чему служитъ извѣстное четверостишіе Пушкина, конечно, совершенно нецензурнаго пошиба.

— Какое это нецензурное четверостишіе?

Сѣровъ прочелъ Яковлеву это четверостишіе, написанное Пушкинымъ, когда онъ узналъ объ одной весьма невзрачной склонности Филипа Филиповича. Саввушка велѣлъ Бему записать эти стихи въ его крайне нецензурную агенду, съ надлежащими коментаріями, и самъ постарался заучить эти четыре стишка, выражая свое изумленіе, какъ это онъ до сихъ поръ ихъ не зналъ и не слыхалъ. Онъ обѣщалъ за это сообщеніе Сѣрову изрядную долю жжонки, хоть-бы въ обиду другимъ собесѣдникамъ и собутыльникамъ.

— Однакожь, замѣтилъ серьезно Сѣровъ,—дать слово—великое дѣло! Недаромъ говоритъ пословица: „Давши слово держись...“ Чего добраго, когда я дамъ, Савка, тебѣ слово, ты потребуешь отъ меня, чтобъ я взялъ, подобно Маріо, ут-діезъ.

— Не бойся, не бойся, успокоивалъ его Яковлевъ,—ут-діеза никакого мы не потребуемъ, а предложу я тебѣ, мой превосходительный Балакиревъ, чтобъ ты совершилъ за эту бобровую шубу подвигъ по спиртуозной части. Ну, идетъ, что-ли?

— Какъ не идти, конечно идетъ, отвѣчалъ Сѣровъ,—по спиритуозной все, что хочешь, лишь-бы только не по вокальной, отъ которой рѣшительно отказываюсь. Итакъ, за шубу я на все спиртуозное согласенъ.

Яковлевъ велѣлъ кучеру остановиться; Сѣровъ, снявъ съ себя свою изношенную шубенку, бросилъ ее изъ саней на дорогу; Саввушка, исполняя свое обѣщаніе, так-

же сбросилъ съ плечъ свой бобровый тулупъ, надѣтый въ накидку, и закуталъ имъ Сѣрова. Между тѣмъ камердинеръ досталъ для своего барина, Саввы Алексѣевича, запасную ильковую шубу, которою тотъ и замѣнилъ отданную имъ сейчасъ Сѣрову бобровую, стоившую около тысячи рублей.

Послѣ катанья съ горъ, причемъ Сѣровъ раза три упалъ, запутавшись въ своей шубѣ, слишкомъ огромной для него, компанія вошла въ комнаты. Здѣсь пылалъ каминъ и на столикѣ стояли графинчики со всякими водками, игравшими на солнцѣ своими радужными цвѣтами; щеголевато одѣтые лакеи въ ливреяхъ со штиблетами готовы были идти за блинами. Сѣровъ, прозябши на горахъ, устремился было къ столику съ водками, но Яковлевъ удержалъ его за руку, сказавъ серьезно:

— Стопъ, ваше превосходительство! Благоволите прежде, чѣмъ приступить къ шельхенъ, который не уйдетъ отъ васъ, выпить стаканчикъ вотъ этого.

„Вотъ это“ было ничто иное, какъ изрядный стаканъ одеколону..

Съ мороза, да и желая скорѣе отдѣлаться отъ обязательства, Сѣровъ принялъ стаканъ съ жгучею спиртовою ароматическою жидкостью и опорожнилъ его залпомъ до дна, только побагровѣлъ, крякнулъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за графинчикъ съ изумруднымъ абсентомъ и затѣмъ началъ философически проходиться по хересамъ.

Выпивъ водки и закусивъ, компанія принялась за уничтоженіе блиновъ съ икрою, причемъ всѣ наперерывъ стали восхвалять силу „почтеннѣйшаго карапузика-питуха Николая Ивановича“.

— Молодецъ превосходительный, говорилъ Яковлевъ;— я думаю, онъ закрѣпитъ мой даръ шубы еще стаканчи-

комъ, если не одеколона, то оделаванда. А, Николай Ивановичъ, какъ думаешь?

Чего, Николай Ивановичъ ужь исправно осовѣлъ и почти лыка не вязалъ; но когда ему поданъ былъ стаканъ оделаванда, онъ принялъ его, сталъ медленно пить и, не допивъ до половины, со стаканомъ грохнулся на полъ, къ счастью покрытый густымъ ковромъ. Съ нимъ, бѣднымъ, сдѣлался припадокъ въ родѣ припадка падучей болѣзни; его било, трясло, онъ посинѣлъ, пѣна показалась около рта. Его осторожно отнесли въ одну изъ дальнихъ комнатъ на широкій диванъ и приставили къ нему внимательнаго наблюдателя изъ комнатной прислуги.

— Отлежится, замѣтилъ Савва весьма хладнокровно.

Сѣровъ, дѣйствительно, отлежался, всталъ какъ встрепанный, съѣлъ нѣсколько селедокъ, выпилъ жбанъ квасу и повеселѣлъ. Но послѣ этого случая онъ еще болѣе прежняго пристрастился къ спирту, къ голому, чистому, 90-градусному спирту, что довело его, наконецъ, въ 1849 году, до послѣдней трагической катастрофы—смерти среди бѣлаго дня на улицѣ. Однакожь, онъ почти годомъ пережилъ своего бывшаго амфитріона Яковлева, умершаго въ концѣ 1848 года.

Выше я уже говорилъ, что, получивъ извѣстіе о насильственной смерти Угрюмова, Яковлевъ, впавшій въ маразмъ и черную меланхолію, близкую къ помѣшательству, устремился снова въ водоворотъ на время оставленнаго имъ кутежа. Въ эту пору Иванъ Ивановичъ Иллеръ, знаменитый петербургскій увеселитель, выписалъ лучшій московскій хоръ цыганъ подъ управленіемъ не менѣе знаменитаго цыганскаго старшины и регента Ильи Соколова, который прибылъ въ Петербургъ съ суп-

ругою, болѣе, чѣмъ знаменитою, Матрешею, сводившею когда-то съ ума всю Москву, и вообще самъ 64 души цыганскихъ. Примадоннами были: Груша, Аня и Люба. Двѣ послѣднія были удивительныя плясуньи. Саввушка посѣтилъ ихъ таборъ, помѣщавшійся въ нѣсколькихъ новодеревенскихъ дачахъ, нарочно для нихъ нанятыхъ Излеромъ. Потомъ цыгане пѣли и плясали у Саввушки на дачѣ. Это стоило ему многихъ тысячъ; но вопросъ былъ въ томъ, чтобъ разгулялся Саввушка и чтобъ черная хандра его оставила, а призракъ Угрюмова пересталъ бы тревожить его еженочно. Для этой цѣли онъ засыпалъ не иначе, какъ съ своимъ знаменитымъ „серебрянымъ гробомъ“ въ рукѣ, на колѣняхъ у смуглыхъ красотокъ, Ани и Любы, убаюкивавшихъ его своими пѣснями и разжигавшихъ поцѣлуями. Но увы! ничто не помогало, и опухшій Саввушка, со всѣми признаками водяной, угасалъ и таялъ.

Вдругъ Саввушкѣ пришла счастливая мысль поѣхать въ обновленный циркъ Лежара и Кюзана у Александринскаго театра, гдѣ теперь зданіе театра Буффъ, не совсѣмъ удачно передѣланное изъ строенія, спеціально строившагося для этого „парижскаго“ цирка. Я не буду входить здѣсь въ подробное описаніе какъ этого, такъ и соперничествовавшаго съ нимъ Олимпійскаго цирка итальянца Гуэрры, имѣя намѣреніе, со временемъ, въ особой монографіи, посвященной нашимъ общественнымъ эксцентричностямъ, изобразить смѣшную *циркоманію* того времени, произведшую въ нашемъ обществѣ нѣчто въ родѣ войны бѣлой и алой розы и распри гвельфовъ и гибелиновъ. Скажу только, что въ „парижскомъ“ циркѣ было все какъ-то необыкновенно, въ особенности для этого рода зрѣлищъ,—какъ-бы это сказать?.. ну, изящно; здѣсь все отличалось вкусомъ, сдержанностью, знаніемъ приличія, такта. Хозяева: Кюзанъ

и его сестра, замѣчательные наѣздникъ и наѣздница-амазонка, ихъ зять Лежаръ, женатый на меньшой м-ль Кюзанъ, великолѣпнѣйшій вольтижеръ и дрессировщикъ; клоунъ Віоль, такъ похожій на виньетку сатирическаго лондонскаго журнала „Punch“, и его помощникъ, пригоженькій мальчикъ Пачифико Авиньоли, отличавшійся и въ вольтижировкѣ,—все это были личности, съ которыми порядочный и образованный человѣкъ могъ съ пріятностію проводить время. Женскій персоналъ былъ очарователенъ и такъ умѣлъ держать себя, что хотя всѣ эти adorables jeunes personnes имѣли протекторовъ, конечно, очень богатыхъ и тароватыхъ,—въ ложѣ или внѣ цирка, въ театрѣ, на балѣ, въ маскарадѣ, на гуляньи ихъ каждый непремѣнно счелъ-бы особами высшаго общества, превосходно воспитанными, знакомыми со всѣми тончайшими оттѣнками того, что называется кодексомъ хорошаго тона. При всемъ томъ онѣ вовсе не были какими-нибудь накрахмаленными квакершами или сухими, скучными пуританками. Онѣ всѣ были воспитаны своею директрисою—м-ль (правда, уже не молодою, лѣтъ 40, но на конѣ она казалась совершенною юницею) Шарлотою Кюзанъ. Дѣвицы эти были: Леопольдина Лезенская (подруга графа Виктора Егоровича Канкрина, сына покойнаго министра финансовъ), Луиза Летаръ и Елена Кремпонъ. Но розою и царевною изъ этой группы выдавалась прелестнѣйшая и милѣйшая Людовика Спалачинска, полька-француженка, очаровавшая Саввушку, вытянувшая отъ него многія сотни тысячъ въ одинъ какой-нибудь годъ, никогда не любившая его, постоянно ему измѣнявшая и даже бывшая причиною той послѣдней скандальной сцены съ оплеухой, послѣдствія которой свели нашего самодура въ могилу.

Заключаю мое повѣствованіе о Саввушкѣ эпизодомъ его перваго знакомства съ Людовикой Спалачинской,

считавшейся *Тальони на вольтижерномъ сѣдлѣ*. Яковлевъ въ первый разъ въ жизни встрѣтилъ въ этой хитрой полькѣ личность, которая рѣзко обнаруживала полное презрѣніе къ деньгамъ, хотя она и никогда не отказывалась отъ нихъ, уже потому, что она была проникнута до мозга костей идеею, которую когда-то удачно высказалъ въ своихъ стихахъ древній французскій поэтъ Мальербъ:

L'argent! O! l'argent! Sans lui tout est stérile.
Sans argent la vertu n'est qu'un meuble inutile.

Яковлеву не легко было уговорить м-ль Людовику сдѣлаться его подругой. Для этихъ уговариваній Александръ Львовичъ Элькань истрачивалъ все свое краснорѣчіе чуть не на пяти діалектахъ, на двухъ-же, т. е. на французскомъ и на польскомъ, навѣрное. Наконецъ, она согласилась принять у Яковлева на дачѣ блестящій обѣдъ, для котораго выписано было чуть не пять поваровъ разныхъ національностей, въ томъ числѣ, однакожь, два француза, которые и спеціалисты, и универсалы въ одно время; но никто лучше неаполитанца не сдѣлаетъ макаронъ и стуфато, никто лучше чистокроннаго англичанина не изжаритъ сочнаго, величественнаго ростбифа, никто какъ полякъ не состряпаетъ фляцекъ и зразъ. Этотъ званый обѣдъ, стоившій нѣсколько тысячъ рублей, былъ съѣденъ всею труппою, причемъ весельчакъ Віоль пилъ за здоровье присутствующихъ и гостепріимнаго хозяина изъ бокала, держа его не въ рукѣ, а пальцами правой ноги, разумѣется, на этотъ разъ разобутой. Передъ обѣдомъ, для развитія апетита, рѣшена была общая блестящая кавалькада, отчасти на лошадяхъ цирка, отчасти на лошадяхъ яковлевской конюшни. Саввушка уже давно не садился въ сѣдло, отвыкъ отъ ѣзды и какъ-то отяжелѣлъ; но изъ угожденія очаровательной Людовикѣ, въ

которую втюрился по уши, рѣшился поѣхать верхомъ да еще, увѣрялъ онъ, на такомъ конѣ, который, подобно Буцефалу Александра Македонскаго, никому не дозволяетъ на себя садиться. Дѣло закулисное, извѣстное только одному шталмейстеру Саввушки, бывалому и ловкому кавалергардскому вахмистру, вышедшему изъ полка въ отставку вмѣстѣ съ „господиномъ поручикомъ“, какъ онъ выражался, и получавшему у Яковлева всего до трехъ тысячъ рублей содержанія. Фортель, изволите видѣть, состоялъ въ томъ, что на яковлевской конюшнѣ былъ великолѣпный заводскій англійскій караковый жеребецъ, довольно степенныхъ лѣтъ и съ совершенно утраченными страстями, успокоенными разными искуственными средствами. Кличка ему была „Буцефалъ“; онъ имѣлъ необыкновенно свирѣпый видъ, громадную гриву, густую холку, закрывавшую налитые кровью глаза; онъ вѣчно грызъ удила, съ нихъ валила пѣна, но не потому, что добрая лошадь злилась, а потому, что она жевала какой-то корень, имѣвшій свойство источать массы чего-то похожаго на пѣну. Выводили „Буцефала“ на цѣпяхъ четыре конюха; онъ ржалъ, храпѣлъ, визжалъ, вырывался изъ рукъ. Но вѣдь этотъ Буцефалъ былъ Кинъ, Гарривъ, Тальма, Мартыновъ лошадиной породы: онъ, шельма, актерствовалъ, и актерствовалъ такъ хорошо, что всѣ эти спеціалисты—кавалеристы, французы—были проведены, надуты, и Яковлевъ съ своимъ шталмейстеромъ Зеленчуковомъ переглядывались, замѣчая восхищеніе и удивленіе всѣхъ этихъ берейторовъ и дрессировщиковъ, непонимавшихъ, что „Буцефалъ“ просто теля. Однакожь, уснувшіе инстинкты „Буцефала“, считавшагося всѣмъ конюшеннымъ людомъ принадлежащимъ нравственно къ той сектѣ, за принадлежность къ какой недавно еще былъ наказуемъ нашими законами столь извѣстный мильонеръ Солодовни-

ковъ,—пробудились, когда онъ почуялъ присутствіе нѣсколькихъ юныхъ кобылицъ, на хребтахъ которыхъ сидѣли юныя-же вольтижерки и амазонки цирка, особенно перламутросѣрая очаровательнѣйшая „Аріадна“, сегодня подведенная Яковлевымъ м-ль Людовикѣ Спалачинекой въ даръ и въ знакъ памяти,—привлекла къ себѣ вниманіе этого звѣроподобнаго ловеласа, который, не смотря на всѣ усилія конюховъ и даже самого Зеленчука, устремился къ красавицѣ. Наѣздница, видя нешуточную опасность, пустила свою изящную и граціозную лошадь впередъ, прямо къ запертымъ воротамъ, заставила ее сдѣлать ланцаду, и въ одно мгновеніе м-ль Людовика съ своимъ конемъ оказалась на чернорѣченскомъ берегу, а тяжелый Буцефалъ, ударясь грудью о ворота, упалъ навзничь, и когда его подняли, стоялъ на трехъ ногахъ—четвертая была если не совсѣмъ переломлена, то ненадежна для употребленія. Знатоки-французы обступили красиваго коня, цѣну котораго, пять тысячъ руб. сер., громко, во всеуслышаніе заявлялъ его владѣлецъ. Французы: Кюзанъ, Лежаръ и ихъ смотритель конюшни Шарле, увѣряли, что лошадь можно вылечить и что со временемъ хромота ея будетъ непримѣтна. Яковлевъ ничего слушать не хотѣлъ; онъ рѣшительно объявилъ, что, во-первыхъ, онъ терпѣть не можетъ имѣть у себя больныхъ животныхъ, а во-вторыхъ, Буцефалъ осмѣлился испугать м-ль Людовику, почему слѣдуетъ казнить этого негодяя. Мигомъ въ рукѣ Савушки оказался заряженный пистолетъ, приготовленный заранѣе камердинеромъ, въ то самое время, какъ начались дерзкія продѣлки Буцефала. Савушка подошелъ къ коню, смотрѣвшему на все и на всѣхъ съ удивленіемъ, и, громко сказавъ, чтобъ поняли французы:

— Meurs, coquin, pour avoir chagriné mademoiselle Lu-

dovique Spalathinska *),—выстрѣлилъ въ упоръ, и, разумѣется, пятитысячный конь, который могъ быть вылеченъ еще или поправленъ, по крайней мѣрѣ, — околѣлъ у ногъ его въ предсмертныхъ корчахъ.

— Cest un trait chevaleresque **), говорила м-ль Людовика. Хотя, правду сказать, убить собственноручно беззащитное животное, по моему мнѣнію, не заключаетъ въ себѣ ничего рыцарскаго, а, напротивъ, очень много варварскаго, самодурнаго и бахвальнаго. И вотъ этотъ-то нелѣпый подвигъ завоевалъ Саввушкѣ симпатію красавицы, хотя, по справедливости, погибель бѣднаго „Буцефала“ послѣдовала лишь за то, что онъ дерзнулъ восчувствовать къ четвероногой „Аріаднѣ“ совершенно тоже самое чувство, не совсѣмъ у него всѣми стараніями Зеленчука и ветеринара притупленное, какое Саввушка, при всей своей истасканности, восчувствовалъ къ Спалачинской. Послѣдствія симпатіи милой наѣздницы къ нашему самодуру вамъ извѣстны.

Еще нѣсколько словъ о житьѣ-бытьѣ Саввы Яковлева, который, какъ того требовалъ старикъ Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, его отецъ, если не обѣдалъ въ клубѣ, обѣдалъ у отца. Въ случаѣ, если у Саввы Яковлева обѣдалъ кто-нибудь изъ пріятелей, столъ сервировался изъ отцовской кухни. Ужины-же были исключительно принадлежностью хозяйства Саввушки, причемъ главнымъ мажордомомъ былъ Бемъ; Эльканъ-же въ эти дѣла мало вмѣшивался и Яковлевъ называлъ его ministre de mes plaisirs (министръ моихъ удовольствій). Квартира Саввы Яковлева въ василеостровскомъ домѣ состояла изъ множества огромныхъ комнатъ, великолѣпно и изящно отдѣланныхъ, которыя подвергались безпрестанной рестав-

*) Умри, негодяй, за то, что осмѣлился опечалить мадмуазель Людовику Спалачинскую.

**) Рыцарскій поступокъ.

рировкѣ, при малѣйшемъ дуновеніи моды. Что касается до житья на дачѣ, то здѣсь все было уже собственностью ея молодого владѣльца, обѣдавшаго здѣсь или на терасѣ, или въ саду, или въ огромной турецкой палаткѣ. Въ это время у Саввы Яковлева былъ особый поваръ, который получалъ весьма значительное жалованье. Конюшнею, очень блестящею, завѣдывалъ упомянутый отставной унтеръ-офицеръ Зеленчукъ; комнатная прислуга, да и вообще всякая, состояла почти исключительно изъ крѣпостныхъ людей. Достойно вниманія, что у этого, во многихъ случаяхъ безчувственнаго до цинизма самодура прислугѣ жилось очень хорошо.

VI.

ДОБАВЛЕНІЕ КЪ МОНОГРАФІИ „ГРАФЪ ХВОСТОВЪ".

Монографія „Графъ Хвостовъ", вошедшая въ составъ этой книги, была уже напечатана, когда авторъ познакомился съ нѣсколькими фактами, еще ярче характеризующими забавную личность чудака-метромана. Авторъ счелъ долгомъ въ особомъ добавленіи къ этой книгѣ познакомить съ этими фактами своихъ читателей.

Поэтъ Батюшковъ (лишившійся разсудка въ 1822 году и скончавшійся въ 1855 г. въ Вологдѣ) оставилъ по себѣ нѣсколько рукописныхъ пародій, изъ которыхъ, между прочимъ, одна была на „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ" Жуковскаго, подъ названіемъ: *„Пѣвецъ или Пѣвцы въ Бесѣдѣ Словенороссовъ, балладо-эпико-миро-комическо-эпизодическій гимнъ"*. Онъ мѣтилъ на тогдашнюю (1814 — 1815 гг.) *„Бесѣду любителей россійскаго слова"*; а въ заглавіи—на „Гимнъ *миро-эпическій*" Державина. Здѣсь, между прочимъ, вмѣсто Платова, представленнаго такъ мастерски въ „Пѣвцѣ" Жуковскаго, онъ изобразилъ графа Д. И. Хвостова. Прежде, чѣмъ

излагать самую пародію, считаю не безполезнымъ напомнить куплетъ Жуковскаго. Вотъ онъ:

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ—
Гроза для сопостатовъ!
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы!

А вотъ, для сравненія, пародія Батюшкова:

Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неистощимый!
Стихи твои, какъ барабанъ,
Для слуха нестерпимы!
Вездѣ съ стихами—тутъ и тамъ!
Вездѣ ты волкомъ рыщешь!
Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешь!
Лишь за поэму—прочь идутъ;
За оду—засыпаютъ;
Лишь за посланье—всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ!

Въ началѣ статьи моей о графѣ Д. И. Хвостовѣ, напечатанной въ этой книгѣ, я, кажется, успѣлъ нѣсколькими примѣрами доказать, что если графъ Хвостовъ былъ мономанъ, жестоко страдавшій стихоманіею, это не мѣшало ему быть не дуракомъ, какимъ его хотѣлъ изобразить, напримѣръ, А. Ф. Воейковъ. Въ подкрѣпленіе моего мнѣнія разскажу одну черту изъ его жизни. Въ началѣ 1812 года, когда еще о

позднѣйшихъ событіяхъ знаменитой отечественной войны никто и не помышлялъ, въ с.-петербургскомъ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ предложенъ былъ въ почетные члены графъ Д. И. Хвостовъ. Членъ общества, тогда еще очень молодой человѣкъ, Д. В. Дашковъ, успѣвшій, однакожь, довольно блистательно дебютировать на литературномъ поприщѣ, былъ противъ выбора графа Хвостова, но большинство голосовъ рѣшило выборъ. Надобно было покориться, и Дашковъ, уступивъ большинству, просилъ общество, по крайней мѣрѣ, дозволить ему сказать обычную привѣтственную рѣчь новоизбранному члену. Общество, не подозрѣвая никакой шутки, на это согласилось.

Дашковъ сказалъ рѣчь, наполненную похвалъ, но вмѣстѣ такой ироніи, которая бросалась въ глаза всякому и уничтожала всѣ другія мнѣнія въ пользу поэтическаго таланта новаго члена.

Въ то время еще юноша, Дашковъ служилъ въ департаментѣ министерства юстиціи. Министромъ былъ И. И. Дмитріевъ, любившій Дашкова и высоко цѣнившій прямоту его характера и его замѣчательныя способности. Когда Дмитріевъ узналъ о вышеописанной выходкѣ Дашкова, онъ посмѣялся ловкой ироніи привѣтственной рѣчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ пожурилъ юношу-оратора, разумѣется, не какъ подчиненнаго, а какъ симпатичнаго молодого человѣка, въ которомъ онъ принималъ особенное участіе и который самъ былъ ему искренно преданъ, не какъ начальнику, а какъ истинному другу, хотя и гораздо старшему его лѣтами.

Графъ Хвостовъ, на другой-же день послѣ произнесенія Дашковымъ, 14 марта, знаменитой его рѣчи, прислалъ звать его къ себѣ обѣдать. Дашковъ отправился къ Дмитріеву просить его совѣта, ѣхать-ли ему на этотъ обѣдъ. Дмитріевъ сказалъ ему рѣшительно:

— Совѣтую ѣхать, Дмитрій Васильевичъ. Знаю, что тебѣ будетъ неловко; но ты долженъ заплатить этимъ за свою неосторожность.

За обѣдомъ графъ Хвостовъ благодарилъ Дашкова, и раз-

сыпался въ похвалахъ его достоинствамъ; но за кофе, въ сторонѣ отъ другихъ, сказалъ ему:

— Неужели вы думаете, что я не понялъ вашей иронiи? Конечно, ваша рѣчь была очень забавна; но не хорошо, что вы подшутили такъ надъ старикомъ, который вамъ ничего дурного не сдѣлалъ. Впрочемъ, я на васъ не сержусь; останемьтесь знакомы по-прежнему.

Тѣмъ эта исторiя и кончилась между ними, но для молодого шутника-сатирика имѣла послѣдствiя непрiятныя: литературное общество исключило Д. В. Дашкова изъ своихъ членовъ.

Графъ Хвостовъ любилъ посылать, что ни напечатаетъ, ко всѣмъ своимъ знакомымъ, тѣмъ болѣе къ людямъ извѣстнымъ. Карамзинъ и Дмитрiевъ всегда получали отъ него въ подарокъ его стихотворныя новинки. Отвѣчать похвалою, какъ водится, было затруднительно. Но Карамзинъ не затруднялся. Однажды онъ написалъ къ графу, разумѣется, иронически: „Пишите! Пишите! Учите нашихъ авторовъ, какъ должно писать!“ Дмитрiевъ укорялъ его, говоря, что Хвостовъ будетъ всѣмъ показывать это письмо и имъ хвастаться; что оно будетъ принято одними за чистую правду, другими за лесть; что и то, и другое нехорошо.

— А какъ-же ты пишешь? спросилъ Карамзинъ.

— Я пишу очень просто. Онъ пришлетъ ко мнѣ оду или басню; я отвѣчаю ему: «ваша ода, или басня, ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ своимъ!» Онъ и доволенъ, а между тѣмъ это правда.

Преданный страсти къ славолюбiю и извѣстности, графъ Хвостовъ изъ чувства перваго и ради послѣдней, по дорогѣ къ его деревнѣ (село Талызино, въ симбирской губернiи), по которой онъ часто ѣздилъ, дарилъ свои сочиненiя станцiоннымъ смотрителямъ съ непремѣннымъ условiемъ, однакожь, вынуть изъ книги его портретъ и украсить имъ стѣну, по-

мѣстивъ подъ портретомъ царствующаго Императора, находившимся на каждой станціи.

Нѣтъ того плохого стихокропателя, у котораго не встрѣтилось бы нѣсколькихъ стиховъ, достойныхъ памяти. Такіе три стиха отысканы даже у графа Д. И. Хвостова. Напримѣръ:

1) Потомства не страшись: его ты не увидишь!
2) Выкрадывать стихи—не важное искуство.
3) Украдь Корнелевъ духъ, а у Расина чувство!

А. Ф. Воейковъ, этотъ злой и ехидный зоилъ, говаривалъ всегда, когда у графа Хвостова случался порядочный стихъ: „Это онъ такъ, нечаянно *промолвился*".

Графъ Хвостовъ знаменитъ не столько дурными стихами, сколько тѣмъ, что въ сочиненіяхъ его сама природа является иногда навыворотъ. Напримѣръ, кому неизвѣстенъ законъ оптики, что отдаленный предметъ кажется меньше. Графъ Хвостовъ, повидимому, не признавалъ этого закона; въ его притчѣ: «*Два прохожіе*», этимъ прохожимъ какой-то предметъ сперва кажется издали *тучей*; потомъ онъ показывается *горою*; но когда они подошли ближе, то увидѣли, что это *куча*. У Хвостова, въ тѣхъ же его притчахъ, *оселъ* взлетаетъ на рябину и крѣпко *лапами* за дерево хватаетъ; *голубь*—разгрызъ *зубами* узелки; *сума* надувается отъ *вздоховъ*; *ужъ*—становится *на колѣни*; *рыбакъ*, плывъ по рѣкѣ, *застрѣлилъ лисицу*, которая не видала его потому, что шла къ рѣкѣ *кривымъ глазомъ*; *воръ* ружье замѣтилъ *изъ-за горъ* и пр., и пр. и пр.

Во время *арзамазства* друзья-литераторы: Жуковскій, Дашковъ, Воейковъ и А. И. Тургеневъ, въ подражаніе четверостишію Буало къ Шапеленю, сочинили слѣдующую над-

нись къ портрету графа Хвостова,—надпись, которой графъ восхищался:

Се росска Флакка зракъ!
Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Выспрь быстро, какъ птицъ
Царь, несъ звукъ на Геликонъ.
Се ликъ одъ, притчъ творца,
Музъ чтителя, Хвостова,
Кой поле испестрилъ
Россійска красна слова!

Однажды въ Петербургѣ графъ Хвостовъ долго мучилъ у себя на дому племянника своего Ф. Ф. Кокошкина (извѣстнаго писателя) чтеніемъ ему вслухъ безчисленнаго множества своихъ виршей. Наконецъ, Кокошкинъ не вытерпѣлъ и сказалъ ему:

— Извините, дядюшка, я далъ слово обѣдать; мнѣ пора! Боюсь, что опоздаю; а я пѣшкомъ!

— Что же ты мнѣ давно не сказалъ, любезный! отвѣчалъ графъ Хвостовъ:—у меня всегда готова карета; я тебя подвезу!

Но только-что они сѣли въ карету, гр. Хвостовъ выглянулъ въ окно и закричалъ кучеру: „ступай шагомъ!“, а самъ поднялъ стекло кареты, вынулъ изъ кармана тетрадь и принялся снова душить чтеніемъ несчастнаго запертаго Кокошкина.

Въ 1803 году графъ Хвостовъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, котораго впослѣдствіи князь Вяземскій изобразилъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ подъ именемъ Картузова, и еще съ г-номъ С***, вздумали издавать журналъ: *Другъ просвѣщенія*. Эти три стихотворца собирались вмѣстѣ читать свои произведенія и рѣшать, достойны-ли они помѣщенія въ журналѣ. При этомъ разборѣ, какъ скоро пьеса третьяго оказывалась плоха, остальные наперерывъ пре-

возносили ее, для того только, чтобы ихъ собственныя произведенія при ней показались читателямъ лучше. Послѣ этого можно судить, каковы были всѣ стихотворенія, помѣщаемыя въ этомъ журналѣ, который просуществовавъ въ Москвѣ почти два года.

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна,
Нашъ Бавій говоритъ, любуясь самъ собой:
Отнынѣ будетъ всѣмъ поэтамъ моднымъ смѣна,
Всѣ классики уже переводимы мной;
Такъ я и самъ ученымъ свѣтомъ
Достоинъ признанъ быть классическимъ поэтомъ!
Такъ, Бавій, такъ, стихи, конечно, и твои
На лекціяхъ пойдутъ въ примѣръ галиматьи!

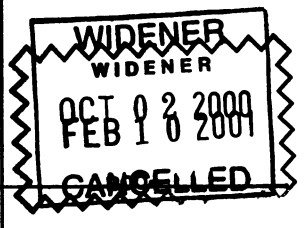
Эпиграмма эта написана была И. И. Дмитріевымъ на графа Д. И. Хвостова, который въ то время переводилъ французскихъ классиковъ своимъ топорнымъ стихомъ, нерѣдко съ отступленіями отъ идей автора и отъ здраваго смысла. Однакожь эпиграмма эта дала поводъ А. Ф. Мерзлякову принять ее на свой счетъ. Это забавно!..

1/10

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does ***not*** *exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413



Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.